

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Журавель Тамара Николаевна

Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор О.В. Фельде

Красноярск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретико-методологические основы исследования этноязыковой ситуации	12
1.1. Этноязыковая ситуация и смежные понятия	12
1.2. Типы этноязыковых ситуаций	19
1.3. Методы исследования этноязыковых ситуаций	27
1.4. Исследования этноязыковой ситуации в регионах Сибири	36
Выводы по I главе	51
ГЛАВА II. Особенности этноязыковой ситуации на территории русско-тувинского приграничья (Усинская долина Красноярского края)	53
2.1. Усинская долина как уникальное этносоциокультурное пространство	53
2.1.1. Усинская долина как приграничная территория	53
2.1.2. Этносоциальная характеристика Усинской долины	58
2.1.3. Этнокультурная характеристика Усинской долины	72
2.2. Сферы функционирования тувинского языка в Усинской долине.	75
2.3. Функциональные типы языков Усинской долины.	82
2.4. Этноязыковая политика как важнейший фактор современной этноязыковой ситуации в Усинской долине	89
Выводы по II главе.	96
ГЛАВА III. Лингвистические факторы и следствия языкового сдвига в Усинской долине Красноярского Края	98
3.1. Объективные факторы языкового сдвига в среде усинских тувинцев	98

3.2. Субъективные факторы языкового сдвига в среде усинских тувинцев . . .	113
3.3. Перспективы сохранения тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края	134
Выводы по III главе	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
ЛИТЕРАТУРА	.144
ПРИЛОЖЕНИЯ	.168

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению этноязыковой ситуации в приграничном русско-тувинском районе Приенисейской Сибири. Исследуются внешние и внутренние факторы языкового сдвига и перспективы сохранения этнического языка в среде тувинского населения Усинской долины Красноярского края.

Актуальность исследования

Актуальность работы обусловлена тем, что его результаты: 1) расширяют эмпирическую базу макросоциолингвистики; 2) способствуют решению дискуссионных проблем влияния общества на функционирование и витальность языка; 3) дают представление о соотношении внешних и внутренних факторов, которые детерминируют языковые ситуации в пограничных регионах. Кроме того, материалы и выводы диссертационного исследования дополняют сведения о современной этноязыковой ситуации в Средней Сибири. Предпринятый анализ механизмов языкового сдвига позволяет определить степень витальности тувинского языка и сделать прогноз его дальнейшего функционирования на территории Усинской долины. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют скорректировать региональную языковую политику в отношении языков коренного населения юга Красноярского края.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края – районе тесных языковых русско-тувинских контактов.

В качестве предмета исследования выступают факторы (объективные и субъективные), влияющие на языковую ситуацию в изучаемом регионе.

Цель исследования

Цель работы – охарактеризовать современную этноязыковую ситуацию в Усинской долине и выявить перспективы функционирования тувинского языка на данной территории в будущем.

Задачи:

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) сформировать эмпирическую базу исследования, проведя серию социалингвистических и психалингвистических экспериментов на исследуемой территории;
- 2) проанализировать методологические подходы к изучению этноязыковых ситуаций, обобщить опыт их исследования на территории Сибири;
- 3) рассмотреть экстралингвистические факторы формирования языковой ситуации на территории Усинской долины;
- 4) выявить функциональные типы языков Усинской долины Красноярского края, представить сравнительный анализ коммуникативной мощности, функциональной нагруженности и юридического статуса, наличия/отсутствия письменности русского и тувинского языков в Усинской долине в различные исторические периоды;
- 5) описать основные сферы использования тувинского языка в Усинской долине в XXI в. и проанализировать языковую политику в отношении основных языков данного региона;
- 6) установить внутренние и внешние факторы языкового сдвига, дать оценку витальности языка усинских тувинцев.

Степень научной разработанности проблемы

Интенсивное изучение языковых ситуаций в теоретическом и прикладном аспектах началось во второй половине XX в. в трудах советских и зарубежных социалингвистов [Швейцер 1971, 1976; Швейцер, Никольский 1978; Аврорин 1975; Дешериев 1958, 1966, 1972, 1976, 1977, 1988; Исаев 1979, 1982, 1994; [Введите текст]

Степанов 1976; Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984; Ferguson 1971; Fishman 1971; Haugen 1957, 1964, 1972; Gumperz 1968; Labov 1965, 1970; Trudgill 1974; Giles, Bourhis, Taylor 1977; Kloss 1988; Gal 1989; Krauss 1992]. На рубеже XX–XXI вв. и в первое десятилетие XXI в. появляется множество работ, посвященных анализу языковых ситуаций в отдельных субъектах и историко-культурных областях Российской Федерации: на Крайнем Севере [Вахтин 2001, 2001а, 2004; Булатова 2003; Казакевич, Парфенова 2000; Люблинская 2000; Бурыкин 1997, 1999, 2007]; в Туве [Боргоякова 2002; 2002б; 2002в; Цыбенова 2013]; в Якутии [Васильева 2007], в Хакасии [Боргоякова 2002; 2002а; 2002б; 2002в; Гусейнова 2011; 2014; 2014а], на Алтае [Москалюк 2012] в Бурятии [Хилханова 2007; 2008; 2009; 2009а; Цыбденова 2003, 2010; Огдонова 2009, 2009а, 2010], в Тюменской области [Беженцев 2011], в Тофаларии [Сюрюн 2014]; в Башкортостане [Галимьянова 2007; Сафин 2000], в Татарстане [Тухватуллина 2003; Салимова, Димерханов 2012], в Удмуртии [Торохова 2012] в Кабардино-Балкарской республике [Теуникова 2002], в Дагестане [Баламамедов 1992; Магомедова 2011], в Северной Осетии [Камолов 2007], на Архангельском Севере [Плешкова 2005], на Дальнем Востоке [Оглезнева 2012] и др. В центре внимания социолингвистов находятся проблемы языковой политики и витальности миноритарных языков Российской Федерации в новых социально-политических условиях [Алпатов 2000, 2005, 2006; Губогло 1998; Нерознак 1994; Михальченко 1990, 1991, 1994, 1994а, 1994б, 1994в, 1999, 2010; Баскаков 1994; Бердашкевич 2000; Герд 1995; Гулинов 2011; Замятин и др. 2012; Илишев 2000, 2002; Кобенко 2010, 2011; Пиголкин 1992]. В обширном перечне макросоциолингвистических работ особо отметим те, что посвящены языковой ситуации и национально-языковой политике в отношении миноритарных языков в приграничных регионах [Иванищева, 2008; 2008а; Рогова 2010].

В настоящей диссертационной работе исследуется двуязычный языковой коллектив, и в качестве основных используются понятия «первый язык» и [Введите текст]

«второй язык». Под первым языком понимается материнский язык билингва, тот, который был освоен первым, а не функционально первый язык. Соответственно, второй язык – это язык, «которым индивид овладел после родного» [ССТ 2006, с. 41]. Понятие «родной язык» является дискуссионным, и при составлении социалингвистической анкеты предполагалось, что респонденты будут вкладывать в него разный смысл. Именно поэтому в анкету был введен вопрос: «Почему вы считаете данный язык родным?» В ходе исследования удалось установить, что под «родным языком» понимается преимущественно «этнический язык».

Методы исследования

На этапе сбора материала применялся социалингвистический метод с приёмами анкетирования и интервьюирования. Кроме того, на этапе сбора материала использовался приём свободного ассоциативного эксперимента и методика завершения предложения. В качестве слов-стимулов давались словосочетания на русском и тувинском языках: «русский язык» и «тувинский язык» («орус дыл», «тыва дыл»). Язык ответов выбирался респондентом самостоятельно. Для завершения предлагались фразы: «В настоящее время тувинский язык...» и «В будущем тувинский язык...».

На исследовательском этапе применялись методы одномерного и двумерного количественного анализа, сопоставления, интерпретации и классификации.

Материалом исследования послужили: 1) данные Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г.; 2) данные социалингвистического анкетирования и свободного ассоциативного эксперимента, полученные в ходе полевых исследований в Усинской долине Красноярского края в 2010–2012 гг.; 3) данные интервьюирования тувинцев, проживающих в Усинской долине; 4) официальные документы, отображающие языковую политику в Красноярском крае.

[Введите текст]

В социолингвистических опросах и анкетировании приняли участие 412 человек в возрасте от 2 до 82 лет. В ассоциативном эксперименте участвовали 64 усинских тувинца в возрасте от 14 до 64 лет; в результате было получено 200 реакций, из них 112 на тувинском языке.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые проводится социолингвистическое обследование Усинской долины Красноярского края; впервые применительно к исследованию языкового сдвига в русско-тувинском приграничье используется комбинация социолингвистических и психолингвистических методик; кроме того, впервые делается прогноз перспектив сохранения тувинского языка на исследуемой территории.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования значимы для решения дискуссионных вопросов теоретической социолингвистики, таких как: ценностные ориентации этноса и выбор языка, пределы влияния общества на функционирование и витальность языка. Важное теоретико-методологическое значение имеет апробация комбинированной (психосоциолингвистической) методики при анализе функционального взаимодействия языков на стыке этноязыковых ареалов.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при решении прикладных задач макросоциолингвистики: рационального распределения государственного и местного языков по сферам общения, сохранения миноритарных языков в условиях глобализации, формирования гармоничного дву- и многоязычного общества. Помимо этого, исследование вносит вклад в описание языковой ситуации в Красноярском крае и может способствовать выработке сбалансированной языковой политики в отношении миноритарных языков Красноярского края, в частности тувинского языка.

Материалы и выводы исследования могут найти применение в вузовских курсах социолингвистики и в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены на международных конференциях: «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2010 г.); «Language, Individual and Society» (Болгария, Bulgarian Academy of Sciences, 2011 г.); «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, СФУ, 2012 г.); «Кочевые цивилизации народов центральной и северной Азии: история, состояние, проблемы» (Кызыл, ТывГУ, 2012 г.); «Постсоветское пространство: процессы интеграции или дезинтеграции?» (Торунь (Польша), Университет им. Николая Коперника, 2013 г.); «Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: проблемы глобализации и сохранения национальной самобытности» (Абакан, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013 г.) «Постсоветское пространство как языковой проект: медиа, политика, культура» (Москва, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, 2013 г.). Также результаты исследования представлялись и обсуждались на конференциях и семинарах всероссийского и регионального уровней: «Молодежь и наука» (Красноярск, СФУ, 2011, 2013, 2014 гг.); «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, СФУ, 2011 г.); «Миноритарные языки в поликультурном пространстве России» (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011 г.); «Язык и социальная динамика» (Красноярск, СибГАУ, 2012 г.); «Опыт реализации языковой политики в субъектах Российской Федерации» (Уфа, Академия наук Республики Башкортостан, 2013 г.); «Проблемы языкознания и межкультурной коммуникации: взгляд молодых исследователей» (Абакан, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2014 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 14 статей. Из них 3 – в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

[Введите текст]

Структура диссертационной работы

Диссертационная работа состоит из Введения, в котором формулируется цель исследования, ставятся его задачи, обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость; главы I, обобщающей теоретические и практические исследования языковой ситуации и языковой политики в России и за рубежом; главы II, описывающей языковую ситуацию в Усинской долине Красноярского края в целом, и в частности рассматривающей особенности функционирования русского и тувинского языков в данном районе; главы III, выявляющей условия и факторы языкового сдвига среди тувинцев Усинской долины; и заключения, содержащего результаты проделанной работы.

Положения, выносимые на защиту

1. Языковую ситуацию в Усинской долине Красноярского края можно представить как экzogлоссную, несбалансированную, двухкомпонентную (с русским и тувинским элементами), неравновесную. Такая языковая ситуация обусловлена социально-историческими условиями, и в первую очередь длительными (с сер. XIX в.) контактами русского и тувинского этносов.

2. Тувинский язык в Усинской долине является местным языком, который обслуживает преимущественно сферу семейно-бытового общения и используется в среде тувинцев среднего и старшего возраста. Объем коммуникации на тувинском языке постепенно сокращается.

3. Региональная языковая политика в Красноярском крае не нацелена на поддержку местных языков тех народов, которые не ведут традиционный образ жизни. Тувинский язык в Усинской долине не является объектом статусной и корпусной языковой политики.

4. Языковой сдвиг в среде усинских тувинцев обусловлен объективными и субъективными факторами: слабой демографической мощностью, конкуренцией с русским языком на официальном и бытовом уровнях, сокращением

воспроизводства языка, низким престижем тувинского языка, восприятием его как языка «прошлого», низкой субъективной оценкой витальности языка.

5. В будущем прогнозируется сохранение быстрого темпа языкового сдвига в среде усинских тувинцев, который будет сдерживаться притоком тувиноговорящих мигрантов из соседней республики; субъективным восприятием тувинского языка как этнообразующего начала и вниманием местных властей к популяризации этнической культуры тувинцев.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

1.1. Этноязыковая ситуация и смежные понятия

Главный объект макросоциолингвистических исследований – *этноязыковая ситуация*. Однако единства в определении этноязыковой ситуации в науке до сих пор нет. Это вызвано не столько разногласиями в понимании сущности самого объекта, сколько вопросом о его границах. К примеру, узкое представление об этноязыковой ситуации складывается исключительно из языков и диалектов, учитывается ареал их распространения, генетические характеристики, при этом функциональный статус языков, составляющих этноязыковую ситуацию, рассматривается как внешний (экстралингвистический) фактор и в само понятие не включается. Широкое представление о данном объекте состоит не только из собственно лингвистических взаимоотношений между языками на некоей ограниченной территории, но и из коммуникативных (функциональных) характеристик этих языков, а также из субъективных (оценочных) факторов.

Скорее всего, нечеткость границ понятия «этноязыковая ситуация» вызвана неоднозначностью ключевого понятия «язык». Если понимать язык как систему знаков, то, разумеется, все, что будет относиться к речевой деятельности, будет для него чем-то внешним. Если же понимать язык как социальное явление, то в него будет включаться и социальная, и когнитивная, и коммуникативная составляющие.

Понятие «языковая ситуация» (language situation) впервые возникает в трудах американских антропологов, занимавшихся изучением языков Азии и Африки. Надо сказать, что в то время данное понятие представлялось [Введите текст]

самоочевидным, с прозрачной семантикой, и каких-либо специальных дефиниций ему не давали.

Необходимость подробного анализа понятия «языковая ситуация» возникла в 60–70-е гг. XX в., когда оно прочно вошло в метаязык социалингвистической науки. Первыми, кто дал определения языковой ситуации, стали американский ученый Ч. Фергюсон [Ferguson 1971] и советский лингвист Л.Б. Никольский [Никольский 1976].

Определение Ч. Фергюсона достаточно лаконично: «Языковая ситуация – это общая конфигурация использования языка в данное время и в данном месте» [Ferguson 1971, p. 157]. При характеристике языковой ситуации Ч. Фергюсон предлагает опираться на два параметра:

- 1) сколько языков, какого рода языки и при каких обстоятельствах используются в изучаемом ареале;
- 2) количество человек, говорящих на них, установки и мнения, которых придерживаются члены данного коллектива [там же].

Исходя из этого можно сказать, что для Ч. Фергюсона языковой критерий представляется первичным, в то время как языковой коллектив – важный, но все же второстепенный параметр. При этом более широкий социальный контекст остается за рамками исследуемого концепта.

Определение языковой ситуации, данное Л.Б. Никольским, более подробно и социологично: «Языковой ситуацией мы называем совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности» [Никольский 1976, с. 79]. В данном определении можно увидеть, во-первых, четкое представление о том, что «подязыки и функциональные стили» считаются компонентами языковой ситуации. Во-вторых, конкретизируются физические границы, в которых рассматривается языковая ситуация: «административно-территориальное объединение» и «этническая общность». Все

[Введите текст]

языки (подъязыки, стили), по Л.Б. Никольскому, находятся в тесной взаимосвязи, которая осуществляется за счет контактов между языковыми общностями, а также за счет роли этих языков в коммуникации исследуемого сообщества и отношения языков друг к другу.

В итоге, языковая ситуация в концепции Л.Б. Никольского предстает в виде «системы языковых систем и подсистем, каждая из которых принадлежит к определенному функциональному типу» [там же, с.80]. Ученый делает акцент на структурной сложности языковой ситуации и предлагает рассматривать совокупность языков (подъязыков, стилей), функционирующих на данной территории в тесной связи с социальным субстратом и с процессом коммуникации как таковой.

Параллельно с Л. Б. Никольским дал определение понятию «языковая ситуация» В. А. Аврорин. Согласно его определению, под языковой ситуацией подразумевается «выполнение функций всех наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» [Аврорин 1975, с. 120]. Таким образом, на первый план у В.А. Аврорина выходит не количественный, а функциональный аспект: главным для исследователя языковой ситуации представляется не определить число языков и форм их существования на данной территории у данного этноязыкового коллектива, а изучить, какие именно функции выполняют данные языки и в каких сферах и средах они находят свое применение.

А.Д. Швейцер представляет языковую ситуацию как модель. Его определение звучит следующим образом: «Языковая ситуация – это модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих в пределах данного политико-административного культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношениях этих систем и

[Введите текст]

подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [Швейцер 1977, с. 133–134].

Подобно Ч. Фергюсону, А.Д. Швейцер также указывает на значимость социальных установок членов исследуемой общности по отношению к языкам и формам их существования. То есть еще одним важным компонентом языковой ситуации оказывается оценочный критерий языка. Новым в определении А.Д. Швейцера представляется введение временного параметра в изучение языковой ситуации. Ученый показывает, что языковая ситуация – это синхронный срез, и в разные периоды времени она будет различной. Об этом же говорит и определение языковой ситуации как модели, то есть условно статичного фрагмента реальности.

Значительно сузил представление о языковой ситуации В.А. Виноградов, который предложил считать языковую ситуацию компонентом социалингвистической ситуации. Согласно его определению, языковая ситуация – это «совокупность языков и диалектов в их пространственных, генетических и некоторых других характеристиках, без учета их функционального статуса» [Виноградов и др. 1984, с. 18].

Определение, содержащееся в «Словаре социалингвистических терминов» под редакцией В.Ю. Михальченко, с одной стороны, учитывает и количественный, и системный, и функциональный подходы, с другой стороны, никак не комментирует фактор времени: «Языковая ситуация (социалингвистическая, этнолингвистическая) – это совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-территориальных образований» [ССТ 2006, с. 266]. Следует обратить внимание, что в данном определении в качестве синонимов языковой ситуации выступают

социолингвистическая и этнолингвистическая ситуации, что не соответствует позиции В.А. Виноградова.

Современные учебные пособия по социолингвистике тоже не дают однозначных определений языковой ситуации. К примеру, Н. Б. Мечковская в своем учебном пособии «Социальная лингвистика» объясняет данное понятие следующим образом: «Языковая ситуация – это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [Мечковская 2000, с. 100]. Основными компонентами языковой ситуации, таким образом, по мнению Н.Б. Мечковской, являются языки (и их формы существования), социальный субстрат и территория (регион или государство), что совпадает с позицией, изложенной в Словаре социолингвистических терминов.

Авторы учебного пособия «Социолингвистика и социология языка» Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки отмечают, что языковая ситуация – это «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований» [Вахтин, Головки 2004, с. 47]. Ученые подчеркивают в своем определении именно территориальный аспект, полагая ограниченность территории важной составляющей данного понятия.

Итак, феномен «языковая ситуация» в современной лингвистической науке осмысливается с точки зрения разных подходов:

- 1) количественный подход: языковая ситуация – это совокупность языков и форм существования языков на определенной территории. Все, что касается особенностей функционирования данных языков, называется

коммуникативной ситуацией и включаться в понятие «языковая ситуация» не должно;

- 2) синхронический подход: языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее существования. При этом «совокупность языков» сама по себе языковую ситуацию не образует;
- 3) функциональный подход: языковая ситуация – это совокупность языков и их форм существования, а также особенности функционирования данных языков на данной территории, включая оценочные характеристики, даваемые языкам как самими носителями, так и теми, для кого данные языки родными не являются. Временной фактор может приниматься во внимание, а может и не приниматься.

При этом, как показывает анализ определений, понятие «языковая ситуация» следует отличать от смежных ему понятий этническая, коммуникативная, лингвокультурная (культурная) ситуации, а также социально-коммуникативная система.

Обратимся к общефилософскому, онтологическому пониманию ситуации. Ситуация – это одно из фундаментальных понятий философии экзистенциализма, оно определяет «общее отношение живого существа к его природному окружению» [Жюлиа 2000. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/878/word/situacija>]. Ситуация вызывает некую реакцию индивида – позицию. Таким образом, ситуация всегда объективна, но ей необходим воспринимающий субъект, позиция которого – субъективна.

Разные типы ситуаций зависят от того, какие объекты реального мира будут приняты во внимание исследователем. Так, *этническая ситуация* описывает национальный состав определенного государства или региона. При этом одной из важных составляющих этнической ситуации являются национально-языковые

отношения [Этнические... 1995. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/1019361/world/situacija-yetnicheskaja>].

Термин «*коммуникативная ситуация*» имеет два значения: 1) «структурная организация определённой ситуации общения» и 2) «синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности» [ССТ 2006, с. 92]. В коммуникативную ситуацию, рассматриваемую в первом значении, включаются все сопутствующие акту речи обстоятельства, как то: социальные характеристики участников речи, обстановка, в которой протекает общение, учитывается цель общения, эмоциональные оценки содержания речи и самих говорящих. Взятая во втором своем значении, коммуникативная ситуация анализирует коммуникативные сферы и процессы, в них происходящие. *Коммуникативная ситуация*, безусловно, зависит от языковой ситуации и обуславливается ею.

Язык может рассматриваться не только как сугубо социальный феномен, но и как факт культуры. В этом случае язык становится объектом лингвокультурологии. Взаимодействие языка и культуры изучается в рамках *лингвокультурной ситуации*, учитывающей исторические, политические, экономические и т. п. реалии [Шаклеин 1997, с. 19].

Для описания этноязыковой ситуации в разных её аспектах используется также термин «*социально-коммуникативная система*». Этот термин был введен А.Д. Швейцером в 1976 г. Социально-коммуникативная система подразумевает совокупность языковых систем и подсистем (кодов), используемых тем или иным языковым коллективом и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности. Это означает, что каждый код (язык, диалект, стиль, жаргон и т.п.) обладает своим набором функций. Функции тесно связаны между собой, и говорящий выбирает в качестве средства общения тот или иной код в зависимости от коммуникативной ситуации. Именно в рамках теории социально-коммуникативных систем проявилось внимание к так называемому

[Введите текст]

переключению кода – то есть смене языкового кода в зависимости от изменения ситуации общения. Применение этого термина возможно, если необходимо изучить распределение языковых систем и подсистем по различным коммуникативным сферам в пределах одного речевого коллектива [ССТ 2006, с. 203–204]. Языковая ситуация принципиально отличается от социально-коммуникативной системы тем, что языки, составляющие языковую ситуацию могут распределяться между разными членами языкового коллектива и при этом выполнять одни и те же функции. К примеру, в билингвальной языковой ситуации языком бытового общения одновременно может служить мажоритарный официальный язык государства и миноритарный местный язык. В социально-коммуникативной системе эти два языка будут функционально распределены: к примеру, местный язык будет языком бытового общения, а государственный – языком официальной коммуникации.

Все вышеперечисленные типы ситуаций учитываются при характеристике языковой ситуации региона, однако при изучении территорий с полиэтническим составом населения наиболее значительными оказываются этносоциальная и функциональная составляющие. Именно поэтому в настоящей работе используется термин – *этноязыковая ситуация*. При этом в объем понятия этноязыковая ситуация включаются коммуникативная, лингвокультурная (культурная) ситуации, а также социально-коммуникативная система.

1.2. Типы этноязыковых ситуаций

Многочисленные наблюдения за этноязыковыми ситуациями начиная с 20-х гг. прошлого столетия привели к тому, что к середине XX века в науке был накоплен богатейший фактический материал, нуждавшийся в систематизации. Как следствие, стали появляться работы обобщающего характера, дающие социолингвистические классификации языков и типологии этноязыковых ситуаций. В зарубежной социолингвистике этими проблемами занимались У.

[Введите текст]

Стюарт [Stewart 1962, 1968], Ч. Фергюсон [Ferguson 1966], Х. Клосс [Kloss 1968] и др. В нашей стране к вопросам социалингвистической типологии языков и этноязыковых ситуаций обращались В.А. Аврорин [Аврорин 1975], Л.Б. Никольский [Никольский 1976], Г.В. Степанов [Степанов 1976], Ю.Д. Дешериев [Дешериев 1977], А.Д. Швейцер [Швейцер 1977], В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский [Виноградов и др. 1984], М.А. Горячева [Горячева 2003], Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин [Вахтин, Головкин 2004], В.Ю. Михальченко [Михальченко 2010].

В современной социалингвистике вопрос функциональной типологии языков уже не стоит столь остро. С момента возникновения первых типологий У. Стюарта и Д. Хаймса прошло несколько десятилетий. В науке сформировались четкие критерии выделения функциональных типов языка. Конечно, нельзя сказать, что процесс завершен. Если юридический статус языка определяется нормативно-правовыми актами, то выявление фактического статуса может стать проблемой. Так, например, можно установить объем радиовещания на родном языке, но определить реальный процент аудитории этих радиопередач уже сложнее. Также есть разногласия в том, какие сферы использования языка следует учитывать при его социалингвистической характеристике. Но это частные вопросы, в то время как базовые критерии функциональной типологии языков можно считать устоявшимися.

Первые типологии этноязыковых ситуаций создавались американскими социалингвистами с начала 60-х гг. XX в. Изначально они основывались только на одном классификационном признаке. Так, в основу типологии П. Александра [Alexandre 1967] положен признак языковой гомогенности – гетерогенности. Этноязыковые ситуации подразделялись ученым в зависимости от интенсивности этого признака на гомогенные, гетерогенные с одним или несколькими доминирующими языками, умеренно гетерогенные, высокогетерогенные [Alexandre 1967, 124–127].

[Введите текст]

В основу типологии Б. Хайне [Heine 1979] положен критерий «экзоглоссия – эндоглоссия». Однако к этому основному признаку добавлялся ряд вторичных, так что этноязыковым ситуациям присваивался индекс в зависимости от сочетания этих двух характеристик по следующей схеме:

1. Экзоглоссия + вторичный признак:
 - 1) B1 – наличие единого национального коммуникативного средства,
 - 2) B2 – наличие одного доминирующего языка,
 - 3) B3 – наличие нескольких доминирующих языков,
 - 4) B4 – отсутствие доминирующих языков.
2. Эндоглоссия + вторичный признак:
 - 1) A1: активная эндоглоссная политика,
 - 2) A2: без активной эндоглоссной политики [Heine 1979, 30–54].

Американские социолингвисты Ч. Фергюсон и У. Стюарт также предлагают использовать несколько классификационных критериев при типологии этноязыковых ситуаций. Этноязыковая ситуация в типологии Ч. Фергюсона – У. Стюарта предстает в виде «формулы социолингвистического профиля стран». Единицами типологизации в ней предстает ряд характеристик: число языков – больших (L_{maj}) и малых (L_{min}); характеристики этих языков – местный (V), литературный/стандартный (S), классический (C), пиджин (P), креольский (K), специальный (L_{spec}); функциональные разновидности языков – этнический (g), официальный (o), лингва франка/койне (w), религиозный (r), межнациональный (i), изучаемый в школе (s), в том числе на средней и старшей ступенях (e). Этноязыковая ситуация в системе этих параметров изображается как формула, представляющая собой сумму языков [Цит. по: Аврорин 1975, с. 266]. Например, местный язык, изучаемый только в начальной школе, будет представлен в виде $L_{min}(Vs)$. Похожую типологию предложил Х. Клосс. Она отличалась от формулы Стюарта – Фергюсона лишь формой записи [Цит. по: Швейцер 1975, с. 117].

[Введите текст]

Данную классификацию критиковал А.Д. Швейцер, говоря об излишнем упрощении и о недостаточном внимании к социальным характеристикам [Швейцер 1975, с. 117]. В.А. Виноградов также считает схему Стюарта – Фергюсона недостаточно детализированной: «При всей своей внешней эlegantности типология Фергюсона остается, однако, именно общим профилем, фиксируемым с высоты птичьего полета» [Виноградов и др. 1984, с. 8].

Одним из первых советских социалингвистов, предложивших типологию языковых ситуаций, был Л.Б. Никольский. В основе его типологии лежат три признака: количество языков, их функциональное распределение и степень генетического родства языков. Согласно этим признакам, языковые ситуации подразделяются на

- 1) экзогlossные и эндогlossные,
- 2) сбалансированные и несбалансированные и
- 3) двух-, трех- и четырехкомпонентные [Никольский 1976, с. 80–81].

Первая группа подразумевает разделение этноязыковых ситуаций на включающие в себя разные языки (экзогlossные) и состоящие из вариантов, диалектов и форм существования одного и того же языка (эндогlossные). При этом каждый язык, диалект и т. п. (или идиом) может нести разную функциональную нагруженность, что формирует сбалансированные (идиомы функционально равноценны) и несбалансированные (идиомы с большим и меньшим количеством функций). Таким образом, можно выделить эндогlossные сбалансированные, эндогlossные несбалансированные, экзогlossные сбалансированные и экзогlossные несбалансированные этноязыковые ситуации. Наконец, последний критерий – количество компонентов (идиомов), функционирующих на изучаемой территории. Он актуален лишь для экзогlossных этноязыковых ситуаций. Здесь можно говорить о двух-, трех- и четырехкомпонентных этноязыковых ситуациях. При этом двухкомпонентная этноязыковая ситуация предполагает наличие местного языка и языка-

[Введите текст]

макропосредника, трехкомпонентная включает, кроме названных, еще и региональный язык, а четырехкомпонентная к трем перечисленным выше добавляет профессиональный или религиозный язык.

Типология Л.Б. Никольского не утратила своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. Тем не менее эта классификация практически не учитывает социальной составляющей языков.

А.Д. Швейцер устраняет этот недостаток, разрабатывая функциональные и социальные параметры для своей типологии.

Таковыми параметрами являются:

- 1) социальный статус языков и их вариантов,
- 2) объем и характер социальных функций данной этноязыковой ситуации,
- 3) социально-коммуникативная роль каждой языковой системы и подсистемы,
- 4) комплекс функционально-стилистических характеристик социально-коммуникативных систем, составляющих языковую ситуацию [Швейцер 1976, с.118].

Под *социальным статусом* А.Д. Швейцер подразумевает как официальный, юридический, статус языка, так и его фактический статус, состоящий из:

- количества говорящих на языке или варианте,
- функционального диапазона языка и
- наличия/отсутствия билингвизма или диглоссии среди носителей языка [там же].

Социально-коммуникативная роль языка или варианта отображает является ли данный язык средством местного, регионального или международного общения.

Типология А.Д. Швейцера позволяла не только обозначать, какие языки составляют этноязыковую ситуацию и указывать, как они функционально распределены на данной территории, но и анализировать социальные функции и

[Введите текст]

статус этих языков, что давало более глубокое проникновение в сущность социально-языковых процессов в исследуемом регионе.

Исследования А.Д. Швейцера в области типологии этноязыковых ситуаций стали основой для работ отечественных социолингвистов в 70–80-х гг. прошлого века В.А. Виноградова, А.И. Коваля и В.Я. Порхомовского.

Изучая этноязыковые ситуации в Западной Африке, ученые сочли необходимым учитывать при классификации этнический компонент. Эта необходимость обосновывается следующим образом: «Поскольку духовная культура есть в конечном счете производное от социально-экономического (и политического) уклада общества, этнические и социальные параметры общества оказываются тесно взаимосвязанными и только переплетение (подчас весьма сложное) этнолингвистических и социолингвистических характеристик в рамках единой лингвоэкологии позволяет представить полную картину функциональной жизни языка» [Виноградов и др. 1984, с. 5].

Таким образом, типология этноязыковых ситуаций В.А. Виноградова, А.И. Коваля и В.Я. Порхомовского учитывает этнические, социальные, функциональные и собственно лингвистические параметры. В ее основе лежат три признака:

- 1) гомогенность/гетерогенность,
- 2) коммуникативная связанность,
- 3) взаимное пространственное расположение (для характеристики нескольких этноязыковых ситуаций внутри большого региона).

Первый признак учитывает генетическое родство языков: являются ли языки, составляющие этноязыковую ситуацию, диалектами одного языка или близкородственными языками или эти языки неродственны друг другу и взаимно непонятны их носителям. Второй признак разделяет этноязыковые ситуации на концентрические, в которых этнические группы (или этносреды) тяготеют к единому коммуникативному центру, и ацентрические, в которых этносреды

[Введите текст]

сцепляются между собой, не образуя при этом центра. Критерий взаимного пространственного расположения разделяет этноязыковые ситуации на соположенные, или не имеющие общих территорий, включенные, или представляющие собой часть этноязыковой ситуации более крупной территории, наконец, вкрапленные этноязыковые ситуации, являющиеся относительно автономными образованиями внутри принципиально иной этноязыковой ситуации [Виноградов и др. 1984, с. 56–58].

Типология В.А. Виноградова, А.И. Коваля и В.Я. Порхомовского была разработана специально для государств Западной Африки. Эту типологию отличает от других тяготение к значительным масштабам, так что, при всей оригинальности и тщательности, она не подходит для характеристики сравнительно небольших территорий.

Из современных типологий этноязыковых ситуаций стоит отметить две: типологию Н.Б. Мечковской и типологию Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки.

Строго говоря, Н.Б. Мечковская не предлагает четкой классификационной модели для описания этноязыковых ситуаций. Исследователь отрицает саму возможность создания «единой и многопризнаковой классификации всего разнообразия этноязыковых ситуаций на Земле» [Мечковская 2000, с. 100], так как нельзя выстроить значимые признаки в единую иерархическую систему. Н.Б. Мечковская предлагает описывать каждую этноязыковую ситуацию отдельно на основе следующих признаков:

- 1) по количеству этноязыковых образований можно выделять однокомпонентные и многокомпонентные этноязыковые ситуации;
- 2) по количеству этнических языковых образований выделяются одноязычные, дву-, трех- и более язычные этноязыковые ситуации;
- 3) по относительной демографической мощности языков этноязыковые ситуации подразделяются на демографически равновесные и неравновесные;

- 4) по относительной коммуникативной мощности этноязыковые ситуации могут быть сбалансированными (коммуникативно равновесными) и несбалансированными (коммуникативно неравновесными);
- 5) по юридическому статусу языков существуют этноязыковые ситуации с тождественным и с различным юридическим статусом;
- 6) степень генетической близости языков позволяет выделить этноязыковые ситуации с близкородственным, неблизкородственным и неродственным двуязычием;
- 7) рассматривая этнические корни языка, высокостатусного для данной территории, можно выделить эндоглоссные этноязыковые ситуации (престижный язык является местным языком), экзоглоссные (престижный язык – импортированный) и эндоэкзоглоссные (в странах с двумя и более престижными языками);
- 8) если брать во внимание оценки социумом языков, двуязычие в странах может быть диглоссным (с одним более престижным языком) и недиглоссным (с равными по престижу языками) [Мечковская 2000, с. 100–101].

Таким образом, Н. Б. Мечковская добавляет к уже имеющемуся списку признаков, значимых для характеристики этноязыковой ситуации, сравнение юридических статусов языков и их демографических мощностей, а также уточняет ранее выделенные характеристики.

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки обобщают идеи, накопленные наукой за полвека, и предлагают разделить все классификационные признаки на три группы: количественные, качественные и оценочные.

По качественным признакам выделяются следующие типы этноязыковых ситуаций:

- одно- и многокомпонентные этноязыковые ситуации;

- равновесные (в которых совпадают демографическая и коммуникативная мощность идиомов) и неравновесные (в которых мощности не совпадают);

- в свою очередь, неравновесные этноязыковые ситуации могут быть однополюсными (с доминирующим одним языком) и многополюсными (с двумя и более доминирующими языками).

По качественным признакам этноязыковые ситуации подразделяются на:

- одноязычные или многоязычные;
- включающие в себя родственные и неродственные идиомы;
- гармонические и дисгармонические;
- эндоглоссные и экзоглоссные

Оценочные признаки подразумевают отношение к языкам и оценку их с точки зрения престижа, коммуникативной пригодности, эстетических и этических параметров [Вахтин, Головкин 2004, с. 47].

Следует отметить, что в типологии Н.Б. Вахтина и Е.В. Головкин не предлагается новых оснований для классификации этноязыковых ситуаций, однако объединение классификационных признаков в три группы представляется рациональным и удобным для практического использования.

Таким образом, в современной социолингвистике разработаны подробные критерии, которые позволяют представить все разнообразие этноязыковых ситуаций в отдельных странах и регионах.

1.3. Методы исследования этноязыковых ситуаций

При описании рассмотренных выше параметров этноязыковой ситуации исследователю необходимо определиться с набором методов и приемов в зависимости от конкретных задач работы и от того подхода, в русле которого ведется работа.

Так, в зависимости от задачи методы изучения этноязыковой ситуации подразделяются на методы сбора материала и методы его обработки. Последние,
[Введите текст]

в зависимости от характера собираемых данных, могут быть классифицированы на количественные и качественные.

Методы сбора фактического материала в самом общем виде – это интервью, наблюдение и эксперимент. Применяется также вторичный анализ данных и анализ социальной статистики.

Метод интервью был заимствован лингвистами из социологии. В социологии под интервью понимается любая методика, предполагающая ответы респондентов на вопросы исследователя. Следовательно, анкетирование (вопросники) в социологии являются разновидностью интервью. В социолингвистике две эти методики обычно разводятся, так что интервью считается устными ответами на вопросы исследователя, а анкетирование – письменной методикой сбора данных. Интервью, таким образом, предстает как более гибкая методика, так как является живым разговором и позволяет поднимать не запланированные заранее темы [Вахтин, Головкин 2004, с. 92].

При составлении анкеты (или вопросника) важно учитывать, что вопросы в ней могут быть как открытыми, так и закрытыми. Открытые вопросы предполагают самостоятельную формулировку ответа респондентом. Это достаточно свободная форма анкетирования, она дает возможность отвечающему раскрыться, а исследователю получить новую, неожиданную информацию. Однако открытые вопросы трудны для обработки, так как респондент может уйти далеко от темы. Закрытые вопросы легче поддаются обработке, в том числе компьютерной, к тому же многие респонденты не всегда понимают, как следует отвечать на открытый вопрос, и предпочитают, чтобы им «подказали» возможный ответ. Закрытые вопросы могут быть разными по структуре: вопросы «да–нет», вопросы с множественным выбором, вопросы – схемы по рангу, вопросы «семантического дифференциала», но главное их отличие от открытых заключается в том, что они предоставляют респонденту выбор ответа из ряда готовых. Недостаток данной методики заключается в навязывании отвечающему

[Введите текст]

идей, мнений и оценок, которые, по версии исследователя, должны возникнуть. Именно поэтому часто в закрытый вопрос добавляется возможность для респондента дать собственный ответ (вариант «иное»).

В анкете нашего исследования применялись как закрытые, так и открытые вопросы. Закрытыми были вопросы о сферах использования языков, о степенях владения устной и письменной формой языков, о том, в каких институтах изучались языки (в семье родителей, в детском саду, в школе и т. п.), а также вопросы об отношении к языкам. Открытыми были вопросы о национальности, языках, которыми владеют респонденты, месте рождения и т. п., а также вопросы о выборе языка в различных ситуациях (чтение книг, написание писем, пение песен). Вопрос о возрасте респондента был закрытым: необходимо было выбрать подходящий возрастной интервал. Такой подход, во-первых, облегчил обработку результата, а во-вторых, дал возможность респондентам (особенно женского пола) не называть точное количество лет.

Метод интервью (наряду с анкетированием) – наиболее распространенный метод социолингвистических исследований. На сегодняшний день существует достаточно много вариантов этого метода, однако все эти варианты сводятся к трем:

- структурированное (стандартизированное) интервью предполагающее стандартный набор вопросов, задаваемых респонденту, и соответственно ожидание стандартных ответов на эти вопросы;

- полуструктурированное интервью, в котором исследователь вправе варьировать последовательность задаваемых вопросов и по необходимости формулировать новые, к тому же сами вопросы носят более обобщенный характер, чем в структурированном интервью;

- неструктурированное (интенсивное, качественное, глубинное) интервью вообще не обладает четким набором вопросов, исследователь имеет лишь план, в котором перечислены темы для обсуждения.

[Введите текст]

В нашей работе был использован метод неструктурированного интервью. В качестве респондентов выступали как коренные усинские тувинцы, так и мигранты из Республики Тува. Интервью не были структурированы, однако основными темами беседы были овладение тувинским и русским языками в детстве, отношения с русскоязычными жителями Усинской долины, ликвидация тувиноязычного обучения в школе и создание Центра тувинской культуры.

Любое массовое исследование сталкивается с проблемой репрезентативной выборки. Под выборкой понимается «статистический прием, позволяющий определить круг испытуемых так, чтобы они адекватно представляли интересующую исследователя группу населения (генеральную совокупность)» [Вахтин, Головкин 2004, с. 59]. Репрезентативной считается такая выборка, которая адекватно отражает все значимые для исследования социальные черты генеральной совокупности, как то: половозрастной баланс населения, этнический состав исследуемой группы, уровень образования и т. п. [Вахтин, Головкин 2004, с. 60].

Выборка может быть случайной (random sample), представительной (representative sample) и структурированной сознательной (peer-group sample). Случайная выборка необходима тогда, когда ставится задача исключить сознательный подбор респондентов. Для этого используется таблица случайных чисел. Данный тип выборки свободен от предвзятости, однако не всегда подходит для социолингвистических исследований, так как не позволяет проводить отбор респондентов по определенным признакам. Так, У. Лабов отмечает, что случайная выборка не дает возможности выбирать респондентов внутри одной семьи, а также не позволяет разграничивать иностранцев и тех, для кого изучаемый язык является родным [Labov 1966, p. 201]. Метод представительной выборки используется в случае, если исследователь четко представляет себе социальный состав исследуемой группы. Тогда есть возможность подобрать респондентов так, чтобы они пропорционально представляли элементы этого социального состава.

[Введите текст]

Наконец, сознательная выборка полностью исключает элемент случайности, так как исследователь берет заранее выбранную группу испытуемых и опрашивает каждого члена данной группы [Вахтин, Головки 2004, с. 64–67].

Никакой из этих видов выборки нельзя назвать универсальным. Для максимально репрезентативного результата возможно комбинирование различных видов, например, случайная выборка для пилотного исследования и представительная для основного. Однако такой подход не всегда возможен, так как требует значительных временных и материальных затрат.

При социолингвистическом анкетировании жителей Усинской долины применялась представительная выборка. Используя данные сельсовета о численности и этническом составе Усинской долины, нами было отобрано 123 тувинца (включая метисов) из 384, проживающих на данной территории, что составляет около 32 % населения, и 289 русскоязычных нетувинцев из 1584 остальных жителей Усинской долины – около 18 %. Процент опрошенных тувинцев был выше, чем процент представителей других национальностей. Это было связано с задачей исследования – изучить основные показатели по тувинскому языку в Усинске, как то: владение тувинским языком, степень владения им, межпоколенная передача тувинского языка и т. п. В выборку включались не только взрослые, но и дети. Данные о детях до 12 лет собирались со слов их родителей, при этом анкета заполнялась в сокращенном варианте: исключались вопросы, касающиеся работы, супругов, у респондентов дошкольного возраста были исключены вопросы о владении письменной формой языка. Включение в выборку детей было принципиально важным, так как именно по детям можно судить о том, насколько активно идет трансляция языка от поколения к поколению.

Анкетирование и интервьюирование при всей их методологической строгости не всегда дают достоверные результаты по причине их двусторонности. Респонденты часто оказываются недостаточно искренни или компетентны, что

[Введите текст]

вызывает погрешности в работе. Метод наблюдения позволяет нивелировать этот недостаток. Суть метода заключается в целенаправленном наблюдении языкового поведения людей в течение достаточно продолжительного времени. При этом если исследователь располагает достаточным количеством времени, он может включиться в жизнь группы, что приведет к максимально естественному поведению людей на глазах у ученого. Данный метод – метод включенного наблюдения – это один из самых эффективных социологических методов. При изучении этноязыковой ситуации он также оказывается очень полезным, особенно при исследовании билингвизма и трилингвизма.

Например, изучение этноязыковой ситуации в Усинской долине заняло у автора данной работы три недели. В течение этого времени постоянно проводились наблюдения за речевым поведением тувинцев в разных коммуникативных ситуациях: в семье, в магазине, в сельсовете, в больнице, в школе. К сожалению, не удалось понаблюдать за речевым поведением тувинских школьников и учителей во время учебного процесса, так как исследование проводилось в августе. Но и перечисленных ситуаций оказалось достаточно, чтобы сделать выводы о выборе языка тувинцами в различных обстоятельствах.

Для понимания психологической составляющей этноязыковой ситуации в последнее время широко применяются экспериментальные методики, и самый распространенный из них метод ассоциативного эксперимента, заимствованный социолингвистами из психолингвистики. Ассоциативный эксперимент направлен на поиск ассоциаций у индивида в связи со значимыми для исследователя понятиями. Существует три разновидности ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и цепной. Наиболее популярной разновидностью является первая. Е.И. Горошко называет свободный ассоциативный эксперимент «относительно простым из всех ассоциативных экспериментов, и в то же время весьма эффективным исследовательским инструментом», так как «искусственная ситуация ассоциативного эксперимента является, как это ни парадоксально [Введите текст]

звучит, достаточно гибкой и свободной. В самой формулировке задания свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) – «ответить на предъявляемое слово первым пришедшим в голову словом» – нет установки на общение с экспериментатором, ни на решение познавательных задач» [Горошко 2005. Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=74>]. Эта установка максимально упрощает задачу испытуемого и позволяет получить наиболее достоверные результаты. При этом желание испытуемого подумать над той или иной ассоциацией пресекается ограничением времени. Направленный ассоциативный эксперимент ставит перед испытуемым определенную задачу, например, подбирать слова-ассоциации определенной части речи или системной группы (синонимы, антонимы). Цепной эксперимент предполагает, что на одно слово-стимул испытуемый ответит максимально возможным числом слов-реакций за ограниченный временной интервал.

Любая из этих разновидностей ассоциативного эксперимента может применяться как в устном, так и в письменном виде. Устное проведение эксперимента означает, что исследователь называет слова-стимулы испытуемому, а ответы записывает на диктофон. Во время письменного эксперимента испытуемые получают листы со словами-стимулами и должны написать свои ассоциации в течение определенного времени. Устная форма удобна тем, что испытуемый не имеет возможности подумать над ответом и выдает неосознаваемые ассоциации, а не социально желательные ответы. Однако общение с исследователем лицом к лицу, к тому же в стрессовой ситуации (необходимость дать немедленный ответ) может вызвать у испытуемого серьезные затруднения. При письменной форме испытуемому нет необходимости лично общаться с исследователем, к тому же время эксперимента хотя и ограничено, но все же позволяет участнику эксперимента выбрать комфортный для себя темп.

При изучении этноязыковой ситуации метод ассоциативного эксперимента позволяет, прежде всего, выявить отношение к языкам. Именно такую цель ставили перед собой авторы коллективной монографии «Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)», предлагая респондентам в качестве слов-стимулов сочетания *русский язык, тувинский язык, эвенкийский язык, английский язык и китайский язык* [Современная... 2013, с. 100]. Помимо этого, ассоциативный эксперимент используется и для выявления языковой компетенции индивида. Так, например, Ч.С. Цыбеновой, при исследовании языкового сознания тувинцев, было установлено, что родным языком они владеют лучше, чем вторым – русским. Такой вывод был сделан на том основании, что ассоциативные связи на тувинском языке более устойчивы, чем на русском. Также в ходе ассоциативного эксперимента было замечено, что «русское» языковое сознание тувинцев строится на базе «тувинского» и, в сущности, является «переводным» [Цыбенова 2013, с. 21].

В данной работе целью проведения свободного ассоциативного эксперимента было выявление отношения к русскому и тувинскому языкам тувинцев Усинской долины, как говорящих по-тувински, так и не говорящих.

В целом сбор социолингвистических данных – это многоаспектная задача. Если необходимо описать лингвистические, социальные, коммуникативные параметры языковой ситуации, то следует использовать комплексную методику – сочетать как количественные, так и качественные приемы, как письменные, так и устные формы исследовательской работы.

На этапе обработки полученных данных также желательно использовать количественные и качественные методы анализа. Количественные методы – это математическая обработка данных. Ей можно подвергнуть как заполненные вопросники, так и результаты эксперимента [Вахтин, Головкин 2004, с. 89].

В зависимости от количества переменных, обрабатываемых одновременно, количественный анализ данных может быть трех типов: одномерным (анализ
[Введите текст]

одной переменной за раз), двумерным (сопоставление двух переменных и выведение взаимозависимостей), и многомерным (одновременный анализ более двух переменных для выявления ложных взаимосвязей и вмешивающихся переменных) [Браймен, Белл 2012, с.352–363]. Комбинирование трех типов анализа дает возможность сопоставить все результаты исследования и выявить закономерности формирования и развития этноязыковой ситуации на исследуемой территории.

Обработка результатов социолингвистического анкетирования и ассоциативного эксперимента в настоящем исследовании проводилась в основном при помощи одномерного анализа: рассматривались полученные данные по владению родным или русским языками, их устными и письменными формами и т. п. Двумерный анализ применялся в случае, если было необходимо проследить корреляцию между возрастом, полом и владением языком.

При качественном исследовании ученый не ставит перед собой задачу преобразовать результаты в цифры, а интерпретирует данные в соответствии со своим личным опытом и когнитивными способностями. Считается, что качественное исследование позволяет увидеть ситуацию глазами самих респондентов, а также получить подробные, развернутые ответы на вопросы, что значительно расширяет и углубляет представление о предмете [Браймен, Белл 2012, с. 480]. Качественный анализ применялся нами при обработке результатов наблюдений или неструктурированных интервью.

Изучение этноязыковой ситуации – это длительный и многоступенчатый процесс, требующий разностороннего анализа. Количественный и качественный подходы на каждом этапе исследования являются взаимодополняющими [Пятакова 2011, с. 77]. В зависимости от задач, которые ставит перед собой ученый, происходит отбор методов и приемов. На этапе сбора данных, как правило, используются как количественные, так и качественные методики. Количественные методы позволяют получить данные, которые легко
[Введите текст]

преобразуются в цифры и представляют собой точные объективные сведения о числе этносов и носителей языков, о функционировании и взаимодействии языков на какой-либо территории и т. п. Качественные методы расширяют представление о предмете, формируя целостную картину, уточняют, проясняют и интерпретируют количественные данные. То же касается и обработки полученных результатов: количественные методы дают необходимую исследованию объективность, а качественный анализ позволяет подтвердить и прояснить результаты.

1.4. Исследования этноязыковых ситуаций в регионах Сибири

Задача социалингвистического обследования Сибири была поставлена в 1967 г. В.А. Аврориным, обратившим внимание научного сообщества на практическую сторону этой работы. Ученый подчеркивает, что «настоящая исследовательская работа в этой области необходима не только для разрешения теоретических проблем, связанных с судьбами национальных языков..., но и для решения некоторых животрепещущих вопросов языковой практики, вопросов разумного использования тех или иных языков в различных сферах современной жизни народов СССР» [Аврорин 1967, с. 31]. Особенно важной В.А. Аврорин считал проблему взаимодействия языков в национальных районах Сибири. Точные данные обо всех языках Сибири и их носителях были необходимы, по мнению ученого, для того чтобы иметь возможность разрешать и предупреждать межэтнические конфликты [Аврорин 1967, с. 33]. Заявленное В.А. Аврориным социалингвистическое изучение национальных районов Сибири было осуществлено в 1967–1968 гг. сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В результате был обследован 31 народ в Бурятии, Горно-Алтайской и Хакаской автономных областях, в районах компактного проживания нанайцев, чукчей, кетов, селькупов, ненцев, тофаларов и сибирских немцев [Аврорин 1967, с. 37]. Всего было охвачено 58 тыс. человек – более 7 %

[Введите текст]

коренного сельского населения Сибири. До обследования существовало мнение, основанное на субъективных впечатлениях и не подкрепленное фактическим материалом, что распространение русского языка как средства межнационального общения свидетельствует об отмирании языков малых народов [Аврорин 1970, с. 40]. Но полевые исследования, проведенные под руководством В.А. Аврорина, опровергают данное мнение: «Полученные данные неопровержимо доказывают беспочвенность встречающихся в лингвистической литературе утверждений о том, что малые народы будто бы охотно отказываются от своих национальных языков и своей письменности» [Аврорин 1970, с. 42]. К сожалению, собранные в ходе экспедиций 1968–1967 гг. данные не нашли практического применения, так как поддержка местных языков не входила в задачи национальной и языковой политики СССР в 60-х гг. [Беликов, Крысин 2000, с. 195].

Планомерное социолингвистическое изучение сибирских регионов началось в начале 2000-х годов. В 1990-х годах можно было встретить только отдельные публикации, посвященные изучению языковых процессов в Сибири [Будаев 1991; Самсонов 1996; Кыслакова 1999; Роббек, Слепцов 1999]. Наибольшее внимание уделялось языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) [Самсонов 1996; Роббек, Слепцов 1999]. В 2000 г. вышла коллективная монография, посвященная Якутии [Этносоциальное развитие 2000]. Есть работы, рассматривающие языковые ситуации в Хакасии [Кыслакова 1999], на Алтае [Екеев, Екеева 2000] и в Бурятии [Будаев 1991].

Большой вклад в изучение этноязыковых ситуаций и процессов языкового сдвига в регионах Сибири внесли ученые Института лингвистических исследований РАН. Прежде всего следует отметить фундаментальный труд Н.Б. Вахтина «Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига», в котором детально исследуются языковые ситуации у всех малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока [Вахтин 2001]. Рассматривая историю изучения этноязыковых ситуаций в этом обширном регионе, ученый отмечал

[Введите текст]

неравномерность исследования языковых ситуаций в Западной и Восточной Сибири. Впоследствии эта диспропорция была устранена как усилиями санкт-петербургских исследователей, так и специалистами из научных центров Абакана, Красноярска, Улан-Удэ, Якутска.

Первым масштабным опытом социолингвистического исследования сибирского региона были труды Т. Г. Боргояковой по языковой ситуации в республиках Южной Сибири, прежде всего в Хакасии [Боргоякова 2002; 2002а; 2002б; 2002в]. В центре внимания Т. Г. Боргояковой находились государственные языки республик Хакасия, Тыва и Алтай, а именно изучалось влияние на языки языковой реформы начала 1990-х гг., насколько успешно данные языки конкурируют с русским языком, наконец, каковы перспективы функционирования тюркских языков в Южной Сибири.

Отправной точкой этого исследования стали изменения в языковом законодательстве начала 1990-х годов, в частности выход Закона «О языках народов РФ» в 1991 г. Т. Г. Боргоякова отмечает, что в результате социально-политических изменений в нашей стране произошли и перемены социолингвистического характера, причем эти перемены носили скорее благоприятный для развития языков характер, ибо новое языковое законодательство предоставило значительные возможности для возрождения и развития языков России. При этом наиболее благоприятные условия сложились в Республике Тува.

Изучая республики Южной Сибири, Т. Г. Боргоякова обнаруживает единую модель этноязыковой ситуации во всех трех регионах. Было установлено, что этноязыковые ситуации в республиках Алтай, Тува и Хакасия экзогlossные несбалансированные. Во всех этих республиках одинаковый статус языков титульных этносов: это государственные республиканские языки (хакасский, тувинский, алтайский), которые уступают в коммуникативной мощи

русскому языку и находятся по отношению к нему «в положении функциональной дополнительности» [Боргоякова 2002, с. 294].

Т.Г. Боргояковой также были установлены различия в функционировании государственных языков республик Южной Сибири. Республиканские языки различаются своей коммуникативной мощностью: от наиболее мощного тувинского языка до наименее мощного хакасского. Это объясняется тем, что на момент языковой реформы витальность тувинского языка была и так достаточно высокой: вошедшая в состав СССР последней, Республика Тува в наибольшей степени сохранила свою культурную и этническую самобытность, а вместе с тем и этнический язык. Тувинский язык в Туве – это язык бытового общения, язык обучения, национального искусства и культуры. Языковая политика Тувы нацелена на развитие активного русско-тувинского билингвизма, причем не только у самих тувинцев, но и у русскоязычных жителей республики.

Положение алтайского языка осложняется его изначальной неоднородностью. Существует значительное число диалектов алтайского языка, которые в последние годы получили статус самостоятельных языков. Это приводит к большой языковой и этнической раздробленности и процессам языкового сдвига у представителей малочисленных этносов и субэтносов. В качестве положительного момента Т. Г. Боргоякова отмечает высокую языковую лояльность носителей алтайского языка, что позволяет сохранить целостность языка и замедлить процесс языкового сдвига [Боргоякова 2002, с. 296–297].

Этноязыковая ситуация в Хакасии, по мнению ученого, отличается противоречивостью: с одной стороны, языковая политика РФ и Республики Хакасия вызывает определенные позитивные сдвиги в отношении к хакасскому языку у его носителей, а с другой стороны, падает объем коммуникации на хакасском языке, отмечается интерференция русского языка в хакасский, переход к пассивному билингвизму [Боргоякова 2002, с.297]. Т. Г. Боргоякова уверена, что основным приоритетом языковой политики Хакасии должно стать развитие

[Введите текст]

функционирования хакасского языка как родного, возвращение языка в семейное общение, создание позитивного образа родного языка и разрушение негативного отношения к билингвизму.

Изучение этноязыковой ситуации в Хакасии было продолжено А.В. Гусейновой, которая показала современное положение хакасского языка и проанализировала результаты языковой политики, начатой в 1990–2000-х гг. [Гусейнова 2014] А. В. Гусейнова отмечает, что изменения в языковом законодательстве республики и страны в целом не смогли кардинально расширить область использования хакасского языка. Его позиции за первое десятилетие лишь немного выросли в сферах СМИ, религии и урбонимии [Гусейнова 2014, с. 7]. Несмотря на то, что приверженность к этническому языку у хакасов достаточно высокая, все же количество владеющих хакасским языком сокращается. Так что исследователь видит реальную опасность исчезновения данного языка в обозримом будущем. А.В. Гусейнова считает, что языковая политика Республики Хакасия не нацелена на расширение учебно-педагогических функций хакасского языка. Все меры, по мнению исследователя, носят рекомендательный характер, что ослабляет позиции хакасского языка и усиливает позиции русского. А.В. Гусейнова полагает, что местом сохранения и развития хакасского языка могут стать сельские районы республики, где он все еще активно используется в семейно-бытовом общении [Гусейнова 2014, с. 8].

В 2014 г. Б. Ж. Цыбденовой было проведено изучение этноязыковой ситуации в Республике Бурятия [Цыбденова 2003]. Это исследование стало первой крупной работой, рассматривающей перемены в языковом поведении жителей Республики Бурятия в 2000-х гг. Согласно анализу, проведенному Б.Ж. Цыбденовой, языковая ситуация в Бурятии во многом подобна ситуациям в республиках Южной Сибири, описанным Т.Г. Боргояковой. Так, русский язык доминирует почти во всех социально значимых сферах: в науке, государственном управлении, делопроизводстве и т. п. Бурятский язык – это язык семейно-

[Введите текст]

бытового общения, культуры, религии, сельского хозяйства. Исследователь делает вывод, что бурятский язык фактически не соответствует своему официальному статусу республиканского государственного языка. В ходе обследования было зафиксировано бурятско-русское двуязычие и отдельные очаги русско-бурятского. Низкий фактический статус бурятского языка Б.Ж. Цыбденова связывает в первую очередь с низкой демографической мощностью языка в республике.

Тем не менее, исследователь отмечает, что языковые реформы и новый статус бурятского языка спровоцировали и положительные изменения. Так, возросло функционирование бурятского языка в сферах образования, культуры и СМИ. Отчасти возродилось общение на родном языке и в бурятских семьях. Однако автор говорит о недостаточной эффективности языковой политики в Бурятии и о необходимости повышать социальный престиж бурятского языка для полноценной ревитализации его функций [Цыбденова 2003, с. 160].

Исследования этноязыковой ситуации в Бурятии были продолжены во второй половине 2000-х гг. [Хилханова 2007, 2008, 2009; Дашинимаева и др., 2010; Елаева 2012; Сундуева 2010; Цыбденова 2003]. Особенностью этих исследований является применение комплексной методики, сочетающей в себе достижения нескольких лингвистических наук. Так, в работах Э.В. Хилхановой сочетаются социолингвистические, психолингвистические и лингвокультурологические методы. Э.В. Хилханова считает необходимым не просто обеспечить условия для сохранения и развития миноритарных языков, но и установить причины языковой устойчивости или, наоборот, исчезновения языков [Хилханова 2009, с. 6]. При этом в работе особое внимание уделяется внутренним факторам выбора языка: отношению к языку, эстимационным характеристикам языка, мотивациям к его использованию, стереотипам в отношении к языку, языковой лояльности [Хилханова 2009, с. 9].

Э.В. Хилханова выявляет субъективные факторы языкового сдвига на основе дискурсивно-социолингвистического анализа, изучая не только функционирование бурятского и русского языков, но и двуязычный дискурс в целом. Это позволило исследователю выявить факторы, механизмы и последствия переключения кодов. Вслед за Т.Г. Боргояковой, Э.В. Хилханова фиксирует взаимосвязь между отношением к языку и этнической идентичностью и сообщает о конфликте идентичности у современных бурят [Хилханова 2009, с. 21].

В ходе исследования бурятскими учеными были установлены изменения, произошедшие в этноязыковой ситуации в Бурятии спустя 14 лет после принятия Закона «О языках». Так, несмотря на благоприятные условия, предоставленные национальным республикам, степень владения бурятским языком, а также объем коммуникации на нем снижается. Это не касается сельских районов республики, где бурятский язык функционирует в семейно-бытовом общении и доминирует в сфере религии. При этом изучение бурятского языка в школе не оказывает существенного влияния на его употребление в будущем [Хилханова 2009, с. 314]. Тем не менее, как отмечают социолингвисты, отношение к бурятскому языку и бурятской культуре изменилось в лучшую сторону. В частности, Э. В. Хилханова отмечает, что «незнание титульного языка многими людьми рассматривается как противоречие норме, язык воспринимается как имманентный элемент этнической культуры, а этноязыковой нигилизм... уходит в прошлое» [Хилханова 2009, с. 314]. Но пока эти позитивные установки не привели к конкретным действиям по ревитализации бурятского языка в республике. Причину такого отношения к языку исследователь видит в том, что для бурят язык в целом не является маркером этнической идентичности, так что утрата языка не расценивается большинством как отказ от собственного народа. Буряты делают выбор в пользу ассимиляции, по мнению Э.В. Хилхановой, еще и потому, что в основе их культуры лежит приспособление к внешним условиям, принципиальная неконфликтность, лояльность к власти [Хилханова 2009, с. 316]. Таким образом,

[Введите текст]

по мнению исследователей, язык сохраняется бурятами только как символ этнической идентичности, а это оказывается недостаточным, чтобы усилить позиции бурятского языка. Все это говорит о процессе языкового сдвига у современных бурят, и даже поддержка языка на государственном и республиканском уровнях не в силах затормозить этот процесс. Психологические установки по отношению к языку не позволяют бурятам активно использовать его во всех социально значимых сферах общения, и в первую очередь в сфере семейно-бытового общения.

В 2007 году было проведено социолингвистическое исследование языковой ситуации в Якутии [Васильева 2007]. Р.И. Васильева говорит о необходимости создания нормированного литературного якутского языка и о расширении функций местных языков: эвенского, эвенкийского, юкагирского. Выводы в работе делаются на основании обследования улусов Приленья, так как эти районы наиболее ярко демонстрируют межэтническое и межъязыковое взаимодействие. Особенное внимание в работе уделяется этнической идентификации молодых представителей этнических групп.

Р.И. Васильева отмечает, что фактическое положение русского, якутского и местных языков не одинаково в различных районах республики. Так, русский язык доминирует в городах и промышленных районах, в сельскохозяйственных улусах с преимущественно якутским населением преобладает якутский язык. Однако во многом положение якутского языка подобно положению других языков титульных этносов в республиках Сибири – его употребление ограничено в сферах государственного управления, делопроизводства, науки. Якутско-русское двуязычие достаточно активно в республике, причем оно присуще не только этническим якутам, но и представителям других этнических групп, а в районах со смешанным этническим составом даже русские являются билингвами. Достаточно распространен и трилингвизм, например эвенкийско-якутско-русское многоязычие [Васильева 2007, с. 175]. Среди городских жителей,

[Введите текст]

особенно среди молодежи, идет закономерная ассимиляция, причем не только языковая, но и культурная [Васильева 2007, с. 175].

В современных исследованиях, посвященных этноязыковой ситуации в регионах Сибири, активно используется социопсихолингвистический анализ [Современная... 2013; Алексеев, Унарова 2012; Цыбенова 2013]. Данные исследования, наряду с изучением объективных факторов, формирующих языковую ситуацию, уделяют внимание этническому самосознанию носителей региональных языков, ментальным установкам и их влиянию на функционирование языков в исследуемых регионах. В целом обращение к методам психолингвистики при изучении этноязыковой ситуации на современном этапе становится достаточно популярным, и это вполне объяснимо. Как верно замечает Э.В. Хилханова: «... эвристическая и экспланаторная ценность традиционного анализа внешних детерминирующих факторов – этноязыковой политики государства, влияния модернизации и глобализации, соотношения между национальным большинством и меньшинством в стране, наличия или отсутствия институциональной поддержки – обнаруживает свои пределы» [Хилханова 2007, с. 8].

Так, в диссертационном исследовании Ч.С. Цыбеновой [Цыбенова 2013], посвященном этноязыковой ситуации в Республике Тува, сделан акцент на изучении языкового сознания двуязычных тувинцев. На основании результатов ассоциативного эксперимента Ч.С. Цыбенова делает вывод, что тувинским (родным) языком респонденты владеют лучше, чем русским (вторым) [Цыбенова 2013, с. 21]. Более того, «русское» языковое сознание тувинцев строится на основе тувинского, что подтверждает идею о доминировании тувинского языка в повседневном узусе [Цыбенова 2013, с.21]. При этом республиканский тувинский язык уступает общегосударственному русскому в официальном общении, что сближает языковую ситуацию в Тувe с ситуациями в других республиках сибирского региона. Ч.С. Цыбенова объясняет слабую позицию тувинского языка [Введите текст]

в сфере управления и делопроизводства историческими обстоятельствами, а именно, использованием в прошлом монгольского языка для официальной коммуникации [Цыбенова 2013, с. 20]. Как уже отмечалось, позиция тувинского языка в сфере семейно-бытового общения пока достаточно устойчива, но исследователь фиксирует тенденцию к снижению престижа тувинского языка и к распространению, так называемого, «полуязычия» – недостаточного владения как тувинским, так и русским языками, что говорит о начале языкового сдвига [Цыбенова 2013, с. 20].

Исследования этноязыковой ситуации в Красноярском крае начались в 1990-е годы XX века. Они проводились в двух направлениях: этносоциологическом и этносоциолингвистическом.

Этносоциологическое направление представлено, прежде всего, трудами этнографа В.П. Кривоногова [2001; 2003; 2004; 2006; 2007; 2008 и др.], в которых уделяется большое внимание современному состоянию и языковым процессам у народов севера Красноярского края. В частности, исследователь рассматривает проблему владения родными языками у долган, ненцев, энцев, нганасан, кетов, эвенков, чулымцев и хакасов. При этом анализируя данные переписи населения, а также сведения, полученные в ходе этнографических экспедиций, ученый приводит статистику знания родного и русского языка в разных возрастных группах, а также использования языков коренных малочисленных народов в городах Дудинка и Норильск и сельских населенных пунктах; сообщает об использовании коренными народами севера Красноярского края основных языков (долганского, ненецкого, энецкого, кетского, русского, нганасанского) в разных ситуациях, в частности, на производстве и в быту (с родителями, с детьми, с друзьями, с братьями и сестрами и т. п.). В работах В.П. Кривоногова имеются сведения о степени владения коренными малочисленными народами Севера русской и своей письменностью, а также об отношении к преподаванию родных языков в школе. Под руководством В.П. Кривоногова в 1992–1994 гг. и в 2002–

[Введите текст]

2004 гг. были проведены интервальные исследования народов Таймыра. Суть данного метода заключается в том, чтобы дважды описать один и тот же коллектив с интервалом в 10 лет. Этот метод не только позволил проследить этнические процессы, но и сопоставить число носителей коренных языков Красноярского края с интервалом в 10 лет. Данные сведения, полученные эмпирическим путем, значимы для изучения языкового сдвига у народов Крайнего Севера. В.П. Кривоногов отметил, что лучше всего языки сохраняются у тех народов, которые ведут традиционный кочевой образ жизни, а также проживают в моноэтнических поселках. Так, по наблюдениям В.П. Кривоногова, показатели знания родного языка у долган, занимающихся оленеводством, доходили до 100%. Дети долган, проживающих в Дудинке, почти не владели долганским языком [Кривоногов 2004, с. 40]. Этнограф зафиксировал также в начале XXI в. процесс быстрой утраты чулымского языка, который «уходит вместе с естественной сменой поколений» [Кривоногов 2004, с. 37; 2008, с. 46]. Попытки возродить языки через преподавание в школе не увенчались успехом. В.П. Кривоногов видит причину этой неудачи в том, что школьные программы рассчитаны на изучение родных языков, в то время как они уже таковыми не являются. Так, анализируя преподавание кетского языка исследователь пишет: «Кроме обычных трудностей, связанных с введением письменности и языка в программы школ (проблемы с учебниками, книгами для чтения, подготовка учительских кадров и т. д.), мы видим причину слабого влияния школы на языковую ситуацию в том, что фактически для подавляющего числа детей кетский язык уже перестал быть родным. А значит, его надо преподавать по методике иностранного языка и, в общем-то, рассчитывать на такие результаты, какие мы видим в преподавании языков в сельской местности (то есть результаты весьма скромные)» [Кривоногов 2003, с. 88]. В итоге, В.П. Кривоногов делает вывод о том, что преподавание родного языка в школе становится

неэффективным, когда язык полностью утрачен у поколения родителей [Кривоногов 2003, с. 57].

Причины утраты коренных языков исследователь видит:

- 1) в отходе от традиционных занятий (оленьеводства) и традиционного образа жизни (кочевания);
- 2) в слиянии малочисленных этнических поселков с более крупными, что привело к росту межэтнических браков и, как следствие, ассимиляции.

Отметим также этнографические труды Н.А. Мамонтовой, посвященные проблеме взаимосвязи этнической идентичности илимпийских эвенков и их родного языка [2010, 2010а; 2013, 2013а]. В обширном круге этнографических и исторических вопросов, рассматриваемых автором, особо выделяется решение проблем национально-языковой политики в отношении коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Автор уделяет много внимания процессам языкового сдвига у эвенков. В частности, анализируя особенности использования эвенкийского языка на современном этапе, автор приходит к выводу, что он «все больше играет символическую роль, нежели служит инструментом коммуникации» [Мамонтова 2013, с. 39].

Социолингвистическое изучение этноязыковой ситуации в Красноярском крае началось в 1990-х гг. XX века. Значительный вклад в этой области принадлежит красноярскому исследователю О.В. Фельде (Борхвальдт) [Борхвальдт 1990, 1998; Фельде 2010, 2010а, 2010б, 2010в, 2010г, 2010д, 2011; Felde 2011] Так, О.В. Фельде (Борхвальдт) был установлен тип этноязыковой ситуации в регионе как многоязычный разбалансированный, с отдельными территориями неравновесного национально-русского билингвизма [Борхвальдт 1990]. В трудах исследователя были выявлены факторы, влияющие на характер этноязыковой ситуации в Красноярском крае, а именно: существенное различие в коммуникативной мощности языков, в фазах их исторического развития (национальные, языки народностей, племенные языки, диалекты языков), а также

[Введите текст]

различия в числе выполняемых социально значимых функций [Борхвальдт 1990]. В работах О.В. Фельде (Борхвальдт) было установлено, что определяющей тенденцией развития миноритарных языков Красноярского края на протяжении всего XX века являлась языковая интеграция. Автор указывает, что «этот процесс, как правило, протекает в форме скрещивания, то есть такого взаимодействия языков, в результате которого один язык побеждает, а другой оставляет в виде субстрата свои следы в языке-победителе. В начале XX века ассимилировались и перешли на русский качинцы и мадоры, в середине столетия – камасы. В последнее время отмечается скрещивание хакасского и мелецкого <...> языков» [Борхвальдт 1998, с. 712]. Яркой чертой этноязыковой ситуации Красноярского края, по мнению исследователя, является нестабильный билингвизм с тенденцией перехода носителей миноритарных языков на русский язык. В трудах О.В. Фельде рассмотрен также характер соотношения мажоритарного русского языка и диаспорных языков края (татарского, армянского, азербайджанского и др.); русского и коренных языков Крайнего Севера. Результаты социолингвистических опросов, проведенных О.В. Фельде и ее учениками в Эвенкии, Североенисейском, Енисейском, Тухтетском и Казачинском районах свидетельствуют о том, что большинство языков национальных меньшинств «находятся в зоне риска» В частности, численность носителей автохтонного энецкого языка достигла критической точки [Фельде 2010д, с. 34]. В работах О.В. Фельде отмечается также, что «несмотря на тяжесть ситуации, в крае так и не создана система подготовки и переподготовки национальных педагогических кадров, эпизодически и в основном силами местных энтузиастов и командированных (зачастую из-за рубежа) ученых ведется документирование исчезающих языков и культур» [Фельде 2010д, с. 34]. О.В. Фельде подробно рассмотрела функциональные типы языков Красноярского края. По мнению О.В. Фельде, все языки Красноярского края по связи с этнической общностью и уровню развития языковой системы подразделяются на национальные (русский, армянский,

[Введите текст]

азербайджанский и др.), языки народностей (тувинский, хакасский и др.), племенные языки со слабой дифференциацией устной и письменной формы (кетский, энецкий, чулымский); по числу выполняемых общественно значимых функций и числу носителей языки Красноярского края подразделяются на мажоритарный русский и миноритарные языки; по отношению к исконному ареалу функционирования языки Красноярского края подразделяются на русский, коренные языки малочисленных народов, в том числе и автохтонные, и диаспорные языки; по наличию-отсутствию письменности и степени стандартизованности языки Красноярского края подразделяются на старописьменные литературные (русский, армянский и др.), младописьменные, имеющие литературную форму (азербайджанский, татарский, якутский; младописьменные слабостандартизованные (кетский, нганасанский и нек. др.); по этнопедагогическому статусу языки Красноярского края также подразделяются на три группы: а) русский (используется на всех ступенях образования), б) ненецкий, долганский, кетский, нганасанский, эвенкийский, татарский, селькупский (преподают в начальной среднеобразовательной школе, а также с I по VIII класс в этноинтернатах) [Felde 2011; Фельде 2010]; языки, преподающиеся в воскресных школах и на языковых курсах (финский, немецкий, иврит, азербайджанский, армянский и др.); языки, не обладающие этнопедагогическим статусом на территории Красноярского края (хакасский, тувинский и др.).

Этноязыковая ситуация и этноязыковая политика в отдельных регионах и населенных пунктах Красноярского края рассматривается также в трудах А.Г. Лукьяненко [2004; 2004а], Я.Н. Казанцевой (Пунтусовой) [2010; 2011; 2011а; 2012], О.А. Казакевич, О.С. Парфеновой. А.Г. Лукьяненко исследует этноязыковую ситуацию на территории современной Эвенкии, анализируя число носителей и сферы использования эвенкийского, русского и кетского языков. В фокусе внимания находится проблема витальности языков коренных малочисленных народов Эвенкии. Особое внимание уделяется использованию

[Введите текст]

эвенкийского языка в сфере образования и вопросам региональной языковой политики, а также оценке языковой компетенции по видам речевой деятельности и сведениям о языке общения в семье и школе [Лукьяненко 2008].

Исследования Я.Н. Казанцевой (Пунтусовой) посвящены этноязыковой ситуации в местах компактного проживания татар Красноярского края. Особенностью данных исследований является то, что впервые подробно анализируется функционирование диаспорного языка, исконный ареал которого находится далеко за пределами Красноярского края. Я.Н. Казанцевой (Пунтусовой) проведено социалингвистическое исследование в н.п. Гамурино, Отношка, Тюхтет, Казачинское, а также в г. Лесосибирск, где процент татарского населения достаточно высок. Автором подробно анализируется динамика демографической и коммуникативной мощности татарского языка в Красноярском крае. Рассматривается проблема языковой лояльности, при этом автор опирается на данные социалингвистических опросов и психалингвистических экспериментов, проведенных в сформированных фокус-группах городского и сельского татарского населения. Автор приходит к выводу, что татарский язык в Красноярском крае «выступает, прежде всего, как маркер этнической идентичности, выполняет семиотическую функцию, менее важной функцией признается коммуникативная» [Казанцева 2015, с. 186]. В целом, языковую ситуацию в местах компактного проживания татар Я.Н. Казанцева (Пунтусова) определяет как гетерогенную и гетероморфную, коммуникативной несбалансированную, однополюсную [Казанцева 2015а].

О.А. Казакевич и О.С. Парфенова проанализировали этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района, выделив в данном населенном пункте четыре языковые общности: 1) эвенкийско-русские и русско-эвенкийские билингвы, 2) русскоязычные монолингвы, 3) селькупско-русско-эвенкийские и эвенкийско-русско-селькупские трилингвы, 4) селькупско-русские и русско-селькупские билингвы. Исследователи выявили и описали социальные [Введите текст]

функции языков поселка, а также выделили факторы, которые влияют на языковую компетенцию носителей языков [Казакевич, Парфенова 2000, с. 304–308].

Анализ научной литературы, посвященной этноязыковой ситуации и языковой политики на территории Красноярского края показывает, что в зону исследовательского интереса попадают в основном территории северных районов Красноярского края, места компактного проживания коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Функционирование коренных языков юга Красноярского Края объектом исследования не являлось, что в значительной мере обусловило выбор объекта и предмета настоящего исследования.

Выводы по I главе

1. Понятие этноязыковая ситуация неоднозначно: его объем зависит от того, какие компоненты считаются существенными при анализе.
2. На сегодняшний день можно выделить три подхода к определению этноязыковой ситуации: количественный, синхронический и функциональный.
3. В диссертационной работе применительно к изучению Усинской долины используется термин *этноязыковая ситуация*. Этот термин синонимичен термину *языковая ситуация*, но он лучше подходит для описания территорий с полиэтническим составом населения. В работе также учитываются смежные с этноязыковой ситуацией понятия: этническая ситуация, коммуникативная ситуация, лингвокультурная ситуация, социально-коммуникативная система.
4. На сегодняшний день существует достаточно разнообразный выбор типологий этноязыковых ситуаций. В данном исследовании при описании этноязыковой ситуации используется типология Л.Б. Никольского.
5. При исследовании этноязыковой ситуации на этапах сбора и обработки данных следует применять одновременно несколько методик, как количественных (анкетирование, опрос, эксперимент), так и качественных [Введите текст]

(наблюдение, интервью), для максимально точного и объемного описания объекта.

6. В процессе социолингвистических исследований в Сибири наибольшее внимание уделяется этноязыковым ситуациям в республиках – Республике Саха (Якутия), Бурятии, Алтае, Туве, Хакасии. На территории Красноярского края изучаются в основном территории Крайнего Севера. Этноязыковые ситуации южных районов Красноярского края прежде не изучались.

ГЛАВА II

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКО-ТУВИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (УСИНСКАЯ ДОЛИНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

2.1. Усинская долина как уникальное этносоциокультурное пространство

2.1.1. Усинская долина как приграничная территория

Современные исследования этноязыковых ситуаций ведутся, как правило, с лингворегионалистских позиций, то есть с учетом таких экстралингвистических факторов, как природно-климатические условия, история заселения региона, социально значимые коммуникативные сферы, формы традиционного хозяйствования, обычаи, историко-культурная преемственность [Васильева 2007; Галимьянова 2003; Иванищева 2008; Хилханова 2009а; Любимова, Баянова 2009 и др.].

В русле этого подхода одним из центральных понятий для исследователей является *регион*. Это понятие воспринимается и интерпретируется по-разному различными научными дисциплинами. Так, с точки зрения философии, регион – это особое пространство со своим менталитетом, образом жизни и мышления. Историческая наука акцентирует внимание на отношении территории в прошлом к какому-либо административному образованию (волости, епархии, муниципалитету и т. д.). С позиции этнолингвистики регион – это крупное территориальное образование (район или даже группа районов), четко привязанное к каким-либо административным границам и обладающее общими природными условиями, единым экономическим укладом, длительными межэтническими и межкультурными связями [Фролов, 2005, с. 11].

Одним из эффективных методов изучения региона является составление его социолингвистического портрета. Понятие «социолингвистический портрет

региона» было введено в научный оборот О.Н. Иванищевой в 2008 г. От «классического» социолингвистического исследования портретирование отличается сочетанием общих и индивидуальных характеристик.

Общие черты региона выделяются с помощью следующих критериев:

- 1) население, его национальный и этнический состав;
- 2) языки этнических групп региона;
- 3) самоорганизация (национально-культурные автономии).

Индивидуальные черты выделяются с помощью

- 1) языковой среды малой этнической группы;
- 2) потребности в знании (изучении) родного языка в регионе [Иванищева, 2008. С. 27–29].

Особенно актуальными эти критерии становятся для исследования территорий со смешанным этническим составом, что характерно для приграничья. Под *приграничной территорией* понимается территория, «непосредственно прилегающая к государственной границе, в пределах которой реализуются политические, инфраструктурные, экономические, социально-культурные и некоторые административные функции взаимодействия соседних стран» [Бакланов, Ганзей 2004, с. 28]. По мнению П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея, в приграничье отчетливо проявляется влияние культурной жизни соседнего государства. Таким образом, исследователи понимают под приграничной территорией исключительно район, прилегающий к государственной границе. Однако в Российской Федерации некоторые границы субъектов (республик, краев, областей) в социокультурном смысле можно приравнять к границам между странами, так как зачастую граничащие национально-территориальные образования существенно разнятся по языкам, конфессиям, экономическим характеристикам, историческому опыту.

Именно поэтому анализируемая в данной работе Усинская долина определена как приграничная территория. Географически данный район [Введите текст]

расположен на южной границе Красноярского края, прилегающей к Республике Тува. Эта территория находится на стыке этноязыковых ареалов – русского и тувинского, и долгое время, с XVIII по XX век, именно здесь проходила государственная граница Российской Империи и Китая, установленная Кяхтинским договором 1728 г. Граница проходила по труднодоступным участкам Саянского хребта и разделяла изначально единый этнокультурный ареал. Согласно отчетам русских чиновников, в начале XX века тувинцы проживали на территориях Алтайской, Иркутской и Енисейской губерний, в том числе и в долине реки Ус.

Территория Тувы, или Урянхайского края, слабо контролировалась и цинскими, и монгольскими властями, так что с точки зрения русских переселенцев эта земля представлялась «ничьей», что позволяло им уходить за Саяны и основывать там свои колонии. С другой стороны, Усинская долина была местом временного, а иногда и постоянного, проживания некоторых тувинских родов. Активная колонизация Усинской долины с середины XIX в. позволила русским властям в 1885 г. выделить это место в отдельную административную единицу. Так, часть Минусинской округи Енисейской губернии стала Усинским пограничным округом.

Усинский пограничный округ распространялся от р. Кантегир и Ойского хребта до границы с Тувой и занимал площадь в 151 тыс. кв. вёрст. Большую часть округа занимали горы, так что пригодной для поселений была только долина реки Ус с благоприятными для сельского хозяйства природно-климатическими условиями. В 1913 г. в Усинском пограничном округе насчитывалось 50 населенных пунктов: 3 села – Верхне-Усинское, Нижне-Усинское, Моховское, 7 хуторов, 11 заимок, 24 маральника и 5 действующих приисков. Общая численность населения, по разным подсчетам, колебалась от 6 000 до 2 200 чел. При этом тувинцев было около 500 человек.

Состав Усинской долины был этнически и конфессионально разнородным. Помимо староверов – первых русских поселенцев, православных и тувинцев-ламаистов, на территории Усинского пограничного округа проживали мусульмане, лютеране, католики и баптисты. Село Моховское в 1915 году практически полностью (20 семей) состояло из тюркоязычных минусинских инородцев [Усинский пограничный округ. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/105060/Усинский].

Одновременно с заселением Усинской долины шло русское освоение приграничных районов Урянхайского края. В 1911 г. на территории Тувы было 116 русских поселений, наиболее крупными из них были поселки Туран, Уюк, Себи, деревня Шершеневка. Всего насчитывалось около 1800 чел. постоянных жителей. Этнически выходцы из России были неоднородны. Помимо представителей великорусской национальности, Туву заселяли тубинцы (близкородственная тувинцам этническая группа), волжские татары.

Русские власти поощряли хозяйственное освоение урянхайских земель, рассчитывая в будущем присоединить эту территорию к России. Со стороны китайских властей не наблюдалось активного сопротивления русской колонизации. Более того, Пекинским договором 1860 г. и Правилами сухопутной торговли 1862 г. утверждалось право беспошлинной торговли для русских купцов в Урянхайском крае и Монголии. Все это приводило к обращениям русских купцов к российскому правительству с просьбой объявить свои права на Урянхайский край, однако до революции 1911 г. в Китае Россия не спешила оспаривать границу, хотя и защищала интересы своих подданных [Дацышен 2005, с. 241–242].

Таким образом, к началу XX века. в Южной Сибири сформировался обширный район, называвшийся Усинско-Урянхайским краем. Единство данной территории обеспечивалось тремя факторами.

1. Географическим. Между УПО и Урянхайским краем не было четких естественных границ.
2. Политическим. Обе единицы имели особый статус приграничья в своих империях и воспринимались как окраины.
3. Социальным. На обеих территориях проживали как русские, так и китайские подданные.

Представление об Усинско-Урянхайском крае как о едином регионе было сформулировано В.Г. Дацышеном и Г.А. Ондар: «...независимо от формального статуса этих пограничных районов и политической ситуации в Центральной Азии, имелась устойчивая тенденция развития региона как единого экономического, политического и территориально-административного пространства» [Дацышен, Ондар 2003, с. 17]. Следует отметить, что и до сих пор существует четкое представление о социокультурном тяготении Усинской долины к Туве. Это, без сомнения, позволяет считать данную территорию приграничной.

В 1925 г. одновременно с упразднением губерний Усинский пограничный округ перестал существовать как отдельная административно-территориальная единица и вошел в состав Ермаковского района Красноярского округа. В настоящее время территория бывшего Усинского пограничного округа продолжает оставаться в составе Ермаковского района Красноярского края и представляет собой Верхнеусинский сельсовет с административным центром в с. Верхнеусинское. Верхнеусинский сельсовет занимает территорию в 720 км² и включает 5 населенных пунктов: помимо села Верхнеусинское, это село Нижнеусинское, поселки Терешкино и Маралсовхоз и деревня Усть-Золотая. Общая численность населения в 2012 г. – 1968 человек. Расселение неравномерное: основная часть жителей сконцентрирована в двух сёлах. Основные занятия населения – лесоохрана и лесозаготовки, охота. Большая часть мужчин выезжают на заработки в Ермаковское, Абакан, Минусинск, Красноярск. Значительная часть населения – официально безработные. Многие живут

[Введите текст]

подсобным хозяйством: держат коров, свиней, коз и овец, птицу. Традиционные формы хозяйствования тувинцев – овцеводство и мараловодство – представлены слабо.

Таким образом, современная Усинская долина – это небольшой район на южной границе Красноярского края вблизи от природного парка Ергаки. Расположение на границе с Республикой Тува и тесные экономические и социальные связи в прошлом накладывают отпечаток на этнический состав данного района, а также на характер и направление миграций.

2.1.2. Этносоциальная характеристика Усинской долины

Этносоциальная картина Усинской долины на сегодняшний день достаточно разнообразна. Она формировалась под действием различных социальных и политических факторов. Однако основа современной этнической ситуации была заложена в период с середины XIX в. по начало XX в., когда шло активное освоение и заселение данной территории. Как уже было отмечено выше, основное население Усинской долины состояло из выходцев из России, преимущественно русских, и выходцев из Уряхайского края – представителей тувинских родов.

Формирование тувинского этноса, по разным источникам, завершилось в XIX в. [История Тувы, т.1, с. 309] или в начале XX в. [Дацышен, Ондар 2003 с. 18], а единого тувинского языка не существовало и в первой половине XX в. Такая ситуация была обусловлена всем ходом исторического развития Тувы и сопредельных территорий. Предками современных тувинцев являются различные тюркоязычные племена Центральной Азии: тубо, теле, уйгуры, кыргызы, азы, толанко, чики и др. Существуют археологические свидетельства того, что в период расцвета этих племен (с VI по XII вв.) у них была руническая письменность. Однако монгольское завоевание в XIII в. уничтожило это и другие культурные достижения местных племен, так что к XVII в. – времени первых [Введите текст]

контактов с русскими – тувинцы представляли собой разрозненные племена кочевников-скотоводов.

В XVIII в. Тува оказалась под властью Цинской империи и просуществовала в качестве китайской провинции вплоть до начала XX века. В этот период Тува приобрела административно-территориальное деление на хошуны (кожууны) и сумоны (сумо). Это было необходимо для сбора и учета податей (албана). Для Тувы разделение на административные участки оказалось благотворным, так как отдельные племена стали восприниматься как целостное общество. Как замечается в [История Тувы, т. 1, с. 309], данная инициатива китайских властей была одним из значимых факторов объединения племен в этнос, так как привела к укреплению социально-экономических связей между тувинскими родами.

В.Г. Дацышен и Г.А. Ондар характеризуют ситуацию с формированием тувинского этноса следующим образом: «Очевидно, что к началу XX века процесс создания единого тувинского этноса из разных тюркских этнических групп Южной Сибири с участием монгольских и финно-угорских этносов находился на завершающей стадии» [Дацышен, Ондар 2003, с. 18]. Ученые также указывают на возможное участие в этом процессе русских переселенцев и русской сибирской культуры.

На современном этапе тувинцы делятся на три этнические группы:

- 1) западные тувинцы, населяющие горные и степные районы Тувы;
- 2) тувинцы-тоджинцы, или восточные тувинцы, живущие в горно-таежных районах;
- 3) усинские тувинцы.

Те же племена, которые в ходе истории оказались оторванными от основных мест расселения тувинских племен, смешались с местным населением и перестали считаться тувинцами. К примеру, такова была судьба хотогойтов, оказавшихся в пределах Монголии. Что касается долины реки Ус, то сведений о
[Введите текст]

том, кто населял эту территорию в XVII–XIX вв. нет, однако, можно предположить, что Усинская долина была местом постоянных кочевок отдельных тувинских аалов, так как во второй половине XIX в. зафиксированы частые нарушения границы со стороны тувинцев сумона Хереме (Чаа-Хольского кожууна). Тувинцы также кочевали в Усинскую долину из сумонов Урбун и Кашпал. Все эти территории располагались на приграничной линии со стороны Тувы.

Заселение Усинской долины с российской стороны было частью активного колониационного процесса Енисейской губернии в второй половине XIX – начале XX вв. в связи с аграрным кризисом в Центральной России. Российские переселенцы прибывали в Усинскую долину и другие районы Минусинского округа из различных губерний России – центрально-черноземных, западных, приуральских, приволжских, сибирских, северных. Есть данные о переселенцах из Прибалтики, Украины, Польши, с Кавказа и из Средней Азии [Баранцева 2009, с. 36]. Очевидно, что кроме русских в Минусинский округ, а возможно и в Усинскую долину, мигрировали и представители других национальностей – украинцы, белорусы, эстонцы [Баранцева 2009, с. 35].

Однако основное направление межэтнических контактов шло по русско-тувинской линии. Эти контакты ограничивались, как правило, лишь деловыми отношениями. Как отмечает В.Г. Дацышен, браки между тувинцами и русскими были редкостью [Дацышен 2009, с. 136], так что вплоть до XX века два народа существовали параллельно, не смешиваясь.

Таким образом, в последние годы существования царской России Усинская долина была заселена преимущественно русскими и тувинскими семьями. При этом тувинцы селились отдельно или нанимались в работники к русским крестьянам. Русские и тувинцы не враждовали между собой, но при этом и не смешивались.

В советский и постсоветский период Усинская долина заселялась представителями разных национальностей, преимущественно русскими, тувинцами, хакасами, чувашами. На данный момент этническая картина района, согласно данным администрации сельсовета, выглядит следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Верхнеусинского сельсовета, 2012 г.

Этнос	Кол-во чел.
Русские	1500
Тувинцы	384
Чуваши	44
Татары	11
Хакасы	7
Армяне	4
Мордва	4
Марийцы	3
Эстонцы	3
Молдаване	2
Удмурты	2
Аварцы	1
Башкиры	1
Немцы	1
Узбеки	1
Всего	1968

Как видно из таблицы 1, наиболее высок процент русского населения – 76,22%, значительную часть населения Усинской долины составляют тувинцы – 19,52 %. При этом, по данным Этноатласа на официальном портале Красноярского края, Усинская долина – это единственное место компактного проживания тувинцев на территории края [Тувинцы. Режим доступа: http://www.krskstate.ru/society/nations/etnoatlas/0/etno_id/111]. Помимо русских и тувинцев на исследуемой территории можно выделить группу чувашей – 2,23 %. Представителей других этносов в Усинской долине – около 2,03%.

Социолингвистическое анкетирование 20 % населения Усинской долины (412 человек) показало, что официальная статистика не учитывает метисов – детей от смешанных браков, которые чаще всего считаются русскими. Данные по этнической принадлежности усинцев, полученные в результате анкетирования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Этнический состав Усинской долины по результатам анкетирования

Этнос	Кол-во чел.	% от числа опрошенных
Русские	191	46,35 %
Тувинцы	101	24,51 %
Чуваши	20	4,85 %
Хакасы	7	1,7 %
Мордва	4	0,97 %
Марийцы	2	0,48 %
Армяне, болгары, татары, узбеки, молдаване, украинцы	6 (по одному представителю)	1,46 %

Русский –тувинец	15	3,64 %
Русский – чуваш	11	2,67 %
Русский – мордвин	8	1,94%
Русский – украинец	5	1,21 %
Русский – татарин	4	0,97 %
Русский – хакас	4	0,97 %
Русский – белорус	3	0,73 %
Русский – латыш	3	0,73 %
Русский – немец	2	0,48 %
Русский – еврей	2	0,48 %
Тувинец – чуваш	4	0,97 %
Мордвин – чуваш	3	0,73 %
Мордвин – эстонец	2	0,48 %
ОСТАЛЬНЫЕ (тувинец-украинец, уйгур-тувинец, хакас-тувинец, русский-поляк, русский-гуран, русский-башкир, русский-бурят, русский-финн, русский-эстонец, чуваш-немец, хакас-немец, хакас-поляк, татарин-алтаец, татарин-поляк, поляк-латыш)	15 По одному представителю	3,64 %
Всего	412	100 %

Данные анкетирования также дают представление о русских как об этническом большинстве и о значительном количестве тувинцев и чувашей. Что касается метисов, то тут также преобладают русско-тувинские и русско-чувашские этнические составляющие.

Вопрос о владении языками будет подробно рассмотрен в соответствующем параграфе данной работы, однако, отметим тот факт, что основными двумя

[Введите текст]

языками Усинской долины являются русский и тувинский, и хотя представители нерусских национальностей указывали знание родных языков, но в повседневной жизни эти языки сейчас не используются. Это дало нам основания разделять население исследуемого района на тувинцев (независимо от того, владеют ли они тувинским языком или нет) и русскоязычных (нетувинцев, использующих только русский язык в любых ситуациях общения). Далее в методических целях удобнее будет называть их русскими.

Среди русскоязычного (нетувинского) населения выделяются группы коренных жителей (тех, кто родился и вырос в Усинской долине) и внутренних мигрантов. Процент внутренней миграции среди русскоязычного населения составляет 48,7 (136 чел. из 276 чел. опрошенных), соответственно, процент коренного населения – 51,3. Более подробные сведения о миграциях в Усинскую долину нетувинского населения см. в таблице 3.

Таблица 3

**Миграции в Усинскую долину
(русские и представители других этносов)**

Направление миграций	Количество мигрантов (чел.)
Ермаковский район	11
Красноярский край (кроме Ермаковского района)	43
Республика Тува	29
Республика Хакасия	17
Другие национальные республики РФ	10
Другие регионы России	31

Страны бывшего СССР	4
Дальнее Зарубежье	1

Как видно из таблицы, наиболее активные миграции в Усинскую долину идут из различных районов Красноярского края. Чаще всего назывались соседние с Ермаковским районом Шушенский, Минусинский, Курагинский районы. В ответах также фигурировали поселения Ермаковского района.

География миграций из других регионов России достаточно обширна, однако здесь сложно выявить какую-либо закономерность, ибо на каждый населенный пункт или область приходится по одному–трем случаям миграций. Так, 4 человека прибыли из Кемеровской области, 3 из Читинской, 4 из Иркутской, 3 из Алтайского края, 4 из Новосибирской области. Были названы также Сахалинская область, Приморский край, Ленинградская область, Тула и др.

Что касается национальных республик РФ, то в основном были зафиксированы переселенцы из Хакасии (17 человек) и Чувашии (6 человек). Также есть приезжие из Мордовии, Татарстана и Республики Марий Эл.

Отдельно следует отметить русскоязычных переселенцев из Республики Тува. Наибольшее число человек сообщали, что прибыли из городов, которые на рубеже XIX–XX вв. были основаны русскими, – из Кызыла, Шагонара и Турана. До 90-х гг. XX в. это были города со значительным процентом русского населения. Но на фоне национальных волнений, русским пришлось оставить эти места. Согласно опросу, наиболее активным периодом переселения в Усинскую долину из Тувы оказался период с 1989 по 2002 гг. Таким образом, села Верхнеусинское и Нижнеусинское, а также близлежащие деревни были восприняты русскими мигрантами из Тувы как наиболее комфортные и спокойные для жизни места.

Среди некоренного населения оказалось небольшое число мигрантов из стран Ближнего Зарубежья (как русские, так и нет) – из Казахстана, Молдовы,
[Введите текст]

Узбекистана, Нагорного Карабаха – и даже один иммигрант из так называемого Дальнего Зарубежья – Болгарии.

Тувинцы Усинской долины, как уже отмечалось, также подразделяются на мигрантов (31,1 %) и коренных жителей (68,9 %). Более подробно см. в таблице 4.

Таблица 4

**Миграции в Усинскую долину
(тувинцы)**

Направление миграций	Количество человек
Кызыл	19
Туран	7
Улуг-Хем	3
Другие районы Тувы	6
Не из Тувы	2

Наиболее интенсивной является миграция из столицы Тувы – Кызыла. Это неудивительно, если учесть общую тенденцию миграционных процессов в Туве: в Кызыл идет активное переселение из сельских районов Тувы, так как считается, что в столице общий уровень жизни выше и проще найти работу. По этим же причинам (поиск лучших условий для жизни) жители Кызыла выезжают за пределы Тувы. Усинская долина для этих мигрантов оказывается наиболее удобной для поселения, так как это единственное место компактного проживания тувинцев вне Республики Тува. Те же соображения актуальны и для мигрантов из других районов Тувы. Случаи переселения тувинцев в Усинскую долину не из Тувы крайне редки. В ходе обследования удалось выявить всего двух таких мигрантов – оба переехали в Верхнеусинское из других сел Ермаковского района.

Следует отметить, что наиболее интенсивная иммиграция тувинцев в Усинскую долину происходит в течение последнего десятилетия. Если русские
[Введите текст]

покидали республику в последние годы XX века и первые годы XXI века, то тувинцы активно выезжают из Тувы начиная с 2002 г. и до сегодняшних дней. Это приводит к небольшому, но достаточно заметному в пределах поселений Усинской долины этническому расслоению тувинского населения.

Население Усинской долины неоднородно по уровню образования и по роду деятельности. Эти факторы важно учитывать, так как они оказывают влияние на функциональные характеристики языков и сферы их использования. Ниже, в таблице 5, представлены данные о том, какое образование было получено респондентами.

Таблица 5

Население Усинской долины по уровню образования

Мужчины					
Русские			Тувинцы		
образование	кол-во чел.	% от числа опрошенных	образование	кол-во чел.	% от числа опрошенных
До среднего	22	19,0	До среднего	17	43,6
Среднее	52	44,8	Среднее	16	41,0
Средне-спец.	27	23,3	Средне-спец.	6	15,4
Высшее	15	12,9	Высшее	0	0,0
Женщины					
Русские			Тувинки		
Образование	кол-во чел.	% от числа опрошенных	образование	кол-во чел.	% от числа опрошенных
До среднего	32	18,5	До среднего	31	36,9
Среднее	50	28,9	Среднее	30	35,7
Средне-спец.	61	35,3	Средне-спец.	13	15,5
Высшее	30	17,3	Высшее	10	11,9

[Введите текст]

Согласно приведенным данным, уровень образования у женщин в обеих этнических группах в целом выше, чем у мужчин. Особенно показательна эта разница в тувинской группе респондентов. Так, не было зафиксировано ни одного тувинца с высшим образованием, в то время как среди тувенок таковых оказалось 10. У русских респондентов разница в уровне образования не настолько впечатляюща, но так же заметна: из всех опрошенных женщин указали высшее образование 17,3 %, а из опрошенных мужчин – 12,9 %. Подобная картина наблюдается относительно средне-специального образования.

Если сравнить уровень образования среди русскоязычных и тувинских респондентов, то в целом заметно, что процент людей с высшим образованием среди русских выше, чем среди тувинцев (15,6 % и 8,1 % соответственно). То же касается и средне-специального образования (30,4 % у русских и 15,4 % у тувинцев). Следует отметить, что ответ «средне-специальное» на вопрос об образовании оказался самым популярным у взрослых респондентов. Общий уровень образования в Усинской долине представлен в таблице 6.

Таблица 6

Уровень образования жителей Усинской долины (сводная)

Образование	Количество человек	% от числа опрошенных
До среднего	102	24,7
Среднее	148	36,0
Средне-специальное	107	26,0
Высшее	55	13,3

В прямой зависимости от уровня образования находятся и основные занятия жителей Усинской долины. В целом доля незанятого населения выше, чем занятого (64 %): высок процент пенсионеров – 28,6 % и безработных – 21,4 %; к

[Введите текст]

группе незанятых также относятся дети школьного и дошкольного возраста, а также студенты – 14,0 %. Основная занятость населения приходится на сферу наемного труда – 34 %. Индивидуальных предпринимателей в ходе опроса было обнаружено всего 5 человек, что составляет 1,2 % от всего числа опрошенных. Более подробные сведения содержатся в таблице 7.

Таблица 7

Занятость населения Усинской долины

Мужчины					
Русские			Тувинцы		
Занятость	кол-во чел.	% от числа опрошенных	Занятость	кол-во чел.	% от числа опрошенных
Школьник/ дошкольник/ студент	1	0,9	Школьник/ дошкольник/ студент	18	46,2
Безработный	26	22,4	Безработный	15	38,4
Наемный работник	46	39,6	Наемный работник	4	10,3
Предприниматель	3	2,6	предприниматель	0	0
Пенсионер	40	34,5	Пенсионер	2	5,1
Женщины					
Русские			Тувинки		
Занятость	кол-во чел.	% от числа опрошенных	Занятость	кол-во чел.	% от числа опрошенных
Школьник/ дошкольник/ студент	12	6,9	Школьник/ дошкольник/ студент	27	32,1
Безработный	27	15,6	Безработный	21	25,0
Наемный	69	39,9	Наемный	23	27,4

[Введите текст]

работник			работник		
Предприниматель	1	0,6	предприниматель	1	1,2
Пенсионер	64	37,0	Пенсионер	12	14,3

Очевидно, что процент безработных выше среди тувинцев, при этом в обеих группах преобладает мужская безработица. Это вполне объяснимо, учитывая, что большинство женщин работает в сфере обслуживания, которая традиционно воспринимается как женская, в то время как для мужчин постоянной работы в селе немного. Что касается безработицы среди тувинского населения, этому, по-видимому, есть две причины. Первая – отсутствие занятости в сфере традиционной деятельности – скотоводстве, существенно сократившейся после распада СССР и общего упадка сельского хозяйства. Вторая причина – в значительном числе недавних переселенцев из Тувы, еще не успевших укрепиться на новом месте и обрести рабочее место.

Рабочие места в Усинской долине предоставляют в первую очередь социально значимые объекты: сельская администрация, две школы (средняя общеобразовательная и начальная), больница, пункт полиции, два детских сада, клуб и библиотека. В обоих поселках имеются магазины, работает пекарня. Из специализированных предприятий функционируют метеорологическая станция, лесхоз и лесоохрана.

Наиболее востребованными среди женщин, таким образом, являются профессии продавца и учителя или воспитателя, а среди мужчин – разнорабочего и водителя. Мужчины также работают учителями, электриками, сварщиками, выполняют административные функции; женщины работают врачами, фельдшерами, фармацевтами, санитарками и уборщицами, вахтерами и сторожами, занимают посты в сельсовете.

Среди тувинских мужчин наиболее высокий процент безработных – 38,4. В действительности это означает, что тувинцы, как и сотни лет назад, добывают

[Введите текст]

себе пропитание охотой. Достаточно распространенной является схема, по которой мужчины уходят в тайгу, а затем сдают добычу частным перекупщикам. Есть те, кто разводит скот, лошадей. Они живут отдельно от основных двух поселений. Тувинские женщины, наоборот, вполне вписаны в социальную картину Усинска. Так, они работают в больнице санитарками и медсестрами, учителями в школе, специалистами в администрации сельсовета. Они приносят наиболее надежный доход в семью и являются социально более активными, чем мужчины. В частности, именно женщины в первую очередь озабочены вопросами сохранения тувинского языка и культуры.

В целом следует отметить, что этническая и социальная структура Усинской долины представляет собой сложившийся и достаточно жизнеспособный механизм взаимодействия двух культур – русской и тувинской. Хотя национальный состав данного района не ограничивается только этими двумя этническими группами, все же небольшой удельный вес остальных национальностей и утрата их представителями родных языков не позволяет рассматривать их в качестве существенных элементов этноязыковой картины исследуемого района. В социальном отношении тувинцы гармонично вписаны в жизнь Усинской долины. С одной стороны, среди тувинских мужчин достаточно высок уровень безработицы, с другой, они занимаются охотничьим промыслом, как и много лет назад, к тому же тувинские женщины успешно выполняют работу самых разных уровней – от технического, низкоквалифицированного, до административного. Эти социальные характеристики, как будет показано в дальнейшем, влияют на функционирование и взаимодействие языков Усинской долины.

2.1.2. Этнокультурная характеристика Усинской долины

Сведения о культурной жизни населения Усинской долины были получены в результате ежедневных наблюдений за повседневной жизнью жителей и в ходе интервью и бесед с представителями как тувинского, так и нетувинских этносов.

Тувинцы, проживающие в Усинской долине, во многом осознают свою этническую уникальность и прилагают усилия к ее сохранению. Им также важно не потерять культурные связи с Тувой, так как чувство исторической родины и причастности к тувинскому миру достаточно сильно.

В ходе полевых исследований, проведенных нами в Усинской долине, уделялось внимание и такой функциональной характеристике языков, как их конфессиональный статус, использование их в качестве языков религии.

Усинская долина имеет достаточно богатую религиозную историю. Как уже было сказано, первыми русскими поселенцами в ней были старообрядцы, затем, в 1885 г. был основан Верхнеусинский приход, в селе появилась церковь. Православные христиане стали активно вытеснять старообрядцев, и те уходили дальше, в Туву, где их потомки живут и сейчас [Дацышен 2007, с. 69; Стороженко 2009, с. 157–158]. Во время Гражданской войны церковь была сожжена, и с тех пор так и не была восстановлена. Сейчас в селе Верхнеусинском есть дом, предназначенный для проведения православных служб, однако он почти не функционирует, так как, по словам местных жителей, немногие относят себя к верующим вообще и к православным, в частности.

Наблюдения и беседы показали, что в Усинской долине активно действуют проповедники Свидетелей Иеговы, причем наиболее отзывчивыми на их проповеди, проводимые на русском языке, оказываются тувинцы. На сегодняшний день в селе Верхнеусинском есть как минимум одна тувинская семья, члены которой относят себя к данной религиозной организации и проповедуют ее вероучение среди односельчан.

Но наиболее активная работа в последние годы ведется по возрождению тувинского буддизма (ламаистского толка), шаманизма и тувинских традиционных праздников. Всплеск этнического самосознания произошел в конце нулевых годов, когда при поддержке Центра русской культуры в Туве в Верхнеусинском появился Тувинский культурный центр, официально открытый в 2010 г. Целью данного центра является возрождение тувинских традиций и поддержание культурных связей с Тувой. Центр проводит праздник Шагаа (тувинский Новый год), принимает делегации из Тувы. На базе Центра развивается музей тувинской культуры. Регулярно приглашаются творческие коллективы из Тувы и делаются попытки организовать собственные выступления. Язык общения на таких встречах – преимущественно русский, так как они проходят при поддержке Верхнеусинской администрации и не позиционируются как закрытые мероприятия исключительно для тувинцев. Остальные жители также принимают активное участие в праздниках в качестве гостей. Но сами выступления и обряды проводятся как на русском, так и на тувинском языках.

Все это приводит к некоторому росту интереса к родной культуре и к традиционной религии среди тувинцев. В частности, в 2013 году по инициативе местных жителей в Верхнеусинском был открыт Субурган, а еще несколькими годами ранее было сооружено шаманское святилище *оваа*. Трудно судить, насколько усинские тувинцы действительно являются верующими буддистами, скорее, это попытки сохранить утрачиваемую идентичность. Так что интерес тувинцев к буддизму внешний, ориентированный на соблюдение обрядовости. И хотя тувинский язык – это один из языков буддизма в Туве (наряду со старомонгольским), он мало используется в Усинской долине как культовый язык. Также важно понимать, что действия по сохранению традиционной религии и возрождению праздников предпринимают люди среднего и пожилого возраста, владеющие тувинским языком, в то время как молодежь проявляет меньший интерес и к буддизму, и, соответственно, к тувинскому языку.

[Введите текст]

Усиление традиционной составляющей в жизни тувинской этнической группы происходит и благодаря мигрантам – переселенцам из Тувы. Именно они проявляют наибольшую активность в возрождении тувинских традиций и тувинского языка. Однако язык мигрантов существенно отличается от усинского диалекта тувинского языка, что отчасти препятствует коммуникации по-тувински и еще более провоцирует двуязычное речевое поведение.

Молодые русскоязычные тувинцы (до 30 лет) зачастую не разделяют попыток возвращения к традиционной религии, языку и традиционной культуре в целом, хотя и интересуются внешней стороной праздников. Школьникам, по свидетельству учителей, свойственен этнический и языковой нигилизм, доходящий до прямого отказа ассоциировать себя с тувинским миром.

Со стороны школы также предпринимаются попытки возбудить у молодежи (не только тувинской) интерес к тувинской культуре. Ежегодно организуется день тувинской культуры, в который принято носить традиционный костюм и готовить традиционные блюда. Однако попытки организовать в школе тувинский музей не увенчались успехом: как оказалось, тувинские семьи очень неохотно расстаются с предметами тувинского быта и костюмами, и это на фоне того, что русский музей в школе есть, он отражает историю сел Верхнеусинское и Нижнеусинское, строительство Верхнеусинского тракта, открытие прихода и другие значимые исторические события, а также содержит довольно богатую коллекцию предметов традиционного русского быта.

Таким образом, на сегодняшний день, с одной стороны, наметилась слабая тенденция к этнокультурному возрождению среди усинских тувинцев. Эта тенденция вызвана несколькими причинами:

- 1) открытием Тувинского национального центра при поддержке Республики Тува;
- 2) вниманием к родной культуре, буддизму и шаманизму со стороны тувинцев среднего и старшего поколений;

3) активным переселением коренных тувинцев из Республики Тува в Усинскую долину.

С другой стороны, наблюдаются обратные процессы среди молодежи: нежелание изучать родной язык, слабый интерес к этнической культуре, доходящий до этнического нигилизма – отрицания своего языка и культуры. К тому же следует понимать, что символическое использование языка во время традиционных праздников слабо связано с расширением объема его функционирования в повседневном общении [Гусейнова 2011, с. 46; Боргоякова 2002в, с. 233–234].

2.2. Сферы функционирования тувинского языка в Усинской долине

Изучение сфер функционирования языка начал Дж. Фишман в 1965 г. Именно он определил, что считать сферой, или доменом (domain). Согласно пониманию ученого, «... сфера является социокультурным конструктом, абстрагирующимся от темы коммуникации, отношений между коммуникантами и места, где происходит коммуникация в соответствии с социальными институтами и культурными сферами деятельности...» [Fishman 1965; Цит. по: Социолингвистика... 2012, с. 70]. Определить единый инвариантный список сфер, подходящий для изучения любого многоязычного коллектива, невозможно, так как, по словам Дж. Фишмана, «Если языковое поведение связано с социокультурной организацией, как считает подавляющее большинство, тогда различные типы многоязычного окружения должны анализироваться в терминах различных сфер использования языка...» [Fishman 1965; Цит. по: Социолингвистика... 2012, с. 70]. Определять набор сфер ученый предлагает «интуитивно, теоретически или эмпирически» [Fishman 1965; Цит. по: Социолингвистика... 2012, с. 70].

Тем не менее, перечень сфер функционирования предлагался неоднократно различными учеными, в том числе и самим Дж. Фишманом. Сферы принято подразделять на две большие группы: регламентируемые государством и не регламентируемые государством [см., например, Письменные... 2000, с. 501]. В.Ю. Михальченко предлагает еще один вариант распределения коммуникативных сфер: на аморфные сферы, то есть не обслуживаемые специальными функциональными стилями (торговля, услуги, транспорт и т. п.) и дифференцированные, или имеющие свои функциональные стили (наука, делопроизводство, художественная литература) [Михальченко 1984, с. 17–18].

Для задач данного исследования представляется более эффективным опора на первую классификацию, так как участие или неучастие государства в языковой жизни граждан выражается в языковой политике, которая, в свою очередь, влияет на языковую ситуацию отдельных регионов и страны в целом.

При характеристике сфер употребления того или иного языка важно определить, какие из них являются наиболее важными для характеристики языковой ситуации. В социолингвистических работах обращается внимание на различные сферы использования языков. Например, в энциклопедии «Письменные языки мира: Российская Федерация», под ред. В.Ю. Михальченко и В.М. Солнцева выделяются следующие регламентируемые государством коммуникативные сферы: образование, сфера массовой коммуникации, сфера художественной литературы и фольклора, сфера научной и учебно-методической литературы, сфера театрального искусства, сфера судопроизводства, сфера регионального самоуправления и сфера сельскохозяйственной и традиционной хозяйственной деятельности. К не регламентируемым государством сферам относятся религия и быт. Торговля является частично регламентируемой государством сферой [Письменные... 2000, с. 501].

Т. Г. Боргоякова выделяет сферу духовной культуры, включая в нее сферы художественной литературы, фольклора, театрального искусства, сферы науки и

[Введите текст]

образования с подсферами научной и учебной литературы и сферу производственной деятельности, включающую в себя промышленное производство, сельское хозяйство и традиционные виды деятельности. Таким образом, система коммуникативных сфер у Т.Г. Боргояковой выглядит более укрупненной, по сравнению с системой, предлагаемой в Энциклопедии.

По мнению Э. В. Хилхановой существенными при описании языковой ситуации являются официально-производственная, семейно-бытовая и религиозная сферы [Хилханова 2007, с. 79].

Очевидно, что русский язык в Усинской долине, как и на территории всей России, выполняет все социально значимые функции и, соответственно, представлен во всех сферах функционирования языка. Так что в данном параграфе работы представляется целесообразным рассмотреть лишь сферы функционирования тувинского языка.

Поскольку тувинский язык в Усинске – это местный язык, он функционирует в небольшом числе коммуникативных сфер. Наиболее активно коммуникация на тувинском языке происходит в сфере семейного и бытового общения. На вопрос анкеты «На каком языке вы обычно говорите с родителями, женой, детьми и т. п.» на разных позициях тувинский язык был назван 85 респондентами из 123. Остальные 38 человек сообщили, что не используют тувинский язык, из них 13 тувинцев не знают язык вообще и 25 – знают, но не употребляют ни в каких ситуациях. Более подробные сведения об использовании тувинского языка в сфере семейно-бытового общения представлены в таблице 8.

Таблица 8

Функционирование тувинского языка в сфере семейно-бытового общения

На каком языке вы обычно говорите?			
	На тувинском	На русском	В равной мере на обоих
С родителями	26 (28,6 %)	45 (49,5 %)	21,9 (22 %)
С супругом	26 (34,2 %)	41 (54,0 %)	9 (11,8 %)
С родственниками	39 (43,3 %)	32 (35,6 %)	19 (21,1 %)
С детьми	11 (13,9 %)	47 (59,5 %)	21 (26,6 %)
С друзьями	16 (14,8 %)	48 (44,4 %)	44 (40,7 %)

Как видно из таблицы, тувинский язык оказывается в приоритете только при общении с родственниками. При этом, отвечая на эту часть вопроса, респонденты чаще всего подразумевали родственников из Тувы. Выбор русского языка или двуязычного общения в отношении детей понятен. Это общая стратегия носителей миноритарных языков в России. Родители, как правило, руководствуются прагматическими соображениями, когда выбирают язык своим детям. Представляет интерес преобладание русского языка в коммуникации со старшим поколением. Это возможно объяснить, если учесть, что наиболее активными респондентами оказались тувинцы в возрасте от 20 до 40 лет. Это дети тех родителей, которые в 70–90-е гг. выбирали стратегию русификации для своих детей и предпочитали общаться с ними дома либо только на русском языке, либо используя оба языка попеременно. Русский язык в супружеском общении также имеет свое объяснение: в Усинской долине достаточно высок процент смешанных, русско-тувинских, браков. В таких семьях коммуникация осуществляется на русском языке. Это же касается и тувино-хакасских, и тувино-чуваших, и других смешанных семей. Выбор языка при общении с друзьями,

как правило, зависит от национальности. Так, большинство выбирало оба языка, объясняя это тем, что по-русски они говорят с русскими, а по-тувински – с тувинцами. Именно поэтому ответы «на русском» и «в равной мере на обоих» распределились в этой позиции почти поровну. В целом, несмотря на активное проникновение русского языка в сферу семейно-бытового общения тувинцев, позиции тувинского языка здесь еще достаточно сильны.

В незначительной мере тувинский язык представлен в сфере фольклора: старики еще поют песни и рассказывают сказки на родном языке, используют в речи тувинские пословицы и поговорки. Однако молодое поколение и в этой сфере уже предпочитает использовать ресурсы русского языка.

В сфере массовой коммуникации тувинский язык не представлен. В Ермаковском районе, куда входит Верхнеусинский сельсовет, издается местная районная газета «Нива» и функционирует телеканал «Саян-ТВ». И публикации в газете, и телевидение осуществляются исключительно на русском языке. Согласно данным социолингвистического опроса, жители сел Верхнеусинское и Нижнеусинское не выписывают газеты из Тувы, не хранят тувинские книги, журналы, не слушают тувинское радио. Всю необходимую информацию усинские тувинцы получают из русскоязычных СМИ района, а также из краевых и центральных телеканалов.

В сфере самоуправления также используется преимущественно русский язык. И это несмотря на то, что в органах местного самоуправления некоторые должности занимают тувинцы. Коммуникация на тувинском языке осуществляется лишь в единичных случаях. То же самое относится и к сфере медицинского обслуживания.

В сфере традиционной хозяйственной деятельности, тувинский язык представлен незначительно. Он используется тувинцами-охотниками во время промысла. Второе направление традиционных занятий тувинцев – скотоводство – сейчас в Усинской долине практически отсутствует.

[Введите текст]

Сфера религии уже рассматривалась выше. Отметим лишь тенденцию к активизации тувинского языка в данной сфере. Для тувинцев традиционная религия является существенным элементом этнической идентичности, так что многие буддистские и шаманские ритуалы, хотя и поверхностно, но соблюдаются. В настоящее время во время праздников используется преимущественно русский язык. Тувинский язык, будучи языком буддистской религии в Туве, в Усинской долине в конфессиональной функции в настоящее время используется мало, но усинские активисты, поддерживающие культурные связи с Республикой Тува, надеются через пробуждение интереса к традиционным праздникам привлечь внимание и к этническому языку. Вторая значимая религия в Усинской долине – церковь Свидетелей Иеговы – также ориентирована в основном на тувинцев, но христианское вероучение, как уже отмечалось, постигается усинскими тувинцами посредством русского языка.

До 2012 г. тувинский язык был представлен в сфере образования. Так как тувинцы являются в Усинской долине коренным населением, в селе Верхнеусинском в 20-е гг. был создан интернат для детей-тувинцев. Обучение в начальных классах в нем велось на родном языке, в средней школе осуществлялся постепенный переход на русский. При этом русский язык преподавался по программе «Русский язык для национальных школ». Впоследствии интернат был совмещен с Верхнеусинской средней школой, где формировались национальные классы. Еще в начале 90-х гг. XX в. начальное образование для тувинцев полностью осуществлялось на родном языке, затем с 5 по 9 класс тувинский язык преподавался как учебный предмет, был также курс родной литературы. Однако постепенно родной язык остался только в начальной школе, а родная литература присутствовала в стандартах, но реально не преподавалась. К началу 2010-х гг. тувинский класс стал малокомплектным: в 2011 г. в IV и III классах обучалось по 2 ученика, во II и I классе было по трое учащихся. В 2012 г. тувинский класс в Верхнеусинской школе перестал существовать. Тувинский язык сейчас не

[Введите текст]

преподается даже в качестве факультатива, а тувиноязычные дети обучаются в начальной школе на общих основаниях.

Обобщенные данные по сферам функционирования тувинского языка в Усинской долине можно увидеть в таблице 9.

Таблица 9

Сферы функционирования тувинского языка в Усинской долине

Сфера функционирования	Использование ТЯ	Сфера функционирования	Использование ТЯ
Школьное образование	Нет	Традиционная хозяйственная деятельность	Частично
СМИ	Нет	Фольклор и сфера культуры	Есть
Литература	Нет	Семейное и бытовое общение	Есть
Региональное самоуправление	Нет	Религия	Частично
Медицинское обслуживание	Нет		

Итак, можно сказать, что на момент исследования позиции тувинского языка достаточно слабы. Абсолютная демографическая мощь тувинского языка относительно всей численности населения Усинской долины низкая, внутри тувинской этнической группы процент говорящих на родном языке около 69%. Вытеснение языка из сферы школьного образования и снижение речевой активности на тувинском языке в сфере семейно-бытового общения негативно скажется на судьбе тувинского языка в будущем. Для миноритарного языка это

можно рассматривать как серьезную сдачу позиций и очередной шаг на пути к языковому сдвигу.

2.3. Функциональные типы языков Усинской долины

Несмотря на этническое многообразие населения Усинской долины, на сегодняшний день в данном районе активно функционируют только два языка – русский и тувинский, что позволяет расценивать языковую ситуацию как двухкомпонентную. Функциональный статус этих двух языков различен как с юридической, официальной, так и с практической позиций. Рассмотрим оба языка с точки зрения выполняемых ими общественно значимых функций.

Согласно Федеральному Закону «О языках народов РФ» и Федеральному Закону «О государственном языке РФ», русский язык является государственным языком Российской Федерации, обязательным для использования во всех официальных ситуациях на территории России. Статус тувинского языка достаточно высокий, согласно Закону 2003 г. «О языках в Республике Тыва» [Закон РТ «О языках...» 2003, ст. 2, п. 1] и Конституции Республики Тыва, принятой в 2001 г. [Конституция РТ, ст. 5, п.1], он является вторым государственным языком в Республике Тува и предназначен для использования параллельно с русским на территории республики. Но за пределами Тувы тувинский язык утрачивает статус государственного и становится местным языком.

Для определения фактического функционального статуса языка необходимо учесть следующие пять признаков:

- 1) наличие языковой общности, владеющей этим языком и использующей его;
- 2) демографическая мощьность языка данной языковой общности;
- 3) функциональная его мощьность;

- 4) функционирование данного языка в доминантных сферах общения;
- 5) тенденции функционирования – расширение или сужение функций.

В. Ю. Михальченко выделяет 7 функциональных типов языков:

- 1) языки с глобальными социальными функциями;
- 2) функционально развитые языки;
- 3) среднеразвитые языки;
- 4) языки с восстанавливаемыми социальными функциями;
- 5) языки с минимальными социальными функциями;
- 6) языки с изолированными социальными функциями;
- 7) языки временных языковых общностей [Михальченко 2010, с.48–49].

Данная типология была разработана специально для языков Российской Федерации, так что она наиболее полно отвечает задачам данного исследования.

Русский язык – это мажоритарный язык с глобальными социальными функциями. Им владеют все жители Усинской долины: среди опрошенных не было выявлено ни одного человека, который бы не владел русским языком, что говорит о закономерно высокой демографической мощности языка. Русский язык в качестве своего первого языка назвали 328 человек, что составляет 79,7 % от числа ответивших. При этом 57 из них – тувинцы. Русский язык обслуживает почти все социально значимые сферы, кроме, частично, сферы семейно-бытового общения, где возможно общение на тувинском языке. При этом в доминантных сферах используется исключительно русский язык. Можно заметить тенденцию его проникновения в семейно-бытовое общение тувинцев: 13 % назвали тувинский язык в качестве второго, а 19,5 % тувинцев признались, что вообще не знают тувинского языка ни на каком уровне и владеют только русским языком.

Тувинский язык, будучи государственным языком республики Тува, реализуется в двух разновидностях: литературный язык и территориальные диалекты. Он имеет достаточно сложную и продолжительную историю формирования и содержит в себе следы влияния различных языков соседних

[Введите текст]

народов. Согласно современной классификации языков, тувинский является тюркским, а точнее принадлежит к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков. При этом в тувинском языке обнаруживаются самодийские элементы (особенно в восточных диалектах), преимущественно в фонетике, а также наблюдается значительный пласт монгольских заимствований в лексике, что связано с целым рядом факторов. Во-первых, как уже было замечено, Тува долгое время находилась под властью татаро-монгольских племен, и после этого политические претензии Монголии на данную территорию сохранялись вплоть до свержения цинской династии в Китае и установления российского протектората над Тувой в 1911 г. Во-вторых, монгольские заимствования в тувинском языке связаны с распространением буддизма среди тувинской знати, а позже и среди простых аратов. Буддистские монастыри – хурэ – взяли на себя функцию культурных центров в Туве, соответственно, лексикон тувинского языка существенно пополнился монголизмами. Наконец, как уже упоминалось выше, старомонгольский язык был единственным письменным языком в Туве, что также не могло не сказаться на бесписьменном тувинском. К началу XX века тувинские диалекты не представляли собой единого литературного кодифицированного языка и значительно отличались – за счет словаря – от других тюркских языков (хакасского, татарского), но, одновременно с этим, обладали достаточно богатой устной традицией [Монгуш, Насилов 1995, с.251].

Тувинский язык является младописьменным. Его алфавит был разработан группой ученых во главе с А.А. Пальмбахом в 1930 г. Развитие письменного тувинского языка шло достаточно активно. По подсчетам тувинских исследователей, «к моменту вхождения ТНР в СССР (1944 г.) школой было охвачено около 60 % всех детей школьного возраста, в это время функционировало 125 школ, издавалось более 50 названий книг на тувинском языке, тираж газет доходил до 30 тыс. экз.» [Монгуш, Насилов 1995, с. 251].

Одновременно с разработкой алфавита велась работа по кодификации тувинского языка. В итоге, была создана литературная форма, основанная на базе центрального тувинского диалекта. Современный тувинский язык реализуется в двух разновидностях: литературный язык и устно-разговорный язык с диалектами. В Туве выделяются четыре диалектные зоны: центральная, западная, северо-восточная и юго-восточная. При этом исследователи отмечают, что различия между диалектами не являются существенными [Монгуш, Насилов 1995, с. 251].

Если рассматривать функционирование тувинского языка в Туве, можно отметить наличие значительное количество носителей, компактно проживающих в пределах республики Тува; высокую демографическую мощь языка (по переписи 2010 г. тувинским языком владеют 90,95 % от общей численности населения Тувы); у тувинского языка есть статус регионального государственного; язык функционирует в сфере семейно-бытового общения, на производстве, в образовании, включая сферу высшего образования, в сфере государственного управления, а также в доминантных сферах – сферах словесной культуры.

Однако в Усинской долине тувинский язык занимает иное положение и не обладает официальным статусом регионального государственного. Он принадлежит к функциональному типу местных языков.

Язык усинских тувинцев, по самоощущению носителей и по оценкам специалистов [Сарыкай 1971], имеет отличия и от литературного тувинского, и от базовых диалектов Тувы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Так, на фонетическом уровне отмечаются соответствие долгих гласных кратким (*артыыш* – *артыш* ‘можжевелик’), замены звуков (*ы* – *а*, *ы* – *у*, *б* – *м*, *к* – *х* и др.), выпадение согласных (*дооржак* – *довуржак* ‘тюбетейка’), ассимиляция и диссимиляция согласных (*быишак* – *бышак* ‘шкура (мех)’, *аиша* – *акша* ‘деньги’) и другие явления. На уровне лексики присутствуют

[Введите текст]

специфические названия животных (*куъжа* – ‘баран’ (в лит. языке *кошкар*), *сопу* – ‘козел’ (в лит. языке *хуна*) и др.); предметов быта (*доксун* – ‘деревянная посуда для жидкости’, *чал-хап* ‘вид шапки’ и др.); эвфемизмы для обозначения животных (*чер-кулактыг* – ‘медведь’ (букв. ‘землеухий’), *эней-кадай* – ‘медведица’ (букв. ‘бабушка-старушка’, *узун-бурган* – ‘змея’ (букв. ‘длинный бог’) и др.); особое обращение старших к младшим (*хунам* – досл. ‘мой козленок’, *эниим* – досл. ‘мой щенок’) и др. К грамматическим особенностям усинского диалекта относятся: сокращение аффикса законченного вида в форме причастия настоящего-будущего времени в интервокальном положении с –*нт*- до –*д*- (*судар* – *суптар* ‘положить’, *утудар* – *утуптар* ‘забыть’); замена собирательного аффикса –(ы)*шкы* на аффикс –*жы* (*кудажыдыр* – *кудашкылыр* ‘сватья’) и др.

Особо следует отметить в речи тувинцев значительное число заимствованных из русского языка слов: *пелета* – ‘плита’, *пайсоок* – ‘поясок’, *кооска* – ‘кошка’, *соокла* – ‘свекла’, *ырыыжык* – ‘рыжик’ (гриб), *селоонка* – ‘зеленка’ и т. д.

В целом исследователь языка усинских тувинцев отмечает сходства с улуг-хемским и пий-хемским говорами, а также уникальные черты, не имеющие параллелей в других разновидностях тувинского языка [Сарыкай 1971, с. 276].

На момент исследования тувинский язык в Усинске обладал низкой демографической мощностью. Однако среди опрошенных 123 тувинцев большинство сообщили, что в той или иной степени владеют языком своего этноса. Так, своим единственным первым языком тувинский назвали 66 человек, что составляет 53,7 % от числа всех усинских тувинцев, участвовавших в исследовании. Еще 20 человек назвали тувинский первым одновременно с русским, что добавляет 16,3 % к числу тех, чьи первые слова были произнесены на языке своего этноса. Тувинский язык в качестве родного выбрали 67 человек (54,5 %). Многие респонденты (не только тувинцы) называли тувинский язык

своим вторым языком – всего 24 человека, из них 8 нетувинцев. Таким образом, в разной степени данным языком владеет 110 человек, или 26,7 % респондентов.

Коммуникативная мощность тувинского языка также низкая. Сферы функционирования данного языка были подробно рассмотрены в параграфе 2.2. Основная сфера функционирования тувинского языка сейчас – сфера семейно-бытового общения и, отчасти, сфера традиционных промыслов (охота). В 2012 г. этот язык покинул сферу школьного образования. Намечается расширение функций тувинского языка в сфере традиционной культуры (религия, праздники), но пока это тенденция будущего. В сфере словесной культуры тувинский язык также представлен слабо. Практически не функционирует письменная форма языка.

Таким образом, говоря о положении тувинского языка в исследуемом районе, можно констатировать, что в Усинской долине есть языковая общность, использующая тувинский язык; его демографическая мощность составляет менее 30 % от общей численности населения; коммуникативная мощность тувинского языка низкая – язык полноценно функционирует только в бытовой сфере и частично в производственной и культурной сферах; наконец, можно отметить как сужение функционирования тувинского языка (прекращение изучения языка в школе), так и тенденцию к расширению – в сфере традиционной культуры. Все это позволяет предположить, что число социальных функций тувинского языка может быть увеличено.

Помимо русского и тувинского языка, несколько человек указали в качестве первого или второго языков другие языки РФ и близлежащих стран. Ниже, в таблице 10, приведены ответы жителей Усинской долины на вопросы «Ваш первый язык» и «Ваш второй язык».

Таблица 10

Население Усинской долины с точки зрения владения языками

Язык	Количество человек
Первый язык¹	
Русский	328
Тувинский	86
Чувашский	6
Хакасский	5
Мордовский	2
Эстонский	2
Узбекский	1
Армянский	1
Татарский	1
Молдавский	1
Болгарский	1
Второй язык	
Русский	85
Тувинский	24
Чувашский	5
Хакасский	4
Татарский	1
Украинский	1

На момент исследования в Усинской долине реально функционируют только русский и тувинский языки. Всего три человека заявили, что говорят на

¹ В столбце «количество человек» суммировались ответы тех, кто назвал в качестве первого один язык, и тех, кто указал по два первых языка. Например, ответ «тувинский и русский языки одновременно» был учтен и в строке «русский язык», и в строке «тувинский язык».

[Введите текст]

языках своих этнических групп (на эстонском, мордовском и хакасском) с родственниками, проживающими в других регионах или за границей. Хакасский язык был также назван как язык общения с родителями. Учитывая, что таких ответов оказалось ничтожно мало, мы не сочли необходимым включать другие языки в характеристику языковой ситуации Усинской долины.

Таким образом, этноязыковая ситуация в Усинской долине характеризуется как экзоглоссная, несбалансированная, двухкомпонентная (с русским и тувинским элементами), неравновесная. Языком с максимальным числом общественно значимых функций является русский язык. Тувинский язык можно отнести к функциональному типу местных языков.

2.4. Этноязыковая политика как важнейший фактор современной этноязыковой ситуации в Усинской долине

Этноязыковая политика в различных регионах РФ опирается в первую очередь на Конституцию Российской Федерации и на федеральные законы, затрагивающие использование языков в различных общественно значимых сферах. Также в национальных республиках существуют местные законы, как правило, регулирующие взаимоотношения государственного языка и языков титульных наций. К важным документам, нацеленным на поддержку миноритарных языков относятся различные программы развития языков. Некоторые мероприятия по привлечению внимания к языковым проблемам были инициированы Европейской Хартией региональных языков или языков меньшинств [Европейская... 2009], подписанной Российской Федерацией в 2001 г., но в силу разных причин до сих пор не ратифицированной в нашей стране [Подлесных 2010; Мамонтова 2010а; Соколовский 2010].

Вопрос государственного языка России разъясняется в статье 68 Конституции РФ. Согласно этому документу, государственным языком

Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. При этом республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях государственные языки республиканского уровня употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Конституция также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [Конституция РФ... 1993, ст. 68].

Русский язык утверждается в качестве государственного и в отдельном Федеральном законе от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [ФЗ «О государственном языке РФ», ст. 1]. В этом законе русский язык провозглашается языком межнационального общения, «способствующего взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве». При этом пункт 7 Закона «О государственном языке» охраняет право граждан на пользование государственными языками республик и иными языками народов РФ [ФЗ «О государственном языке РФ» 2005, ст. 1].

В статье 3 Закона содержится 6 сфер, в которых использование государственного языка обязательно:

- 1) сфера органов государственной власти;
- 2) сфера всех видов судопроизводства;
- 3) сфера наименований географических объектов и надписей на дорожных знаках;
- 4) сфера делопроизводства;
- 5) сфера средств массовой информации;
- 6) сфера рекламы [ФЗ «О государственном языке РФ» 2005, ст. 3].

Таким образом, функционирование русского языка на всей территории России регламентировано во всех значимых для государства сферах. Русский язык обладает государственной поддержкой на законодательном уровне.
[Введите текст]

Одновременно с этим, другие языки России также охраняются законами, хотя и ограничены в сферах использования.

Порядок функционирования региональных языков России определен в Законе «О языках народов Российской Федерации» от 11.12.2002. В статье 3 «Правовое положение языков» провозглашаются равные права всех языков народов России. В этой же статье зафиксировано право республик России устанавливать свои государственные языки. При этом заявляется, что «все языки народов Российской Федерации пользуются поддержкой и защитой государства» [Закон «О языках народов РФ 1991, ст. 3]. Органы власти Российской Федерации гарантируют социальную и юридическую защиту языков народов России. Экономическая защита языков реализуется в «целевом бюджетном и ином финансовом обеспечении государственных и научных программ сохранения и развития языков народов Российской Федерации, проведении в этих целях льготной налоговой политики» [Закон «О языках народов РФ 1991, ст. 4].

В Законе «О языках народов РФ» зафиксировано, что «правительство Российской Федерации разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации и осуществляет меры по реализации таких программ. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут разрабатывать соответствующие региональные целевые программы» [Закон «О языках народов РФ» 1991, ст. 7]. Однако в настоящее время в России существует всего одна федеральная целевая программа, направленная на сохранение и развитие языка – ФЦП «Русский язык», рассчитанная на 2016–2020 гг. [ФЦП «Русский язык» 2015] Поддержка региональных языков производится силами региональных правительств и с помощью регионального финансирования.

В статье 9 Закона «О языках» говорится, что граждане РФ «имеют право свободного выбора языка воспитания и обучения», и «право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка

[Введите текст]

обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [Закон «О языках народов РФ» 1991, ст. 9]. При этом федеральное законодательство не устанавливает границы возможностей, предоставляемых системой образования для выбора языка обучения.

Статьей 20 «Язык средств массовой информации» Закона определяется, что «издание всероссийских газет и журналов, передачи всероссийского телевидения и радиовещания осуществляются на русском языке как государственном языке Российской Федерации. Всероссийские газеты и журналы могут также по усмотрению учредителей издаваться на иных языках», то есть возможен перевод печатных СМИ на региональные языки. При этом в средствах массовой информации субъектов РФ (то есть в СМИ регионального уровня) могут использоваться как русский язык, так и государственные языки республик, а также иные языки народов, проживающих на их территориях [Закон «О языках народов РФ» 1991, ст. 20].

Некоторые положения Закона «О языках народов РФ» дублируются в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. Так, в статье 14 «Язык образования» зафиксировано право граждан на получение образования на родном языке [ФЗ «Об образовании в РФ» 2012, ст. 14, п. 1].

Таким образом, этноязыковая политика в России на сегодняшний день базируется на вышеперечисленных федеральных законах, и все частные вопросы функционирования местных языков решаются в соответствии с законодательством. В различных российских регионах власти по-разному уделяют внимание сохранению языковых прав граждан: от принятия программ развития региональных языков (как, например, в Хакасии) до полного игнорирования языковых проблем.

В Красноярском крае главным субъектом региональной языковой политики является Агентство по развитию северных территорий и поддержке коренных
[Введите текст]

малочисленных народов Красноярского края. Одной из задач агентства является «Обеспечение создания условий для сохранения и защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов» [Эл. ресурс: www.krskstate.ru/kmns/sever]. В центре внимания региональных властей, таким образом, находятся коренные малочисленные народы Севера. Именно поэтому все принимаемые краевые законы и программы касаются в основном этой группы населения, хотя официальный портал Красноярского края среди коренных народов называет не только представителей северных народов, но и проживающих на юге края хакасов и тувинцев.

Поддержка языков малочисленных народов заявлена в Государственной Программе «Создание условий для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края и защиты их исконной среды обитания», принятой в 2013 г. и рассчитанной на 2014–2016 годы. Необходимость поддержки языка и культуры в данной программе обосновывается следующим образом: «Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов невозможно без сохранения и развития самобытной культуры, знания языка и традиций» [Государственная Программа... Режим доступа: <http://zakon.krskstate.ru/9/doc/16012>]. В программе подчеркивается, что мероприятия программы, нацеленные на сохранение культуры и языков малочисленных народов, реализуются в северных территориях края. В частности, в числе мероприятий программы указано создание летних лагерей-стойбищ для детей, грантовая поддержка проектов, направленных на сохранение языка и культуры, а также выпуск теле- и радиопрограмм на языках коренных малочисленных народов и приложения к газете «Таймыр» на соответствующих языках. Согласно программе, планируется ежегодно приобщать не менее 120 детей к родной культуре, языку, национальным видам спорта и традиционным промыслам [Государственная Программа... Режим доступа: [Введите текст]

<http://zakon.krskstate.ru/9/doc/16012>]. Судя по отчету о выполнении программы за 2014 г., представленному на портале Красноярского края, данная задача была выполнена.

До недавнего времени этноязыковая политика Красноярского края базировалась только на рассмотренном выше документе. Но 5 ноября 2015 г. был принят Закон Красноярского края «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории КК». Закон составлен в соответствии с Федеральным Законом «О языках народов РФ» и повторяет его основные положения. В частности, предполагается использование языков коренных малочисленных народов в сфере официальной коммуникации [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 2, п. 2]; предусмотрена социальная, экономическая и юридическая защита родных языков [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 3]; планируется использование языков в сферах средств массовой коммуникации, в названиях географических объектов, в сфере образования (дошкольного, начального общего и основного общего; а также провозглашается право на изучение родного языка [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 2, 7, 8, 9].

Представляет интерес перечень языков, относимых к родным языкам малочисленных народов – долганский, кетский, нганасанский, ненецкий, селькупский, чулымский, эвенкийский, энецкий» [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 1, п. 1]. Как видно, это языки коренных малочисленных народов Севера, и тувинский язык в данный список не включен. Как сказано в проекте Закона, его действие «распространяется на лиц, относящихся к малочисленным народам, проживающим в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность малочисленных народов» [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 1, п. 3]. Под действие Закона также

[Введите текст]

подпадают представители других этнических групп, но они должны находиться в местах традиционного проживания и вести традиционную хозяйственную деятельность коренных народов [Закон КК «О родных (национальных) языках...» 2015, ст. 1, п. 3]. С учетом всех перечисленных условий, закономерно, что усинские тувинцы, лишь частично сохранившие свои традиционные занятия, не были включены в сферу действия данного Закона.

Что касается этноязыковой политики Республики Тува, то Законом «О языках Республики Тыва» не предусмотрена поддержка тувинского языка за пределами региона [Закон РТ «О языках...» 2003]. В республике также отсутствует программа развития тувинского языка, в которой могли бы быть прописаны соответствующие меры. Так что сотрудничество с республикой в Усинской долине пока идет только по общекультурному направлению (праздники, совместные религиозные мероприятия).

Таким образом, сохранение языка усинских тувинцев осуществляется сейчас только в соответствии с общероссийским законодательством, которое в первую очередь нацелено на сохранение позиций государственного русского языка, в меньшей степени – на поддержку региональных языков, или государственных языков национальных республик. Что касается местных языков, то их функционирование целиком зависит от районных или муниципальных властей. Как показывает практика, районные власти не считают проблему сохранения миноритарных языков значимой, и не предпринимают усилий для их поддержки. На сегодняшний день в Усинской долине существует инициативная группа из представителей тувинской интеллигенции – бывшие и действующие учителя, врачи – которые пытались вернуть преподавание тувинского языка в Верхнеусинскую школу, однако их обращения к главе Ермаковского района остались без ответа.

Учитывая, что сфера образования – это единственная сфера в Усинской долине, где возможно государственное регулирование в области языка, можно

[Введите текст]

сделать вывод, что нечеткость формулировок Закона «О языках народов РФ» и невнимание краевых властей к коренным народам, проживающим не на севере, а на юге Красноярского края, пока приводят к тому, что тувинский язык в Усинске сокращает сферу своего функционирования, несмотря на усилия местной интеллигенции. Возможно, что следствием принятия Закона «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» будут программы, нацеленные на поддержку не только языков народов Севера, но и других языков Красноярского края, что позволит укрепить позиции тувинского языка в Усинской долине.

Выводы по II главе

1. Усинская долина Красноярского края рассматривается как приграничная территория не только потому, что расположена на южной границе Красноярского края, но и потому, что в этнокультурном отношении тяготеет к соседнему с Красноярским краем региону – Республике Тува.

2. До 1925 г. Усинская долина называлась Усинским пограничным округом и входила вместе с близлежащими тувинскими территориями в Усинско-Урянхайский край. В настоящее время Усинская долина – это самая южная территория Ермаковского района Красноярского края. На ее территории располагается муниципальное образование Верхнеусинский сельсовет, включающее 5 населенных пунктов, с административным центром в селе Верхнеусинское.

3. В этническом отношении Усинская долина достаточно разнородна: наиболее значительная группа – русские (76,22%), тувинцы составляют 19,52 % от всех жителей, остальные – это чуваша, хакасы, марийцы, мордва и др. Достаточно велика доля метисов – около 20 %.

4. Усинская долина всегда была местом, где происходили активные миграционные процессы. На момент обследования коренные жители Усинской

[Введите текст]

долины и мигранты разных лет распределились примерно пополам: 51,3 % против 48,7 %. Основное направление миграций – близлежащие районы Красноярского края (Шушенский, Минусинский, Курагинский) и Тува.

5. В последние годы в Усинской долине наметилась тенденция к возрождению традиционной культуры, что проявляется в организации национальных тувинских праздников и сооружению объектов культового назначения. Это может стать благоприятным фактором для ревитализации тувинского языка. Главными инициаторами национально-культурных мероприятий в Усинской долине являются представители тувинской интеллигенции среднего и старшего возраста, особенно переселенцы из Тувы. Молодежь и школьники, наоборот, склонны отрицать свои этнические корни.

6. Русский язык в Усинской долине функционирует во всех коммуникативных сферах, тувинский язык на данный момент – это язык семейно-бытового общения, причем коммуникация в этой сфере постепенно сокращается. Начиная с 2012 г. тувинский язык не преподается в средней школе.

7. Этноязыковая ситуация в Усинской долине экzogлоссная, несбалансированная, двухкомпонентная (с русским и тувинским элементами), неравновесная. Русский язык относится к мажоритарным языкам с глобальными социальными функциями; тувинский язык к функциональному типу местных языков.

8. Этноязыковая политика России слабо регулирует функционирование местных языков на территории РФ. Закон Красноярского края от 5 ноября 2015 г. также не рассматривает лингвоохранные меры в отношении языков коренных народов, не ведущих традиционный образ жизни.

ГЛАВА III

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И СЛЕДСТВИЯ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В УСИНСКОЙ ДОЛИНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Проблема языкового сдвига – или перехода языковой общности со своего этнического языка на язык большинства – всегда вызывает бурные дискуссии в политических и научных кругах. Действительно, утрата родного языка зачастую приравнивается к утрате национального самосознания, а миноритарный язык, долгое время пребывающий в контакте с мажоритарным, называют исчезающим, при том что сами носители его таковым не считают. Часто бывает трудно удержаться от оценивающих суждений, когда дело касается утраты языка. Именно поэтому возникают биологические метафоры «языковая смерть», «исчезающие языки», «сокращение языкового разнообразия» и т. п. Однако утрата или сохранение языка не всегда зависят от внешних факторов – причины выбора языка значительно сложнее и глубже. Равно как и неоднозначна связь между языком и этническим самоопределением личности.

3.1. Объективные факторы языкового сдвига в среде усинских тувинцев

Под языковым сдвигом понимается «постепенная замена в жизни членов сообщества одного языка на другой» [Dorian 1982; цит. по: Социолингвистика... 2012, с. 382]. Однако механизмы этого процесса, его причины и последствия на данный момент до конца не изучены.

В первую очередь следует отметить, что языковой сдвиг – это не одномоментное событие, а процесс, иногда растягивающийся на годы и десятилетия. Именно поэтому о языковом сдвиге говорят как о континууме,

[Введите текст]

указывая на невозможность определения точного момента смены языка в обществе [Баранова 2009, с. 27]. В разных сообществах процесс языкового сдвига происходит в разном темпе: медленном (сотни лет), быстром (в течение 3–4 поколений) или катастрофическом (за 1–2 поколения) [Вахтин, Головки 2004, с. 119], однако в современных исследованиях термин «языковой сдвиг» чаще всего употребляется по отношению к последнему типу. Именно поэтому данный процесс воспринимается обществом, как правило, негативно.

Однако если учитывать различные темпы языкового сдвига, то можно сказать, что переход на язык большинства не всегда является катастрофой для этнической группы. Н.Б. Вахтин замечал, что «если этот процесс проходит не слишком быстро и сопровождается умелой социальной и языковой политикой, то этническая группа воспринимает его достаточно безболезненно» [Вахтин 1993, с.46]. При грамотной языковой политике государства группа может пребывать в ситуации функционального двуязычия достаточно долго, так что процесс языкового сдвига будет протекать безболезненно. Более того, известная американская исследовательница С. Гэл фиксирует случаи не только деградации миноритарного языка, но и инновационные черты в языке венгеро-немецких билингвов [Gal 1989; цит. по: Социоллингвистика... 2012, с. С. 359].

Есть и еще одна причина быть осторожным в оценке языкового сдвига: как совершенно справедливо заметил В.М. Алпатов, «то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей, как для индивидов» [Алпатов 2006. с. 73]. Действительно, представители малочисленных народов зачастую уверены, что им выгоднее ориентироваться на язык большинства, для того чтобы наиболее полноценно реализоваться в современном социуме. Так что существует распространенное мнение, что языковой сдвиг для подобных сообществ – есть экономически обусловленная необходимость.

Факторы, способствующие языковому сдвигу, разнообразны, и в разных коллективах данный процесс протекает по-разному. Чаще всего выделяют две

[Введите текст]

группы факторов – объективные (внешние) и субъективные (внутренние). Объективные причины – это те, что не зависят от этноязыковых установок социума, они имеют историческую или экономическую подоплеку. Субъективные причины проистекают из оценок группы, даваемых своему языку и языку большинства, а также из отношения к родному и мажоритарному языкам.

Долгое время считалось, что языковой сдвиг – результат усиления политической и военной мощи государства, в основном за счет завоевательных походов. Именно так, по мнению Д. Кристала, распространялся английский и другие языки Европы [Crystal 1997, р. 5–7]. Об этом же пишет и Н. Дориан, утверждая, что судьба языка зависит от политической мощи его народа. Расширяющаяся империя всегда поглощает малые народы и их языки, стимулируя переход на официальный язык и тем самым увеличивая число носителей этого языка [Dorian 1982, р. 45]. Несомненно, что чем выше политический вес народа на мировой арене, тем более привлекателен его язык для народов более слабых, находящихся в подчинении. Однако очевидно, что данное объяснение языкового сдвига не полно, ибо не дает представления о том, как народ полностью отказывается от родного языка, минуя стадию двуязычия.

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки выделяют примерный набор объективных факторов, способных запустить процесс языкового сдвига. К таковым относятся исторические, демографические, географические, социально-структурные, институциональные, отношения [Вахтин, Головки 2004 с. 113–114]. Они же отмечают, что данные факторы невозможно расположить в причинно-следственную цепочку, так как каждая из групп факторов может иметь или не иметь влияния на социалингвистические процессы в группе.

Несомненно, что при анализе языкового сдвига следует учитывать следующие факторы:

1. Число носителей. Общеизвестно, что чем больше число носителей, тем меньше вероятность, что язык перестанет употребляться. Однако в мире
[Введите текст]

существует значительное число языков с небольшим количеством носителей, живущих в изоляции (как, например, одноаульные языки в Дагестане). Такие языки могут функционировать долгое время без угрозы исчезновения.

2. Языковое окружение. Как уже было замечено, язык, пребывающий в изоляции и не испытывающий на себе влияния других языков, оказывается вполне жизнеспособен, даже несмотря на небольшое число носителей. Однако нахождение в ситуации контакта с иноязычным окружением также может не повлечь за собой языковой сдвиг. Ситуация устойчивого дву- и многоязычия представляется нормой для многих государств Африки, Азии, Южной Америки и т. п. Д. Кристал по этому поводу заметил: «Примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружении и способны свободно говорить на двух языках [Crystal 1997, p. 14].

3. Воспроизводство языка. Если группа не заинтересована в передаче родного языка следующему поколению, то языковой сдвиг неизбежен. Это безусловно верно: если младшее поколение не владеет языком своей этнической группы, шансы на сохранение этого языка заметно сокращаются. Но языковой сдвиг может быть вызван в этой связи не только родителями, не передавшими язык детям, но и самими детьми, не считающими возможным использовать материнский язык. С другой стороны, достаточно распространенной является ситуация, когда молодежь отказывается от своего, миноритарного, языка, но после – в зрелости – возвращается к нему снова.

4. Традиционная хозяйственная деятельность. Считается, что сохранение традиционных занятий способствует сохранению языка, так как здесь присутствует прямая зависимость между самими промыслами и необходимой этим промыслам терминологией. Так что даже если язык малой этнической группы утрачивается как разговорный, он продолжает частично сохраняться, обслуживая сферу традиционной хозяйственной деятельности. Утрата последней значительно сокращает шансы миноритарного языка на сохранение. Однако

[Введите текст]

следует заметить, что отказ от традиционных занятий суть следствие других, более мощных событий в жизни этноса – политических, экономических, социальных.

5. Межнациональные браки. Известно, что дети из этнически смешанных семей скорее всего будут говорить на более значимом в данном языковом коллективе языке. Более того, при определении своей этнической принадлежности дети-метисы предпочитают относить себя к мажоритарной этнической группе. Престиж миноритарного языка в таком случае будет существенно ниже, чем в этнически однородной семье. Тем не менее, если женщина – представитель малого народа – не воспримет язык мужа, то первым усвоенным языком ребенка будет язык матери, что позволит такому ребенку вырасти билингвом и, хотя и в ограниченных сферах, говорить на языке первых лет жизни.

6. Этноязыковая политика государства. Известны примеры, когда агрессивная государственная национально-языковая политика через школьное обучение могла существенно повлиять на использование местных языков, вплоть до того, что матери осознанно учили своих детей официальному государственному языку. Но не всегда запретительные меры приводили к искоренению языка, который мог сохраняться в течение долгого времени в качестве семейно-бытового. Более того, дискриминационная политика может вызвать и обратный эффект, а именно повысить приверженность к языку у малочисленной этнической группы.

7. Наличие или отсутствие письменности. Если язык обладает устойчивой письменной традицией, он оказывается в несоизмеримо более сильной позиции, чем бесписьменный язык. Но данное утверждение также не всегда бесспорно. Существуют как примеры бесписьменных языков, сохраняющихся на протяжении столетий, так и примеры языков, обладавших

письменностью и уступивших другим письменным языкам в силу разнообразных причин [Вахтин, Головки 2004, с. 113–114].

Таким образом, перечисленные объективные факторы могут с равной долей вероятности повлиять или не повлиять на языковой сдвиг в языковом коллективе. Языковой сдвиг – это достаточно сложный процесс, проходящий на фоне самых разнообразных исторических событий. Тем не менее внешние факторы языкового сдвига необходимо обязательно принимать во внимание при исследовании конкретной языковой ситуации, так как при отсутствии всех перечисленных выше объективных причин данный процесс невозможен.

Именно поэтому при изучении языковой ситуации в Усинской котловине все эти факторы учитывались и анализировались. Рассмотрим их применительно к языковому сдвигу на исследуемой территории.

1. Число носителей тувинского языка (демографическая мощьность).

Под демографической мощьностью понимается число носителей языка на исследуемой территории. Как уже отмечалось во II главе, тувинцы в Усинской долине составляют меньшинство, так что демографическая мощьность тувинского языка значительно слабее демографической мощьности русского.

Как уже отмечалось, из 123 опрошенных тувинцев 24 не владеют и никогда не владели тувинским языком. Тем не менее 9 из них указали в анкете, что в той или иной степени понимают язык своих родных. Среди владеющих тувинским языком были те, кто назвал его в качестве первого или второго, а также те, кто считает первыми оба языка – русский и тувинский. Более подробные сведения даны в таблице 11.

Таблица 11

Владение тувинским языком внутри тувинской этнической группы

Тувинцы, владеющие ТЯ			Тувинцы, не владеющие ТЯ	
Тувинский язык как первый	Тувинский язык как второй	Тувинский язык как первый одновременно с русским	Понимают, но не говорят	Полностью не владеют
66 чел.	13 чел.	20 чел.	15 чел.	9 чел.
Всего: 99 чел. (80,5%)			Всего: 24 чел. (19,5%)	

Таким образом, если посчитать число носителей тувинского языка по отношению к носителям русского языка, получится, что демографическая мощность тувинского языка в Усинской долине достаточно мала (согласно анкетированию, это всего 24 % носителей). Но если обратить внимание на тот факт, что внутри этнической группы тувинцев процент носителей достигает 80,5%, можно утверждать, что пока позиция тувинского языка в Усинской долине устойчива. При этом стоит принять во внимание, что даже из числа не говорящих по-тувински, большая часть способна понимать тувинскую речь, а владеющие тувинским языком чаще называют его первым, чем вторым.

При анализе демографической мощности языка важным параметром представляется степень владения языком. В анкете респондентам было предложено указать одну из четырех степеней владения тувинским языком:

- 1) свободно владею, думаю на языке,
- 2) говорю с некоторыми затруднениями,
- 3) говорю со значительными затруднениями,
- 4) понимаю, но не говорю.

Ответы респондентов распределились следующим образом (таблица 12).

Таблица 12

Степени владения ТЯ

Владею свободно, думаю на языке	Говорю с некоторыми затруднениями	Говорю со значительными затруднениями	Понимаю, но не говорю ²
74 чел.	10 чел.	8 чел.	15 чел.

Судя по этим данным, высоко оценивают свое владение тувинским языком 69,2 % респондентов, если же прибавить сюда тех, кто может говорить с небольшими затруднениями, процент владеющих тувинским языком увеличится до 78,5.

В ходе исследования также оценивалось владение письменной формой тувинского языка. Результаты опроса представлены в таблице 13.

Таблица 13

Владение письменной формой тувинского языка

Не владеют письменной формой	Владеют свободно (также как и устной)	Владеют плохо (хуже, чем устной)
25 чел.	56 чел.	18 чел.

Объяснить данные цифры можно тем, что большинство опрошенных изучали тувинский язык в школе и уверены, что владеют письменными нормами языка. Конечно, более подробное изучение этого вопроса скорее всего дало бы иные результаты, тем не менее, респондент, утверждая, что владеет письменностью на высоком уровне, имеет в виду, что владеет ею в достаточной для коммуникации степени. Применительно к русскому языку почти все респонденты отметили высокий уровень владения письменной формой, что, конечно же, не свидетельствует о знании и применении всех норм русского языка.

² Степень владения «понимаю, но не говорю» присуща тем, кто не изучал язык, но, будучи погружен в языковую среду, научился понимать речь, и тем, кто учил тувинский язык в школе, но не развил навык говорения.
[Введите текст]

Таким образом, число носителей тувинского языка в Усинской долине представляется достаточным для того, чтобы язык сохранялся в течение десятилетий. Об этом же говорит и уровень владения языком, позволяющий осуществлять полноценную коммуникацию на уровне семейно-бытового общения. Можно сказать, что демографическая мощь тувинского языка невысока, но стабильна, и ее стабильность поддерживается, как уже отмечалось, за счет постоянного притока мигрантов из Тувы.

2. Языковое окружение. Очевидно, что этот фактор имеет очень большое влияние на выбор языка в Усинской долине. Тувинцы в исследуемом регионе находятся в окружении многочисленного русскоязычного населения. К тому же у русского языка заведомо более сильные позиции, чем у тувинского, так как русский является государственным языком РФ и исторически сложившимся языком межнационального общения. При таком мощном давлении со стороны мажоритарного официального языка, позиция тувинского языка представляется очень слабой. Действительно, выше уже упоминалось, что 19,5 % тувинцев не владеют языком своего этноса, а из оставшихся 80,5 % все без исключений являются билингвами.

Степень владения русским языком среди тувинского населения достаточно высока (см. таблицу 14).

Таблица 14

**Владение русским языком тувинцами, проживающими
в Усинской долине**

Владею свободно, думаю на языке	Говорю с некоторыми затруднениями	Говорю со значительными затруднениями	Понимаю, но не говорю
98 чел.	19 чел.	4 чел.	2 чел.

Итак, из 123 опрошенных только двое заявили о своем пассивном владении русским языком. Это были мать с сыном, менее года назад переехавшие в с. [Введите текст]

Верхнеусинское из Тувы. При этом отец семейства указал, что говорит по-русски, хотя и со значительными затруднениями. В основном же усинские тувинцы высоко оценивают свой уровень владения русским языком. Если объединить данные первой и второй групп, то примерно 95 % респондентов считают, что свободно говорят по-русски.

В своем умении писать на русском языке тувинские респонденты уверены еще сильнее. Только 8 человек признались, что пишут по-русски хуже, чем говорят. Остальные отметили, что владеют письменной формой русского языка так же, как и устной.

Все эти факты свидетельствуют о том, что пребывание в тесном контакте с русскоязычным населением, а также обучение в русскоязычных школах не может не дать свои плоды. Практически все тувинцы в исследуемом районе являются билингвами либо русскоязычными монолингвами, при этом сами достаточно высоко оценивают свое владение русским языком. Таким образом, фактор языкового окружения оказывает крайне важное влияние на процесс языкового сдвига среди усинских тувинцев.

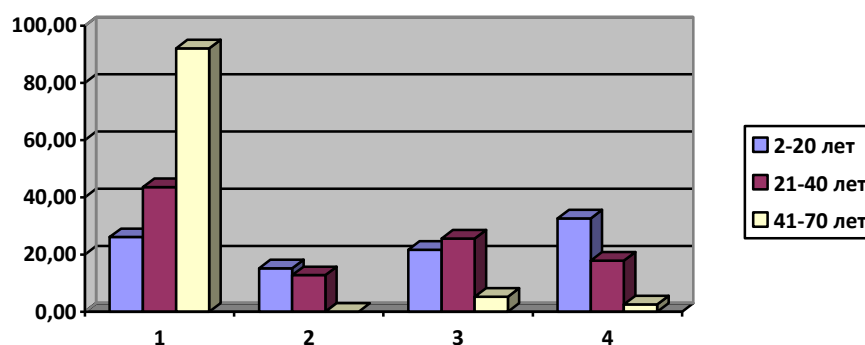
3. Воспроизводство языка. Наиболее активно воспроизводство языка осуществляется в семье, ибо только те языковые навыки, которые были получены в раннем детстве, обладают достаточной степенью устойчивости, чтобы сохраниться во взрослой жизни, особенно в билингвальной среде. Также важным звеном в передаче языка являются образовательные учреждения – детский сад и школа. Для обеспечения высокого уровня владения языком необходимы обе ступени – воспроизводство языка в семье и изучение его в школе. Первая закладывает разговорные навыки, вторая дает представление о литературной норме, включает личность в этнокультурный контекст.

Для того чтобы оценить воспроизводство тувинского языка в сфере семьи, рассмотрим насколько изменяется число носителей языка и степень владения им от поколения к поколению (см. гистограмму 1).

[Введите текст]

Гистограмма 1

**Воспроизводство тувинского языка у респондентов разного возраста
(%)**

1. – Тувинский как первый язык.
2. – Тувинский как второй язык.
3. – Тувинский и русский как первые языки одновременно.
4. – Русский язык как единственный язык.

Судя по данной гистограмме, воспроизводство тувинского языка неуклонно снижается. Так, в ходе исследования было установлено, что в возрастной группе старше 41 года тувинский язык в качестве первого языка назвали 92 % респондентов, 5 % считают, что русский и тувинский являются для них первыми языками одновременно и 3 % в качестве первого и единственного называют русский язык. В возрасте от 21 до 40 лет 44 % респондентов называют тувинский своим первым языком; 13 % указывают, что первыми языками для них были одновременно русский и тувинский, а для 26 % представителей этого поколения первым языком стал русский, а тувинский вторым. Отметим, что в данной возрастной группе 18 % респондентов тувинской национальности сообщили, что русский для них является первым и единственным языком. В ходе социолингвистического опроса детей и молодёжи в возрасте до 20 лет было установлено, что лишь 26 % считают тувинский первым языком, 15 % считают

[Введите текст]

первыми языками русский и тувинский; 22 % назвали русский язык в качестве первого, а тувинский – второго; 33 % респондентов из этой группы вообще не владеют тувинским языком³.

Интерес представляет тот факт, что во всех возрастных группах второй по популярности ответ – «тувинский и русский как первые языки одновременно». Он находится на третьей позиции только в группе самых младших респондентов. Это можно объяснить тем, что, находясь с детства в русскоязычном окружении, многие респонденты усваивали оба языка в равной степени и сейчас затрудняются определить, какой из двух поставить на первое место, а какой на второе. Следует также отметить, что признание языка первым вовсе не означает абсолютного владения этим языком. Ребенок, усвоивший тувинский язык как материнский, мог утратить его будучи погруженным в русскоязычную среду.

Итак, в Усинской долине на данный момент замедляется передача тувинского языка следующим поколениям. Даже если принять во внимание тот факт, что пока функционирование языка и языковая компетенция носителей находятся на достаточном уровне, снижение воспроизводства языка неминуемо ускорит темпы языкового сдвига.

4. Тип хозяйственной деятельности. На момент исследования из традиционных занятий тувинцев в Верхнеусинском сохранилась только охота. Скотоводство (мараловодство и овцеводство) представлены крайне слабо и лишь в объеме индивидуальных подсобных хозяйств. Однако элементы традиционного быта в тувинских семьях присутствуют. Как уже отмечалось, находясь за пределами своей этнической родины, усинские тувинцы стремятся сохранить духовную культуру своего этноса (праздники, религию). В частности, это проявляется и в интересе к традиционной кухне, и в использовании предметов быта и элементов традиционного костюма, особенно во время национальных праздников. В Центре тувинской культуры имеется сельский музей с моделью

³ Цифры округляются до целых.
[Введите текст]

юрты, а на праздники всегда устанавливается тувинская юрта в натуральную величину.

5. Межнациональные браки. В ходе опроса было выявлено, что соотношение семей, в которых оба супруга являются тувинцами, и этнически смешанных семей составляет примерно 40:60. То есть нельзя утверждать, что усинские тувинцы ассимилируются с русским населением; с другой стороны, межэтнические браки в Усинской долине – это культурная норма. Однако влияние смешанных браков на сохранение тувинского языка неочевидно. Для оценки роли данного фактора в процессе языкового сдвига необходимо понять, какой язык выбирают в качестве первого для детей из таких семей. Опрос 69 метисов показал следующие результаты:

- 42 человека указали, что не владеют и никогда не владели тувинским языком;
- тувинский язык как второй определили 15 опрошенных;
- тувинский язык назвали своим первым языком 12 респондентов;
- свободное владение тувинским языком указали 9 человек.

Таким образом, очевидна прямая зависимость между этнической однородностью семьи и использованием тувинского языка. Даже те метисы, у кого были матери-тувинки, чаще всего называли русский язык как свой единственный язык. Это означает, что, попадая в русскоязычную семью, женщина-тувинка не считает необходимым передавать родной язык детям. Учитывая высокий процент межэтнических браков в Усинской долине, можно утверждать, что рассматриваемый фактор имеет значительное влияние на процесс языкового сдвига.

6. Языковая политика как фактор языкового сдвига. Как уже отмечалось в параграфе 2.4, языковая политика оказывает влияние на языковую ситуацию в Усинской долине. К сожалению, язык усинских тувинцев не рассматривается властями как ценность, подлежащая охране. Именно поэтому обеспечение

[Введите текст]

учебного процесса в тувинском классе оказалось невозможным, экономически нецелесообразным. Все это сказывается и на престиже тувинского языка для самих тувинцев, а падение престижа влечет за собой и постепенный отказ от языка.

Э. Хауген объясняет сущность понятия «престиж языка» следующим образом: «Вес, приписываемый языку... в малой степени связан его ценностью как инструмента мысли и убеждения. Это – символический вес, вопрос престижа (или его отсутствия), связанный с теми или иными формами или вариантами языка через их соотнесение с социальным статусом их пользователей» [Haugen 1972; цит. по: Социоллингвистика... 2012, с. 111]. Таким образом, престиж языка – это во многом условное понятие, обозначающее проекцию на язык социальных отношений между этносами. От престижа языка, по мнению Э. Хаугена напрямую зависит, насколько усердно будут его изучать, так как умственные усилия, затраченные на изучение языка должны окупаться будущим благополучием [Haugen 1972; цит. по: Социоллингвистика... 2012, с. 111]. Этим во многом объясняется интерес или отсутствие такового при изучении миноритарного языка в школе.

Не вызывает сомнения тот факт, что миноритарные языки обладают заведомо меньшим престижем, чем мажоритарные. Причем говоря о престиже языка, следует иметь в виду не только то, что мажоритарные языки – это языки, обладающие статусом официальных или государственных. Носитель мажоритарного, официального языка с рождения имеет больший вес в глазах всех граждан государства, чем носитель миноритарного языка. Включаются расхожие этнические стереотипы относительно представителей меньшинств, подвергаются осмеянию иноязычный акцент и элементы интерференции в речи на официальном языке, так что принадлежать к меньшинству и говорить на языке меньшинства становится психологически некомфортно, а это, в свою очередь, заставляет отказываться от языка своего этноса и переходить на язык большинства.

[Введите текст]

Говоря о престиже языка следует иметь в виду в первую очередь его статус, юридический и фактический, так как эти параметры напрямую зависят друг от друга. Так, русский язык – официальный государственный язык РФ, язык большинства населения страны, без сомнения, обладает более высоким престижем по сравнению с другими языками России. Так что выбор русского языка у тувинской молодежи, а также у родителей-тувинцев связан с возможностью получить более качественное образование, повысить свой социальный статус и в целом поднять свою самооценку. Высокий престиж русского языка и низкий тувинского, таким образом, сами по себе не влияют на смену языковых предпочтений, но связываются в сознании людей с разными социальными возможностями и, следовательно, способствуют выбору русского языка.

7. Наличие или отсутствие письменности. На процесс языкового сдвига в среде усинских тувинцев оказывает влияние и фактор отсутствия письменной коммуникации на тувинском языке: по данным опроса, в тувинских семьях не хранятся тувинские книги, журналы и газеты, письма и смс-сообщения респонденты предпочитают писать по-русски.

Подводя итог обзору объективных факторов языкового сдвига в Усинской долине, можно выделить ряд причин, наиболее актуальных для данных условий:

- 1) число носителей тувинского языка примерно в 5 раз меньше, чем носителей русского;
- 2) усинские тувинцы проживают не изолированно от русских, они активно усваивают русский язык, часто сразу с рождения;
- 3) воспроизводство тувинского языка на момент исследования существенно сократилось, очевиден разрыв между старшим и средним поколениями и молодежью, не признающий тувинский язык в качестве родного;

- 4) значительный процент межнациональных браков и выбор русского языка в качестве языка общения в смешанных семьях также усугубляет проблему воспроизводства тувинского языка;
- 5) тувинский язык в Красноярском крае не является объектом региональной языковой политики, что не позволило сохранить его в школьном образовании и в целом понижает престиж языка среди его носителей;
- 6) юридический статус и функциональная нагруженность русского языка несоизмеримо выше тувинского, что также сказывается на предпочтении мажоритарного языка миноритарному, особенно среди молодежи.

Только один из вышеперечисленных факторов, а именно сохранение элементов традиционного хозяйствования, замедляет темп языкового сдвига. В целом же на смену языка в тувинской этнической группе влияет комплекс объективных факторов. Тем не менее, согласно последним исследованиям, анализ объективных факторов не показывает полную картину причин выбора того или иного языка этнической общностью. Следует обратиться к субъективным факторам, или психологическим установкам самих носителей языка.

3.2. Субъективные факторы языкового сдвига в среде усинских тувинцев

В последние годы многие исследователи отмечают, что существенной, если не основной причиной, отказа народа от своего языка являются коллективные установки относительно своего языка и языка большинства. К примеру, анализируя причины снижения интереса к родному языку в Дагестане, М.Н. Самойлова замечает, что наряду с нехваткой учебников и слабой материальной базой школы возникает причина иного рода: «сознание народа, проявляющего отсутствие заинтересованности в усвоении родного литературного языка» [Самойлова 2009, с. 163].

О необходимости учитывать субъективную жизнеспособность языка и отношение к языку говорит и исследователь языковой ситуации в Калмыкии В.В. Баранова [Баранова 2009, с. 23].

Субъективные факторы выбора языка позволяют объяснить, почему группа не задерживаются на стадии двуязычия, нормальной для полиэтнического государства, а полностью переходят на официальный язык государства даже во внутрисемейном общении. Именно поэтому растет интерес к анализу причин языкового сдвига, вызванных ценностными установками этнической группы. В качестве субъективных факторов можно выделить следующие:

1. Престиж языка. Данный фактор можно в равной степени отнести как к объективным факторам языкового сдвига, так и к субъективным, ибо восприятие языка как престижного складывается из множества обстоятельств, как независимых от носителей (типа юридического статуса языка, числа его носителей), так и проистекающих из стереотипов и традиционных психологических установок группы.

2. Субъективная оценка языка и отношение к языку. Субъективная оценка языка его носителем, как правило, находится в прямой зависимости от юридического и фактического статуса языка в государстве, от использования языка в официальной сфере, образовании, на производстве. На эту зависимость, в частности, указал В.А. Виноградов [Виноградов и др. 1984, с. 37]. В свою очередь субъективная оценка влияет на такие важные социолингвистические параметры, как языковая витальность (жизнеспособность), языковой выбор, функциональный потенциал языка. Важно понимать, что оценка языка носит двусторонний характер, то есть язык оценивается «изнутри», самими носителями (внутренняя оценка), и «снаружи», носителями других языков (внешняя оценка) [Виноградов и др. 1984, с. 37; Галимьянова 2012, с. 94].

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки отмечают, что отношение к языку подразумевает под собой два направления: во-первых, оценка самого языка, его

[Введите текст]

эстетических качеств (красивый-некрасивый, грубый, музыкальный и т. п.), его сложности или, наоборот, легкости для изучения; во-вторых, оценка говорящих на этом языке, их положения в обществе [Вахтин, Головкин 2004, с. 87]. Так что субъективная оценка языка напрямую связана с его престижем и статусом. Очевидно, что любая группа равняется на социально более успешную и примеряет на себя все параметры этой группы, в том числе и язык. Чем выше оценка престижного языка группой, тем выше вероятность языкового сдвига в данном коллективе.

Еще одна точка зрения на субъективную оценку языка принадлежит Ежи Смоличу. Он убежден, что отношение к языку связано с теми чувствами, которые носители испытывали в детстве. Так, если язык воспринимается как нечто важное для самосознания группы, ее идентичности, то отношение будет положительным. Если язык будет вызывать какие-либо негативные воспоминания, то спровоцирует негативное отношение к себе. Наконец, язык может и не вызывать никаких чувств, быть нерелевантным для нынешней ситуации [Смолич 2012, с. 407].

Однако каковы бы ни были мотивы отношения к языку, очевидно, что негативная оценка языка – это один из значимых факторов языкового сдвига.

3. Субъективная жизнеспособность (витальность) языка. Под витальностью языка понимается «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств» [ССТ 2006, с. 37]. Витальность языка определяется на основе трех признаков: демографической мощности языка, его государственной поддержки и его социального престижа [Клюканов 2011, с. 16]. Чаще всего жизнеспособность языка – это объективный параметр. Существуют математические формулы определения этнолингвистической витальности [Эхала 2010].

Изучение языковой жизнеспособности (или витальности) с точки зрения субъективных параметров началось с 80-х гг XX в. К примеру, Вопросник по [Введите текст]

субъективной жизнеспособности (Subjective Vitality Questionnaire) был издан в 1981 г. [Bourhis et al. 1981]. В отечественной лингвистике о значении субъективных оценок заговорили только в начале 2000-х годов. Так, на важность учета субъективных оценок витальности языка указывали Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин [Вахтин, Головкин 2004, с. 126]. Речь идет о восприятии языка как культурной ценности: в этом случае витальность языка повышается.

В ходе изучения субъективной жизнеспособности языка выяснилось, что установки группы относительно витальности своего языка дают возможность делать более точные прогнозы о будущем языка, так как зачастую именно эти установки заставляют членов группы принимать решение о выборе языка.

4. Язык как этнообразующий фактор и символическая ценность языка.

Вопрос о сохранении этнического языка обычно связывают с сохранением самого этноса. Считается, что язык – это то, что объединяет этнос, а с утратой языка постепенно исчезает и самовосприятие людей как единой группы. К примеру, В.П. Нерознак говорит о том, что с утратой языка исчезает и значение языка как признака этнической идентичности, что приводит сначала к языковой, а затем и к этнической ассимиляции [Нерознак 1994, с. 16–28].

В действительности соотношение языка и этноса более сложное. К примеру, довольно распространена ситуация, когда у группы возрастает эмоциональное отношение к языку на фоне угрозы, нависшей над самой нацией. Подобное наблюдение содержится в исследовании Фр. Данеша и С. Чмейрковой, посвященном судьбе чешского языка [Данеш, Чмейркова 1994, с. 31].

В этой ситуации язык приобретает особую функцию, именуемую символической, или этнической. Язык становится не просто одним из средств коммуникации, но важным символом нации, фактором, объединяющим этнос в единое целое. Т.Г. Боргомякова замечает, что данная функция наиболее существенна для миноритарных этносов, проживающих на территории крупных государств, так как им приходится постоянно противостоять ассимиляционным

[Введите текст]

процессам [Боргоякова 2002, с. 24]. Суть этнической функции демонстрирует Дж. Эдвардс, говоря о восприятии ирландцами своего этнического языка: при весьма низком проценте его реального использования (около 3 %), ирландский язык был и остается символом, тем, что позволяет обособить ирландцев от англичан [Edwards 1989, p. 18].

Такая этническая обособленность, аутентичность получила название «контрастивного самосознания» (contrastive identity) [Вахтин, Головкин 2004, с. 40; Сундужева 2010, с. 52], самосознания, отделяющего данную группу от всех других, и символическая функция языка как раз и является фактором этого контрастивного самосознания.

Однако, как верно заметил Д. Хаймс, не все языки обладают символической ценностью [Хаймс 1975, с. 65]. Развивая данную идею, В.И. Виноградов замечает: «Чувство языка и особенно этнической гордости, присутствующее у одного коллектива, сосуществует с положительной оценкой со стороны других этносов только в том случае, если оно подкреплено сознанием каких-то реальных политических, экономических или культурных преимуществ, ассоциируемых с данным этносом и соответственно с его языком» [Виноградов и др. 1984, с. 49]. Таким образом, идея о том, что язык непременно должен являться этнообразующим фактором, на сегодняшний день активно подвергается критике. Пожалуй, наиболее четко подвела итог данной дискуссии Э.В. Хилханова, отметив, что «язык, на котором мы говорим, является решающим фактором для нашей этнокультурной идентичности в той степени, в которой мы сами это определяем» [Хилханова 2007. с. 25].

Итак, язык может восприниматься группой как культурная ценность и важный этнообразующий элемент, а может и не быть таковым, при этом группа вовсе не утрачивает этническую идентичность, а находит опору в иных фактах культуры: традициях, религии, бытовых реалиях. В данном случае позиция этнического языка становится еще более уязвимой. Таким образом, чем более

[Введите текст]

этническая группа склонна считать свой язык стержнем своей идентичности, тем больше шансов у данного языка сохраниться, хотя бы в качестве символа.

Все перечисленные факторы, разумеется, имеют под собой некие объективные обстоятельства. Так, престиж языка создается на основе его официального статуса; субъективное отношение к языку – во многом продукт прагматических установок носителей, вызванных также объективной языковой ситуацией; восприятие языка как символа этнической идентичности также опирается на факты истории этноса. Тем не менее, в конечном итоге данные установки далеко не всегда напрямую отражают реальную языковую ситуацию, во многом являясь отражением представлений народа об их судьбе и судьбе их языка.

Усинская долина – это пример сохранения миноритарного языка на протяжении длительного времени практически без государственной поддержки. Находясь на границе с Тувой, готовой оказывать помощь в сохранении этнического языка, усинские тувинцы все же оценивают перспективы родного языка достаточно пессимистично.

Субъективные оценки тувинского языка и уровень его престижа среди усинских тувинцев измерялись при помощи свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). САЭ позволяет выявить субъективную (то есть основанную на личных наблюдениях, ощущениях) оценку родного языка, коренящуюся в подсознании. По условиям САЭ респондент не связан строгими инструкциями – в его задачу входит просто написать то, что придет ему в голову при виде слова-стимула. Это позволяет исследовать реальное отношение к языку и по возможности исключить социально желательные ответы, неизбежные при проведении интервью.

В качестве слова-стимула предлагалось словосочетание «тувинский язык», одновременно на русском и тувинском языках, так что респондент был вправе самостоятельно выбрать язык своих ответов. Для участия в эксперименте была

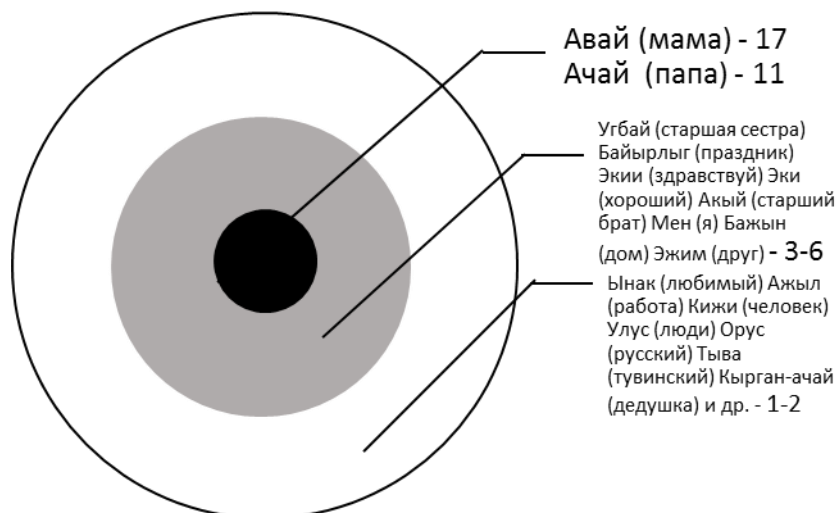
[Введите текст]

сформирована фокус-группа из 64 тувинцев. Единственным критерием отбора было владение одновременно русским и тувинским языками, так как в этом случае показателен выбор респондентом языка для ответа на задание эксперимента. Наибольшее количество ответов было получено от молодежи: возрастной интервал «12–22 года» представлен 20 участниками; наименьшее число ответов – от пожилых людей старше 62 лет – всего 3 участника. В остальных возрастных группах число участников примерно совпадает. Тувинский язык для ответов выбрали 27 респондентов, русский язык – 34 респондента, 3 человека в ответах использовали оба языка. В ходе эксперимента удалось получить 200 реакций, из них 112 на тувинском языке и 88 на русском. По качеству реакции на русском и тувинском языках сильно различаются: если в тувиноязычных преобладают термины родства (44 реакции), то в русскоязычных – качественные характеристики тувинского языка (59 реакций).

Так как тувиноязычные и русскоязычные реакции не совпадают, есть необходимость составить два ассоциативных поля для двух разных языков (см. рисунок 1, рисунок 2).

Рисунок 1

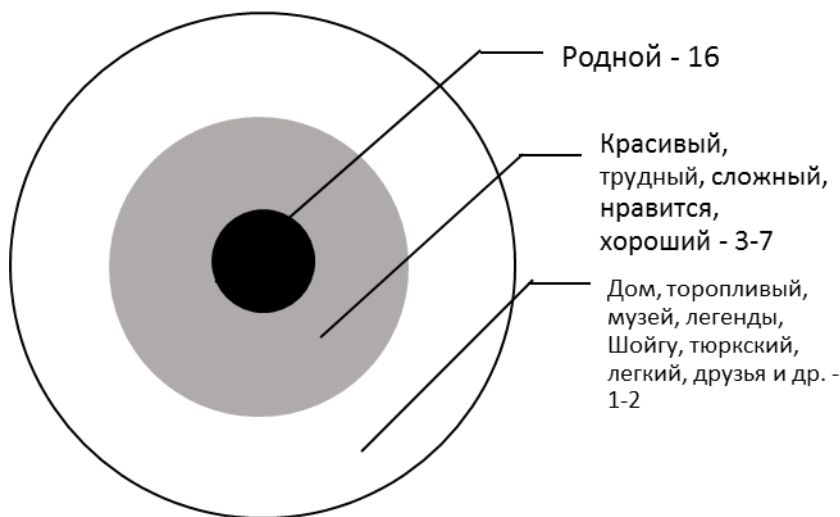
Ассоциативное поле «тувинский язык» (тувиноязычные реакции)

Как видно из рис. 1, в ядре ассоциативного поля «тувинский язык» содержатся слова, обозначающие родителей – мать и отца. То есть для большинства тувинцев, выбравших для ответа тувинский язык, символом родного языка являются родители. В околоядерной зоне присутствуют ассоциации *угбай* и *акый*, обозначающие также старших родственников. Здесь же находится и очень важная ассоциация *мен* (я). Интересно, что реакция *ажы-тол* (дети) представлена всего один раз. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: для тувинцев – носителей тувинского языка родной язык предстает в качестве языка родителей и старшего поколения, некоторые также ассоциируют его с собой (реакция *мен*), однако связь тувинского языка с будущим этноса, похоже, не устанавливается, так как ассоциация, относящаяся к следующему поколению, встречается только однажды.

Рисунок 2

Ассоциативное поле «тувинский язык» (русскоязычные реакции)

Если посмотреть на русскоязычные реакции (рис. 2), можно увидеть, что наиболее частотной является реакция *родной*. Респонденты, выбравшие для

ответов русский язык, все же воспринимают тувинский в качестве родного, и в этом нет противоречия. Здесь возможны два варианта: либо под «родным» языком респондент имеет в виду «этнический», либо родной язык не является для респондента основным. В околоядерной зоне присутствуют эстимационные характеристики языка: наряду с социально желательными положительными характеристиками *красивый, хороший, нравится* представлены реакции *сложный* и *трудный*, в то время как реакция *легкий* является единичной. Таким образом, респонденты признают существование определенного языкового барьера, препятствующего использованию родного языка.

В итоге можно сказать, что в языковом сознании тувинцев существуют следующие константы относительно родного языка:

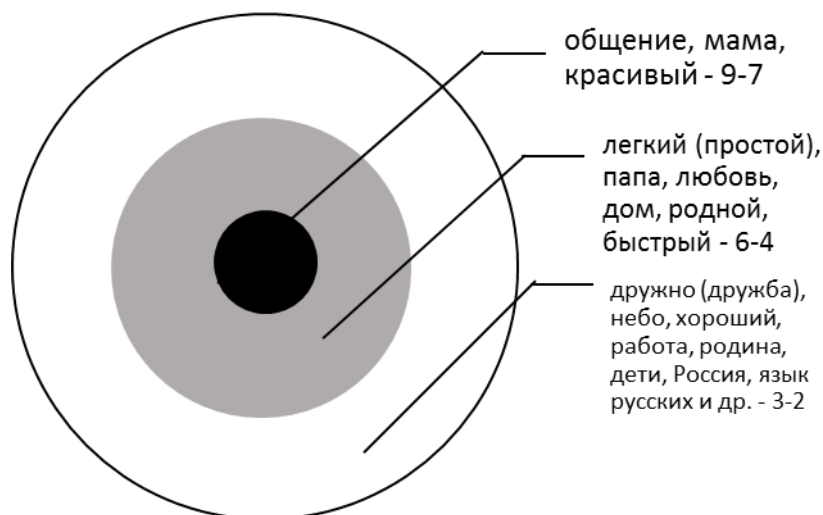
- 1) тувинский язык – это родной язык;
- 2) тувинский язык – это язык старшего поколения;
- 3) на тувинском языке говорить сложно.

Эти суждения, равно как и выбор языка для ответов, не зависят от возраста респондента, что позволяет утверждать, что оценки принадлежат всей исследуемой этнической группе, а не какой-то ее части. Усинские тувинцы признают свой язык бесперспективным для успешной социальной жизни и отводят ему роль домашнего общения с родителями.

Однако для того, чтобы получить полную картину отношения к языкам среди тувинцев Усинской долины, следует изучить аналогичные ассоциативные поля для слова-стимула «русский язык».

Для слова-стимула «русский язык» были получены только русскоязычные реакции, что говорит о том, что все без исключений респонденты не считают для себя приемлемым говорить о русском языке по-тувински. Так что ассоциативное поле концепта «русский язык» (рисунок 3) едино для коллективного языкового сознания усинских тувинцев.

Ассоциативное поле «русский язык»

Реакции, полученные в ответ на слово-стимул «русский язык» во многом совпадают с реакциями на словосочетание «тувинский язык». Так, в ядре и околоядерной зоне находятся слова, обозначающие родителей (*мама* 9 реакций, *папа* – 5 реакций), слово-оценка *красивый* (*красиво*) – 7 реакций. Встречается оценочная реакция *хороший* (*хорошо*) – 3 ответа. При этом есть и различия. Так, в ядерную зону попало слово *общение* (9 реакций), что достаточно ясно демонстрирует языковой выбор респондентов. Если тувинский язык для его носителей представляется *сложным, трудным*, то русский наоборот *легкий, простой* (6 реакций). При этом реакция *трудный* встречается дважды, но один раз из этих двух в форме превосходной степени – *самый трудный*, что можно расценить как положительную оценку языка, своеобразный повод для гордости за него. Реакция *родной* по отношению к русскому языку также присутствует, пусть она и не столь частотна, как для тувинского – 4 ответа – все же она ясно показывает, что часть респондентов именно русский язык считает родным, что подтверждается данными анкетирования.

Таким образом, русский язык в языковом сознании усинских тувинцев
[Введите текст]

- 1) язык, наиболее подходящий для общения;
- 2) подобно тувинскому, язык родителей;
- 3) простой язык, вызывающий положительные эмоции.

Следует отметить, что такое восприятие первого и второго языков не является уникальным. Оно во многом совпадает с выводом, сделанным Э.А. Салиховой при исследовании башкирско-русского двуязычия: «Первый родной язык мыслится как некая психологическая сущность и ассоциируется с чувством, ощущением, детством и т. п.; второй родной – с разумом, сознательной жизнью, творчеством» [Салихова 2012, с. 117]. Похожие выводы делает и Т. Ю. Позднякова, исследуя особенности русскоязычной идентификации билингвов [Позднякова 2003].

Если распределить ответы респондентов по смысловым кластерам, то возможно увидеть и проанализировать субъективные установки тувинцев относительно обоих языков.

1. Субъективный престиж языка. Согласно результатам эксперимента, тувинский язык в Усинске в целом проигрывает в значимости русскому языку. Тем не менее, тувинский язык не воспринимается как малозначительный или слабый. Скорее, его престиж ограничивается рамками тувинского этноса. В этом кластере были следующие ответы: *Тува, Тыва, тувинцы* (5 ответов), *надо знать, сильный, язык предков, Шойгу* – по одному ответу. Интересно, что среди ответов фигурировала лишь один антропоним – *Сергей Шойгу*, но данный ответ позволяет респонденту поднять родной язык в своем сознании до общегосударственного уровня. Однако есть и реакция, демонстрирующая понижение статуса, а значит и престижа, тувинского языка. Это ответ *исключен из школьной программы*. Но данный ответ единичен, остальные 10 свидетельствуют о том, что в языковом сознании усинских тувинцев престиж тувинского языка достаточно высок.

Очевидно, при этом, что престиж русского языка существенно выше, чем тувинского. Было получено 22 ответа, отображающих престиж русского языка. Из [Введите текст]

них 5 ответов указывают на статус русского языка в стране и в мире: *межнациональный, международный, самый известный, всемирный, распространенный*. Были ответы, подчеркивающие силу и мощь языка (и косвенно – говорящих на нем): *сила, будущее, жизнь, могучий*, его роль в российском обществе: *основной, современный, культурный*. Пять ответов соотносили русский язык с государством: *Путин* (1 ответ), *Москва* и *Россия* – по 2 ответа. Также были получены «культурные» реакции – антропонимы *Пушкин* и *Лермонтов*. В целом, анализ ассоциатов свидетельствует о том, что русский язык для усинских тувинцев – это не только язык государства, но и язык культуры России, современный язык и язык будущего.

Если соотнести полученные данные о престиже тувинского и русского языков, получится, что тувинский язык важен для его носителей. Это язык, представляющий этнос, то, чем следует гордиться тувинцу. Русский язык, в свою очередь, это язык всей страны, владение им означает владение российским культурным багажом и ключ к счастливому будущему

2. Субъективная оценка языка и отношение к языку. Реакции, показавшие оценочное отношение к языкам, достаточно многочисленны. Всего было получено 45 реакций для тувинского языка и 64 реакции для русского. В целом положительные оценки преобладают над отрицательными и нейтральными. Соотношение оценок представлено в таблице 15.

Таблица 15

Субъективные оценки тувинского и русского языков

Язык	Положительные оценки	Отрицательные оценки	Нейтральные оценки
Русский	55 (86 %)	2 (3,1 %)	7 (10,9 %)
Тувинский	30 (66,7 %)	7 (15,5 %)	7 (17,8 %)

Несмотря на преобладание положительных оценок вообще, очевидно, что преимущество и здесь оказывается за русским языком. Из таблицы видно, что тувинцы более склонны относиться положительно к русскому языку, чем к своему этническому. Так, на стимул «русский язык» реакция *красивый* была дана 7 раз, реакция *любовь* – 5 раз, *хороший* – 3 раза. Реакция *красивый* на стимул «тувинский язык» также частотна – 7 ответов. Число реакций для обоих языков совпадает, но, учитывая разное число оценочных реакций для тувинского и русского языков (45 и 64 соответственно), можно утверждать, что реакция *красивый* для тувинского языка более частотна. Число реакций *хороший* («экии») на стимул «тувинский язык» превышает число аналогичных реакций на стимул «русский язык»: всего 5 ответов на русском и тувинском языках. Реакция *любовь* («эргим») встречается для тувинского языка только один раз.

Остальные реакции, выражающие положительные оценки, существенно различаются для русского и тувинского языков. Русский язык в языковом сознании тувинцев *веселый, дружный, удобный, свободолюбивый, правильный, нужный, богатый, чистый* и т. п. Он ассоциируется с *надеждой, смелостью, восхищением*. В представлении усинских тувинцев русский язык *понятый, простой* (или *легкий*) (6 ответов), и даже в ответе *самый сложный*, как уже отмечалось выше, звучит мотив гордости и восхищения, что, безусловно, является высокой положительной оценкой языка.

Положительные оценки тувинского языка в основном передают его эстетическое восприятие либо отношение к языку, как к чему-то личному, своему. Это ответы *мой* или *я* («мен»), *интересный, понятный, нравится* (3 ответа), *прикольный, любимый* («ынак») и др. Реакция *легкий* единична.

Нейтральные реакции с обеих сторон либо выражают восприятие речи на слух, либо указывают на генетическую характеристику языков. Для стимула «русский язык» это реакции *громкий, быстрый, старославянский*. Для стимула «тувинский язык» это реакции *одинаковый* (видимо, воспринимается наравне с
[Введите текст]

русским), *глухой, похож на другие языки Азии, мягкий* (2 ответа), *торопливый, нормальный, тюркский*. Очевидно, что восприятие тувинского языка «на слух» преобладает в ответах над аналогичным восприятием русского языка. Это может свидетельствовать о том, что тувинская речь менее привычна уху респондентов, так что ее фонетические особенности обращают на себя внимание. Возможно также, что русский язык в гораздо большей степени воспринимается как средство общения или достижения своих целей, а тувинский язык оценивается с эстетических позиций. И в том и в другом случае разница в отношении к исследуемым языкам очевидна.

Отрицательные оценки языков ничтожно малы по количеству. Так одной из оценок для обоих языков стала характеристика *сложный* (или *трудный*). Тувинскому языку, как уже было замечено, данная оценка дается 7 раз, русскому – только 1 раз. Вторая негативная оценка русского языка – слово *разлука* – также единична и, скорее всего связана, с личным опытом респондента. Таким образом, если тувинский язык некоторыми его носителями назван трудным, что дало 15,5% от всех оценочных реакций, то для русского языка было выявлено всего две одиночных негативных реакции – около 3 % от общего числа оценок. Можно сказать, что русский язык вообще не воспринимается респондентами негативно.

Анализ субъективных оценок языка показал, что образы как тувинского, так и русского языка в языковом сознании респондентов положительные, при этом русскому языку и в этой категории отдается предпочтение. Русский язык воспринимается как нечто естественное (*понятный, нужный, удобный, простой* и т. п.), в то время как тувинский язык приятен на слух и вызывает приятные эмоции (*красивый, легкий, любимый, интересный, хороший*). При этом тувинский язык представляется более трудным, чем русский (семь ответов против одного).

3. Субъективная жизнеспособность (витальность) языка. Данный параметр измерялся посредством методики незаконченных предложений. Суть методики в том, чтобы составить связное предложение, имея его начало.
[Введите текст]

Респондентам были предложены два варианта начала: «В настоящее время тувинский язык...» и «В будущем тувинский язык...». Так что испытуемые должны были составить два предложения. Данный эксперимент показал, как носители тувинского языка оценивают его жизнеспособность в современных условиях, и насколько они верят в его жизнеспособность в будущем. Полученные варианты ответов были распределены также, как в предыдущей группе, по трем регистрам: положительные, отрицательные и такие, которые было сложно оценить как однозначно позитивные или негативные. Эти ответы попали в группу «другие». В исследовании приняли участие 85 респондентов, было получено 89 ответов для настоящего времени и 86 для будущего.

Таблица 16

Субъективная жизнеспособность тувинского языка

	Положительные	Отрицательные	Другие
Тувинский язык в настоящем	15 (16,9 %)	57 (64,0 %)	17 (19,1 %)
Тувинский язык в будущем	28 (32,6 %)	39 (45,3 %)	19 (22,1 %)

Согласно полученным данным, усинские тувинцы невысоко оценивают жизнеспособность родного языка: отрицательные варианты преобладают как для настоящего, так и для будущего тувинского языка, однако процент негативных оценок в настоящем выше, чем в будущем. Так, для будущего положительные прогнозы уступают отрицательным всего 10 %, что говорит об оптимизме достаточно значительного числа респондентов относительно будущего тувинского языка. Но этот оптимизм скорее всего не имеет под собой веских оснований, ибо более 50 % оценок современного положения тувинского языка негативные.

В качестве положительных высказываний рассматривались такие, которые указывают на стабильное положение тувинского языка в настоящем («...сохраняется»; «...знают дети и взрослые»), говорят о его развитии («...развивается»), аффективно заряжены («Тувинский язык в Усинске коренные тувинцы никогда не забывают. За это я их уважаю»). Для будущего положительными высказываниями считались те, которые выражают уверенность в сохранении положения тувинского языка («...останется»; «...сохранится», «...сохранится благодаря приезжим»); содержат надежду на его развитие («...будет развиваться») или возрождение («...возродится», «...будут учить дети», «...вернется», «...будет изучаться в школе»); передают мечты и фантазии («...станет самым распространенным в России и за рубежом»). Наконец есть высказывание, в котором заключена уверенность в неразрывной связи языка и этноса: «Тувинский язык в будущем будет всегда. Потеряем язык – потеряем нацию».

Таким образом, положительные высказывания о тувинском языке в основном сообщают, что тувинский язык пребывает в стабильном состоянии сейчас и что ему ничего не угрожает в будущем. Достаточно высокий процент таких высказываний, особенно по отношению к будущему языка, свидетельствует о том, что по субъективным представлениям носителей, тувинский язык достаточно жизнеспособен.

Неоднозначными признавались высказывания, сообщающие о функционировании языка в среде старшего поколения: «...сохраняется в старшем поколении»; «...язык общения взрослых»; «... язык общения старых»; «...используют только взрослые». С одной стороны, такие высказывания указывают на ограниченное функционирование тувинского языка, с другой стороны, они свидетельствуют о стабильной позиции тувинского языка в настоящем. Не содержащими четкую положительную либо отрицательную оценку признавались и сообщения об актуальном положении тувинского языка:

[Введите текст]

«...это мой родной язык»; «... это язык тувинцев»; «...это наш родной язык, на котором говорили наши родители и предки». Наконец, к группе «другие» были отнесены высказывания-долженствования: «...надо изучать»; «...должны знать все тувинцы» и т. п. Группу «другие» для будущего времени также составили высказывания-долженствования («... надо сохранять»), высказывания-предположения («...могут возродить дети») и разнообразные условные конструкции («...если люди спохватятся, можно будет сохранить»; «...сохранится, если родители постараются»; «...сохранится, если вернут в школу»). В этой группе также оказались высказывания, ограничивающие существование тувинского языка по времени: «...будет еще двадцать лет»; «...сохранится как язык старожилов»; «...останется, пока мы живы». В целом такие ответы либо предполагают сохранение status quo для тувинского языка, либо предрекают существование языка в течение определенного конечного срока.

Группа отрицательных высказываний, как уже было замечено, достаточно многочисленна. Респонденты, настроенные пессимистично, фиксируют сокращение объема коммуникации на тувинском языке в настоящем и не видят возможности для расширения его функционирования в будущем. Для настоящего времени это высказывания типа: «... исчезает», «...уходит»; «...забывается»; «...теряется». Довольно часто респонденты отмечают интерференцию родного языка с русским: «... смешивается с русским»; «... появляется русский акцент»; «...становится похож на русский». Также фиксируется утрата языка молодым поколением и исчезновение из школы: «...не знают дети»; «...не используется молодыми»; «...не преподается в школе» и т. п. Есть и высказывания о падении престижа тувинского языка в Усинске: «...у нас не популярен»; «...никому не нужен».

Негативные прогнозы о будущем тувинского языка либо носят всеобщий характер: респонденты уверены, что язык «...вымрет» «...исчезнет» «...забудется» или «... станет редкостью»; либо ограничиваются только

[Введите текст]

территорией Усинской долины: «...в Усинске исчезнет»; «...в Усинске вымрет»; «...в Усинске пропадет». Некоторые респонденты не ограничились прогнозами, а назвали причины, которые, по их мнению, приведут к утрате языка. Это, во-первых, нарушение трансляции языка детям («... исчезнет, так как дети не говорят по-тувински»), и, во-вторых, появление большого числа детей из смешанных семей («... вымрет, так как рождаются метисы»). Любопытно, что оба эти фактора действительно являются актуальными для ситуации языкового сдвига в среде усинских тувинцев, что было подробно рассмотрено в параграфе 3.1.

Итак, субъективная жизнеспособность тувинского языка достаточно низкая, причем будущее языка видится его носителям несколько более оптимистично, чем настоящее. Усинские тувинцы замечают, что в настоящем их родной язык используется все менее и менее, сокращаются сферы его функционирования, снижается число его носителей. Однако тувинцы уверены, что в будущем их язык может возродиться за счет молодежи и мигрантов из Тувы. Приток мигрантов действительно позволяет поддерживать тувинский язык в Усинске. Что касается детей, то, как показал опрос, во многих тувинских семьях не принято учить детей родному языку, что ставит под сомнение идею о возрождении языка детьми. Так что положительные прогнозы о будущем тувинского языка показывают скорее желания и надежды респондентов, чем реальные возможности. Пессимистичные прогнозы о том, что язык умрет вообще или выйдет из употребления в обозримом будущем также, вероятнее всего, необоснованны.

В ситуации языкового сдвига низкая субъективная жизнеспособность языка, очевидно, является фактором, ускоряющим этот процесс. Если носители языка, при общем положительном отношении к нему, все же не верят в его способность выжить в современных условиях, они будут тормозить его дальнейшее воспроизводство, что неизбежно приведет к постепенному ускорению процесса перехода на язык большинства.

4. Язык как этнообразующий фактор. Восприятие языка как этнообразующего фактора изучалось также посредством ассоциативного эксперимента со словами-стимулами «тувинский язык» и «русский язык». В ходе анализа полученных реакций было выявлено 86 слов-реакций на словосочетание «тувинский язык» и 43 слова-реакции на словосочетание «русский язык», которые отражали связь между языком и этническим самосознанием. Небольшое число этнически окрашенных реакций на стимул «русский язык» уже говорит о том, что тувинцы не воспринимают данный язык в качестве символа своей национальности. Рассмотрим полученные реакции подробнее.

В качестве этнически окрашенных рассматривались не только реакции, называющие культурные реалии, но и такие, которые указывают на родственные связи, так как они выражают целостность группы, ее единство.

Так, для стимула «тувинский язык» была получена 21 этнически окрашенная реакция: *родной* (16 ответов), *язык тувинцев* (4 ответа) и *Тува* (1 ответ). Этнически маркированными были признаны реакции *язык предков*, *родословная*, *музей*, *песни*, *легенды*, *земля* ('байырлыг'), *дух* ('сүлде'), *земля* ('чер'), *Шойгу*, а также реакция *дом* ('бажың'), встретившаяся 8 раз. Наиболее частотными, как уже отмечалось выше, оказались реакции, называющие родственников: *отец* ('ачай'), *мать* ('авай'), *брат* ('акый'), *младший брат* / *сестра* ('думай'), *дети* / *ребенок* ('ажы-тол'), *сестра* ('угбай'), *дедушка* ('кырган-ачай'), *зять* ('честей'). Таким образом, тувинский язык предстает как нечто объединяющее, скрепляющее семью, напоминающее об этнической родине и национальных корнях. Символическая функция тувинского языка, таким образом, оказывается весьма значительной в глазах его носителей.

Русский язык воспринимается тувинцами также как носитель русской культуры. Так, достаточно частотны слова, называющие русские культурные реалии: *Пушкин*, *Лермонтов*, *церковь*, *молитва*, *икона*, *исповедь*, *вера*, *Россия*, *Путин*, *береза*, *водка*. Помимо того, что русский язык является символ

[Введите текст]

государства, это еще и примета православия, церкви. Подобно тувинскому языку русский ассоциируется с русским народом: *язык русских*. Слова, обозначающие родственников также встречаются достаточно часто: *мама* (8 ответов), *папа* (5 ответов), *сестра* (2 ответа), *брат* (2 ответа), *дети* (2 ответа), *родители* (1 ответ), *родные* (1 ответ). Так что образ семьи в ответ на стимул «русский язык» также актуален. Возможно, это связано уже не с символической функцией языка, а с коммуникативной, тем более что слов-реакций, обозначающих родственников, на стимул «русский язык» было получено существенно меньше, чем на стимул «тувинский язык». Таким образом, функции языков в двуязычных семьях распределяются в зависимости от применения этих языков: тувинский для обозначения принадлежности к этносу и русский – для повседневной коммуникации. Этнически маркированные реакции на стимул «русский язык», очевидно, принадлежат к русскому народу и в сознании тувинцев не делают русский язык символом их этнической группы.

В целом, можно сделать вывод о том, что усинские тувинцы наделяют тувинский язык статусом этнического символа. Для них важно сохранить язык, насколько это возможно, ибо с утратой языка они потеряют свое этническое самосознание. Русский язык в восприятии респондентов – это этнический маркер русской нации, а также один из символов России. При этом тувинцы не склонны рассматривать русский язык как этномаркер своей группы.

Восприятие языка как этнического культурного символа, с одной стороны, позволяет сдерживать языковой сдвиг и сохранять язык в ограниченном числе сфер и функций, но, с другой стороны, этого явно недостаточно, чтобы поддерживать активную коммуникацию на данном языке в течение нескольких поколений. Уверенность в том, что язык – это неотъемлемое условие существования этноса зачастую приводит к тому, что язык воспринимается как нечто неизблемое, как «язык предков», который был и будет всегда. А это, в свою

очередь, влечет за собой пассивность носителей в вопросах сохранения родного языка и передачи его следующим поколениям.

Итак, анализ субъективных факторов языкового сдвига показал, что, с одной стороны, усинские тувинцы осознают свой постепенный отказ от родного языка, а также ощущают ущемление их языковых прав. С другой стороны, они уверены, что тувинский язык не может полностью исчезнуть из языкового пространства Усинской долины, ибо является фундаментальной частью тувинского этноса. Эта уверенность имеет двунаправленное действие. С одной стороны, она поддерживает престиж тувинского языка, как «языка предков», языка легендарного прошлого, позволяет удерживать эмоциональную привязанность к тувинскому языку. С другой стороны, уверенность в незыблемости позиции тувинского языка провоцирует ложное спокойствие и надежду на то, что язык в будущем сам собой возродится благодаря следующим поколениям, которые вернут его в школьное обучение и начнут активно использовать его в повседневной жизни.

Восприятие русского языка усинскими тувинцами достаточно однозначно. Русский язык – это язык современности и язык будущего. Русский язык – это символ государства, и, соответственно, обладает гораздо большим статусом и престижем, чем тувинский. Эмоциональное восприятие этого языка исключительно положительное: это язык для общения, для работы, для карьеры. Однако в гораздо большей степени он принадлежит русской нации, чем тувинцам. Тувинцы не склонны считать его «своим», языком своей группы. Так что выбирая русский язык для успешной коммуникации в российском обществе, для продвижения по карьерной лестнице, эмоционально тувинцы остаются привержены к своему этническому тувинскому языку, что, безусловно, позволяет сдерживать темп языкового сдвига в Усинской долине.

3.3. Перспективы сохранения тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края

Исходя из анализа языковой ситуации в Усинской долине Красноярского края, можно констатировать постепенное сокращение объема коммуникации на тувинском языке и расширение объема коммуникации на русском при отсутствии коммуникации на каких-либо других этнических языках – хакасском, чувашском, марийском и т. п. В среде тувинского населения Усинской долины наблюдается явное предпочтение русского языка тувинскому, особенно среди тувинских детей и молодежи. Тувинский язык сохраняется преимущественно в группе лиц среднего и старшего возраста. Позиции тувинского языка ослабли и тогда, когда в Верхнеусинской средней школе был выпущен последний тувинский класс. Одновременно с этими процессами происходит и противоположно направленный процесс, а именно, создание в Усинской долине Центра тувинской культуры при поддержке Центра русской культуры в Республике Тува. Несмотря на то, что центр пока не занимается языковым вопросом, он организует праздники и всевозможные культурные мероприятия, что повышает в целом интерес к тувинской культуре, а через нее возможно повышение интереса и к тувинскому языку, как к основополагающей части этой культуры. На фоне этих и других обстоятельств попробуем оценить возможные перспективы сохранения тувинского языка в Усинской долине.

Демографическая база носителей тувинского языка, вероятнее всего, в ближайшие 10–20 лет останется без изменений. Она будет пополняться за счет мигрантов из Тувы, но коренные усинцы-тувинцы будут продолжать смешиваться с местным нетувинским населением, а дети от смешанных браков, вероятнее всего, будут с рождения говорить по-русски. Те же, у кого оба родителя являются тувинцами, могут в будущем обрести интерес к родному языку за счет деятельности Центра тувинской культуры.

Кстати сказать, если сотрудники центра проявят активность в деле обучения тувинскому языку, возможно, это возымеет больший эффект, чем возвращение языка в школу. Тувинский язык будет восприниматься потенциальными учениками уже не как скучная школьная повинность, а как культурный феномен, часть празднично-обрядовой жизни общества. Так что усинской интеллигенции, возможно, следует уделять внимание именно развитию отношений с Республикой Тува и усиливать культурную составляющую в деле обучения молодежи тувинскому языку.

Интерес к тувинской культуре и религии в настоящее время растет. Как уже отмечалось, несколько лет назад в с. Верхнеусинском появилось оваа – шаманское святилище, регулярно проводятся праздники и встречи с тувинцами из республики. В основном активность в этих мероприятиях принадлежит людям среднего возраста, но молодые члены их семей также иногда проявляют интерес к этим мероприятиям. Возможно, в будущем можно будет говорить о возрождении тувинской этнической духовной культуры, хотя бы на внешнем уровне праздников, концертов, традиционных блюд и костюмов. Возможно также, что тувинский язык станет неотъемлемой частью подобных мероприятий за счет своей символической, этнообразующей функции.

В повседневной коммуникации роль тувинского языка постепенно будет сокращаться. Во-первых, это следует из того, что общение по-тувински происходит либо между людьми среднего и старшего возраста, либо между взрослыми детьми и их пожилыми родителями и в гораздо меньшей степени между молодыми людьми или старшими при обращении к младшим. В Усинской долине постепенно разрушается естественная передача языка от старшего поколения к младшему: родители, желая создать для детей наилучшие условия, делают выбор в пользу русского языка, более подходящего как для повседневного общения, так и для получения образования и восхождения по карьерной лестнице. Во-вторых, согласно данным, полученным в результате эксперимента, языком

[Введите текст]

общения в сознании тувинцев является именно русский язык, в то время как тувинскому отводится роль этнического символа, одного из оснований тувинской культуры. Тувинский язык, согласно представлениям его носителей, – это уходящий язык, язык предков, к тому же это язык «сложный» для освоения и понимания, так что в бытовом общении роль тувинского языка будет закономерно сокращаться.

Что касается возвращения тувинского языка в школу, то это маловероятно даже в свете принятия нового закона «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края». Учитывая, что усинские тувинцы почти не ведут традиционный образ жизни, их язык не попал в число языков, охраняемых данным законом. Со стороны учеников и их родителей также не следует ожидать энтузиазма по поводу возрождения тувинских классов и тувиноязычного обучения по указанным выше причинам. Таким образом, идея о возвращении тувинского языка в Верхнеусинскую школу не будет поддержана ни властью, ни родителями учеников.

Распространение тувинского языка на иные сферы (СМИ, традиционная хозяйственная деятельность, управление и т. п.) еще менее вероятно, ибо возвращение этнического языка в эти сферы экономически нецелесообразно. Возрождение коммуникации на тувинском языке в сфере религии также невозможно, ввиду того, что население Усинской долины в целом малорелигиозно. Возвращение буддийско-шаманских обрядов и праздников, скорее всего, не имеет под собой серьезной мировоззренческой основы, а всего лишь привлекает своей внешней стороной. Так что возрождение тувинского языка посредством традиционных религий также маловероятно.

Итак, процесс языкового сдвига в Усинской долине Красноярского края необратим. Но нельзя сказать, что он идет катастрофическим темпом. Возможно

выделить две разнонаправленные тенденции: замедляющую языковой сдвиг и провоцирующую его. Замедляющая тенденция вызвана следующими факторами:

- 1) постоянный приток тувиноговорящих мигрантов из Республики Тува;
- 2) попытки возрождения тувинской культуры;
- 3) восприятие тувинского языка как этнообразующего начала;
- 4) в целом положительное отношение к тувинскому языку.

К факторам, провоцирующим языковой сдвиг, можно отнести следующие:

- 1) отказ родителей от передачи тувинского языка следующему поколению;
- 2) низкий престиж тувинского языка по сравнению с русским;
- 3) отношение к тувинскому языку как к «музейному экспонату» – элементу традиционной культуры, уходящей в прошлое;
- 4) восприятие русского языка, как языка государства, карьеры, будущего.

Исчезновение тувинского языка в Усинской долине – это вопрос времени. Произойдет это нескоро, возможно потребуются десятки лет. Правительство Республики Тува пытается затормозить языковой сдвиг и, возможно, эти усилия дадут свой результат, но тот язык, который удастся сохранить, будет языком Тувы, а не языком усинских тувинцев, который, в некоторых своих чертах уникален. Усинский диалект тувинского языка возможно сохранить лишь в активной повседневной коммуникации коренных жителей сел Верхнеусинское и Нижнеусинское, а объем этой коммуникации неуклонно сокращается.

Выводы по III главе

1. Число факторов языкового сдвига достаточно велико, и не все из них могут оказывать влияние на языковые процессы в конкретных регионах. Один и тот же фактор может служить катализатором угасания языка и быть стимулом к языковому возрождению.

2. Факторы языкового сдвига можно разделить на объективные (внешние), или не зависящие от самих носителей языка, и субъективные (внутренние), основывающиеся на отношении к языку.

3. Объективными факторами языкового сдвига в среде усинских тувинцев являются: слабая демографическая мощь языка, постоянный и активный контакт с русскоязычным населением, сокращение воспроизводства тувинского языка, высокий процент межнациональных браков, низкий престиж местных языков в России по сравнению с русским.

4. Субъективными факторами языкового сдвига являются: нежелание родителей говорить с детьми по-тувински, низкий престиж тувинского языка у тувинцев по сравнению с русским, восприятие тувинского языка как языка прошлого, прагматические установки по отношению к русскому языку.

5. Факторы, сдерживающие языковой сдвиг: приток мигрантов из Тувы, интерес к тувинской культуре, отношение к тувинскому языку как к культурному ядру этноса.

6. Перспектива сохранения тувинского языка в Усинской долине неоднозначна, однако ускорение темпа языкового сдвига, скорее всего, в ближайшее время не произойдет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор последних социолингвистических работ показал, что изучение языковых ситуаций в разных регионах РФ ведется достаточно активно: исследуются и обсуждаются вопросы языковой политики, проблемы региональных и местных языков, их конкуренция с государственным русским языком, отношение к родным языкам представителей разных этнических групп и их языковой выбор. При этом одним из новых актуальных направлений является социолингвистическое изучение приграничья. Этноязыковая ситуация в этих исследованиях предстает как сложное и неоднозначное понятие, не имеющее единого определения. В данной работе используется термин «этноязыковая ситуация», подразумевающий изучение функционирования языков на территории с неоднородным этническим составом.

Анализ языковой ситуации в Усинской долине Красноярского края показал, что миноритарный язык в условиях русско-тувинского приграничья обладает ресурсами для выживания в течение достаточно длительного периода за счет близости этнической родины. Усинские тувинцы не чувствуют себя оторванными от своего народа: сохраняются родственные связи с жителями Республики Тува, поддерживаются активные деловые и культурные контакты, в села Верхнеусинское и Нижнеусинское постоянно переезжают семьи из разных районов Тувы. Но одновременно с этими процессами идет интенсивное ослабление позиций тувинского языка и усиление позиций русского.

В ходе исследования выявлены причины и факторы языкового сдвига, ускорившегося в начале XXI в., а также сделан прогноз о возможности сохранения тувинского языка в Усинской долине.

Социолингвистическое анкетирование населения Усинской долины показало процентное соотношение лиц, владеющих и не владеющих тувинским языком, количество семей, однородных и этнически смешанных, уровень владения тувинским и русским языками, функционирование тувинского языка в

[Введите текст]

разных сферах. В ходе исследования выявлено отношение опрошенных к тувинскому и русскому языкам и установлена степень приверженности коренного тувинского населения к родному языку. Данные социолингвистического исследования были уточнены и верифицированы посредством свободного ассоциативного эксперимента и методики незаконченных предложений.

Установлено, что Усинская долина Красноярского края является особым этноязыковым и социокультурным пространством. Данная территория характеризуется продолжительным бесконфликтным совместным проживанием двух неблизких в генетическом отношении этнических групп: русских переселенцев из Центральной России и ранее освоенных районов Сибири и тувинцев, пришедших из приграничных районов Тувы (или Урянхайского края). Смешанные браки до 1920-х гг. были редкостью и в последствии также не являлись обычной практикой, так что ассимиляционные процессы практически не затронули усинских тувинцев, что дало возможность им сохранить родной язык. При этом частичная изоляция позволила сформировать в Усинской долине своеобразный диалект тувинского языка, сейчас постепенно утрачиваемый коренным населением.

Социолингвистическое анкетирование показало, что в Усинской долине на данный момент функционируют два языка – русский и тувинский – несмотря на то, что этнический состав исследуемого района более разнообразен. Русский язык – это государственный (официальный) язык РФ, используемый во всех коммуникативных сферах и обладающий широким спектром функций. Усинский диалект тувинского языка относится к функциональному типу местных языков. В 2012 г. тувинский язык в Усинской долине был исключен из сферы школьного образования. На сегодняшний день тувинский язык – это язык бытового общения тувинцев среднего и старшего поколения и частично молодежи (для общения со старшими). В малой степени язык используется в сфере традиционной хозяйственной деятельности (охотничий промысел). В Усинской долине делаются

[Введите текст]

попытки возродить традиционные религиозные праздники, однако усинская молодежь проявляет слабый интерес к этим мероприятиям, так что в настоящее время тувинский язык практически не используется в функции конфессионального. Хотя тувинский язык обладает письменностью, письменная коммуникация на нем в Усинской долине почти не осуществляется. Наиболее выраженные функции языка – коммуникативная и символическая.

Государственное регулирование в отношении языков Усинской долины осуществляется достаточно слабо. Русский язык пользуется полной поддержкой благодаря законам «О государственном языке РФ», «Об образовании» и пр. Функционирование миноритарного тувинского языка на территории Усинской долины регламентируется законом «О языках народов РФ» и Конституцией РФ. Однако применить эти законы к функционированию тувинского языка достаточно сложно, так как, будучи местным языком, он может быть поддержан властью только при активной позиции его носителей. Поскольку большинство усинских тувинцев уверены, что тувинский язык не нужен их детям, власти также не заинтересованы в поддержке данного языка.

Тувинский язык в Усинской долине постепенно уступает место русскому, что означает, что в среде усинских тувинцев идет процесс языкового сдвига. Это результат действия нескольких факторов, как объективных, не зависящих от самих носителей языка, так и субъективных, или вызванных внутренними установками носителей. К объективным факторам языкового сдвига относятся:

- языковое окружение: тувинскому языку приходится постоянно конкурировать с русским и проигрывать ему;
- воспроизводство языка: практика передачи тувинского языка от родителей детям за последние 10–15 лет сократилась на 18,7 %;
- межнациональные браки: в смешанных семьях тувинский язык не используется, дети от смешанных браков осваивают преимущественно русский язык (60,68 % опрошенных детей не владеют тувинским языком, 21,73 %

[Введите текст]

являются билингвами, свободно владеют тувинским языком только 13,04 % опрошенных);

- региональная языковая политика Красноярского края не нацелена на поддержку местного тувинского языка;

- статус тувинского языка значительно ниже статуса русского.

Субъективными факторами языкового сдвига являются:

- респонденты в целом низко оценивают престиж тувинского языка (только 17,18 % опрошенных отметили высокий престиж тувинского языка);

- восприятие тувинского языка, как языка «прошлого», в то время как русский язык – это «современный» язык;

- низкая субъективная оценка витальности тувинского языка. Жизнеспособность тувинского языка в настоящее время позитивно оценили 16,9% опрошенных, отрицательные характеристики витальности тувинского языка 64 %, затруднились с ответом 19,1 %. Будущее тувинского языка в Усинской долине позитивно оценивают 32,6 % опрошенных, 22,1 % полагают, что в будущем ситуация с тувинским языком не изменится по сравнению с настоящим и 45,3 % опрошенных дали негативный прогноз жизнеспособности тувинского языка в Усинской долине в будущем;

Одновременно с этими факторами действуют и иные, сдерживающие темп языкового сдвига:

- постоянная численность тувинцев в Усинской долине, восполняемая за счет рождаемости и мигрантов из Тувы;

- частичное сохранение традиционной хозяйственной деятельности (охота);

- восприятие тувинского языка как этнообразующего начала.

В целом витальность тувинского языка в Усинской долине хотя и невысока, но смена быстрого темпа языкового сдвига на катастрофический и полное исчезновение данного языка в ближайшей перспективе не ожидается.

Тувинский язык в ситуации приграничья подвергается воздействию самых разнообразных факторов, как положительно, так и отрицательно влияющих на его витальность. С одной стороны, будучи региональным государственным языком в Туве, в Усинской долине тувинский язык – это местный язык, используемый только для бытового общения и не поддерживаемый органами государственной власти. С другой стороны, Усинская долина включена в единое языковое и культурное пространство с Республикой Тува, способствующей развитию тувинской этнической культуры и тувинского языка в Усинской долине. Это дает повод тувинцам Усинской долины надеяться на возрождение их родного языка в будущем.

Исследование динамики языковой ситуации в русско-тувинском приграничье может быть продолжено в двух направлениях. Во-первых, целесообразно провести повторное обследование Усинской долины через некоторое время, чтобы оценить темп языкового сдвига и верифицировать сделанные в данной работе прогнозы. Во-вторых, возможно расширение исследуемой территории на приграничные районы Республики Тува, чтобы сопоставить языковые ситуации по разные стороны русско-тувинской границы. Представляет также интерес исследование языковых ситуаций в Туве на границах с Монголией и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Социолого-лингвистическое изучение функционального взаимодействия языков и народов Сибири // Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе (материалы к Сибирскому региональному совещанию) / отв. ред. В.А. Аврорин. – Новосибирск, 1967. – С. 29–46.
2. Аврорин В.А. Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 34–43.
3. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 274 с.
4. Алексеев И.Е., Унарова Л.Д. Языковая ситуация и национальное самосознание: на примере Республики Саха (Якутия) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (21): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 19–24.
5. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. – М.: Крафт+, 2000. – 224с.
6. Алпатов В.М. Что делать с малыми языками? // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: Материалы международной конференции / под ред. А.Д. Дуличенко. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та славянской филологии, 2006. – С. 73–81.
7. Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). Режим доступа: <http://forum.freekalmykia.org/index.php?showtopic=802>
8. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Известия РАН. Сер. География. – 2004. – № 4. – С. 27–34.

9. Баламамедов А.-К. С. Основы социальной лингвистики (функционирование языков в Дагестане). – Махачкала: изд-во Дагестанского ун-та, 1992. – 87 с.
10. Баранова В.В. Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк // Труды ИЛИ РАН. – СПб., 2009. – Т. 5. – Ч. 2. – С. 22–41.
11. Баранцева Н. А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: этносоциальные и демографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38 (176). История. – Вып. 37. – С. 33–40.
12. Баскаков А. Н. Социолингвистические аспекты языкового законодательства Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.
13. Беженцев Е.В. Функционирование тюркских и славянских языков в полиэтническом пространстве Тюменской области: этноязыковая государственная политика: дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2011. – 213 с.
14. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М.: Изд-во РГГУ, 2001.
15. Бердашкевич А.О. О государственной языковой политике России // Высшее образование в России. – 2000. – № 6. – С. 60–69.
16. Боргоякова Т. Г. Особенности функционирования социально-коммуникативных систем с тюркоязычным компонентом в республиках Южной Сибири // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий». 6 – 12 октября 2001 г. / Под ред. Л.В. Анжигановой – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. – С. 63 – 67.
17. Боргоякова Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002а. – 264 с.
18. Боргоякова Т. Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д. ф. н. – М., 2002б.

- 19.Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002в. – 264 с.
- 20.Борхвальдт О.В. Языковая ситуация Красноярского края // Совершенствование подготовки учителей-словесников в условиях национально-русского двуязычия: Тезисы докл. всесоюзн. научн. конф. – Фрунзе, 1990. С. 179–181.
21. Борхвальдт О.В. Языки народов Красноярского края // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 712–713.
- 22.Браймен А., Белл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2012. – 776 с.
- 23.Будаев Б. Ж. Социолингвистический аспект двуязычия в Бурятии // Слово в русской народной речи. – Улан-Удэ, 1991. – С. 70–77.
- 24.Булатова Н.Я. Социолингвистическая ситуация языков народов Крайнего Севера // Материалы науч.-практ. конф. «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа» / сост. Е.Г. Меньшакова. – Архангельск: Архангельский печатный двор, 2003. – С. 12–14.
- 25.Бурыкин А. А. Региональная специфика языковой ситуации в субъектах Российской Федерации // Проблемы двуязычия (многоязычия) в современном социокультурном пространстве: мат-лы науч.-практ. конф. – Якутск, 2007. – С. 119–131.
- 26.Бурыкин, А.А. Двуязычие и проблема смены языка. // Мат-лы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов СПбГУ. Вып. 4. Секция финно-угорского языкознания. – СПб., 1999. – С. 16–19.
- 27.Бурыкин, А.А. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности

- языковых и социокультурных процессов. // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – С. 28–41.
28. Васильева Р.И. Языковая ситуация в условиях многоязычного общества в Республике Саха (Якутия) (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье): дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2007. – 212 с.
29. Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб. – Париж: Изд-во Европейского дома, 1993. – 96 с.
30. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
31. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. – 2001а. – № 1. – С. 11–16.
32. Вахтин Н. Б. Языки народов Крайнего Севера // Вестник РАН. – 2004. – Т.74. – № 4. – С. 301–309.
33. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. Социоллингвистика и социология языка. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
34. Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социоллингвистическая типология. Западная Африка. – М.: Наука, 1984.
35. Галимьянова В.Р. Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: Социоллингвистический аспект: Дис. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 206 с.
36. Галимьянова В.Р. Специфика софункционирования языков-компонентов гетерогенной социально-коммуникативной системы // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 1 (57). – С. 92–98.
37. Государственная программа Красноярского края «Создание условий для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов

- Красноярского края и защиты их исконной среды обитания» на 2014 – 2016 годы. Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/kmns/gosprogramma/0/id/13645>
38. Горошко Е. И. Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента. Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=74>
 39. Горячева М.А. Российская Федерация: функционирование языков в современном образовательном пространстве. – М.: Новый хронограф, 2010. – 272 с.
 40. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. – М.: языки славянской культуры, 1998.
 41. Гулинов Д.Ю. Языковая политика: определение и характеристики // Известия ВГПУ. – 2011. – Т.59. – № 5. – С. 7–11.
 42. Гусейнова А.В. Возрастные особенности речевого поведения хакакско-русских билингвов // Проблемы языкознания и межкультурной коммуникации: взгляд молодых исследователей: мат-лы Всерос. конф.-школы с межд. участием. – Абакан: ХГУ, 2014. – С. 133–136.
 43. Гусейнова А.В. Региональный язык в сфере духовной культуры Республики Хакасия // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: мат-лы Всерос. науч. семинара. – Абакан: ХГУ, 2011. – С. 43 – 47.
 44. Гусейнова А. В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2014а. – 22 с.
 45. Данеш Фр., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык – культура – этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 27–39.
 46. Дацышен В. Г. Проблемы православной миссионерской деятельности в Туве во второй половине XIX века // Макарьевские чтения: мат-лы VI межд. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 68–72.
 47. Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. – Томск: STT, 2005. – 250с.

48. Дацышен В. Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. – 2009. – № 3. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html
49. Дацышен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. – Кызыл: Республиканская типография, 2003. – 284 с.
50. Дашинимаева П. П., Дырхеева Г. А., Жалсанова Ж. Б., Хилханова Э. В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. – 166 с.
51. Дешериев Ю. Д. Язык, идеология и проблемы современной культуры // Идеологическая борьба и современная культура. – М., 1972. – С. 426–439.
52. Дешериев Ю. Д. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М., 1988.
53. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. – М.: Наука, 1966. – 402 с.
54. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. – М., 1976. – 432 с.
55. Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. – М.: Учпедгиз, 1958. – 262 с.
56. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. – М., 1977. – 382 с.
57. Жюлиа Д. Философский словарь. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 544 с. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/878>.
58. Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. № 462 ВХ-1 «О языках Республики Тыва». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802019672>

59. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-І «О языках народов Российской Федерации». Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/act/right/10148970>
60. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? – Хельсинки, 2012.
61. Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования. – Мурманск: МГПУ, 2008. – 164с.
62. Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет региона: программа и методика (на примере приграничного северного региона) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008а. – № 1 (1): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 96–98.
63. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). – Уфа, 2000.
64. Илишев И. Г. Языковые права народов в Европейском измерении: опыт государств-членов ОБСЕ. – Уфа, 2002.
65. Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. – М., 1982.
66. Исаев М. И. Языковое законодательство как составная часть национально-языковой политики государства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994. – С. 89–93.
67. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. – М., 1979.
68. История Тувы: в 3-х т. Т. I / под общ. ред. В. А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 430 с.
69. Казакевич О.А., Парфенова О.С. Этнические и языковые общности поселка Советская речка Туруханского района // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 304–309.

70. Казанцева Я.Н. Субъективные факторы выбора языка татарами, компактно проживающими на территории Красноярского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. – Вып. 3. – Т. 4. – С. 214 – 217.
71. Казанцева Я.Н. Татарский язык в культуре и средствах массовой информации Красноярского края // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: мат-лы Всерос. науч. семинара. – Абакан: ХГУ, 2011. – С. 19 – 23.
72. Казанцева Я.Н. Образ Сибири в языковом сознании татар Красноярского края // Диалог культур в аспекте языка и текста: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Красноярск: СФУ, 2011а. – С. 97 – 98.
73. Казанцева Я.Н. Языковая лояльность татарского населения, компактно проживающего на территории Красноярского края // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 3 (33). – С. 184–187.
74. Казанцева Я.Н. Типологическая характеристика языковой ситуации в местах компактного проживания татар Красноярского края // Современные проблемы науки и образования. – 2015а. – № 2. Режим доступа: www.science-education.ru/122-21252.
75. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.
76. Ключанов И.Е. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 11–22.
77. Кобенко Ю. В. Роль языкового выбора в развитии титульного языка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 3 (105). – С. 162–165.

- 78.Кобенко Ю.В. Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. – № 1. – 2010. – С. 184–192.
- 79.Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW-28399/
- 80.Конституция Республики Тыва от 6 мая 2001 г. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/906705011>
- 81.Кривоногов В.П. Кеты: десять лет спустя (1991 – 2001 гг.). – Красноярск: КГПУ, 2003. – 195 с.
- 82.Кривоногов В.П. Народы Таймыра (современные этнические процессы). – Красноярск: КГПУ, 2001. – 265 с.
- 83.Кривоногов В.П. Народы Таймыра в начале XXI века. – Красноярск: КГПУ, 2007. – 418 с.
- 84.Кривоногов В.П. Нганасаны: опыт интервального исследования (1994 – 2004 гг.) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. – Красноярск: КГПУ, 2006. Вып. 2. Кн. 1. – С. 171–181.
- 85.Кривоногов В.П. Чулымцы в начале XXI века. – Красноярск: КГПУ, 2008. – 145 с.
- 86.Кривоногов В.П. Этническая ситуация у коренных малочисленных народов Красноярского края // Енисейская провинция / ред.-сост. А.С. Вдовин. – Красноярск: КГПУ. Вып. 1. 2004. – С. 34–41.
- 87.Кривоногов В.П. Этническое развитие коренных народов Таймыра // Красноярскому краю – творчество молодых исследователей: мат-лы III молодежной региональной науч.-практ. конф. – Красноярск: КрасГУ, 2006а. – С. 141–149.
- 88.Кривоногов В.П. Этноязыковые процессы у коренных малочисленных народов Таймыра // Приенисейская Сибирь в лингвистическом освещении:

- мат-лы межд. науч. конф. / отв. ред. О.В. Фельде. – Красноярск: КГПУ, 2008а. – С. 23–72.
89. Кыслакова М. А. Языковая ситуация в республике Хакасия // Языки народов России: перспективы развития. – Элиста, 1999. – С. 131–137.
90. Леонова Е.В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 3. – С. 23–29.
91. Лукьяненко А.Г. Исследования этноязыковой ситуации в ГОУ «Туринская средняя общеобразовательная школа // Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции «Модернизация образования в условиях Крайнего Севера» Тура, 9–12 апреля 2004 г. \ отв. ред. О.В. Фельде. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. – С. 169 – 179.
92. Лукьяненко А.Г. Этноязыковые процессы в Эвенкийском автономном округе // Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции «Модернизация образования в условиях Крайнего Севера» Тура, 9–12 апреля 2004 г. \ отв. ред. О.В. Фельде. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004а. – С. 164 – 169.
93. Любимова Л.М., Баянова С.Е. Языковая ситуация как объект лингворегионалистики // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 82–85.
94. Люблинская М.Д. Языковая ситуация на Таймыре // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции / отв. ред. В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крючкова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 309–314.
95. Магомедова Т.И. Типологическая картина двуязычия в Дагестане: история и современное состояние // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 28–34.

96. Мамонтова Н.А. Идентичность и язык илимпийских эвенков в XX – XXI вв. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 42 с.
97. Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. – № 2. – 2013а. – С. 47–77.
98. Мамонтова Н.А. Семантика кодовых переключений в фольклорных текстах // Таймырские чтения – 2010. Норильск, 2010. – С. 51–59.
99. Мамонтова Н.А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия / Под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2010а. Вып. 218. – С. 79–95.
100. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспент-пресс, 2000.
101. Местникова А.Е. Языки коренных малочисленных народов Севера в зеркале переписей населения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84. № 5. С. 226–230.
102. Михайлов М. М., Губанов А. Р. Диалектика национально-языковых отношений // Двужычие и взаимовлияние языков. – Чебоксары, 1990. – С.4–10.
103. Михальченко В.Ю. Развитие литовского языка и литовско-русского двужычия (социолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1984. – 370 с.
104. Михальченко В. Ю. Законы о языках и языковые конфликты на территории бывшего СССР // Общее и восточное языкознание. – М., 1999. – С. 116–123.
105. Михальченко В. Ю. Концепции законов о языках в республиках Российской Федерации: проблема социально-лингвистической адекватности // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994а. – С. 147–150.

106. Михальченко В. Ю. Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // *Язык в контексте общественного развития*. – М., 1994б. – С. 221–236.
107. Михальченко В. Ю. Национально-языковые проблемы в СССР и перспективы социолингвистических исследований // *Русский язык в СССР*. – М., 1991. - № 11. – С. 10–13.
108. Михальченко В. Ю. Принципы функциональной типологии языков России // *Язык и общество в современной России и других странах*. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. – С. 42–46.
109. Михальченко В. Ю. Языки народов СССР на современном этапе и правовое регулирование их функционирования // *Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны*. – М., 1990. – С. 32–47.
110. Михальченко В.Ю. Языковые проблемы новой Российской Федерации // *Язык – культура – этнос* / – М.: Наука, 1994в. – 233с. – С. 176–183.
111. Монгуш Д.А., Насилов Д.М. Тувинский язык // *Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник* / Гл. ред. В.П. Нерознак. – М.: Academia, 1995. – С. 250–258.
112. Москалюк Л.И. Процессы сохранения / утраты родного языка российских немцев // *Мир науки, культуры, образования*. – 2012. – № 5 (36). – С. 275–277.
113. Нерознак В. П. Современная этноязыковая ситуация в России // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* – М., 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 16–28.
114. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы. – М., 1976.
115. Нозимов А.А. Языковая ситуация: витальность таджикского языка // *Гуманитарные исследования*. – 2009. – № 3 (31). – С. 57–62.

116. Огдонова Ц.Ц. Методологические установки интегративной концепции языковой ситуации // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». – 2010. – № 2 (46). – С. 15–19.
117. Огдонова Ц.Ц. Научно-методологическое обоснование понятия «лингвокультурное пространство» в контексте изучения языковой ситуации // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 2. – С. 106–109.
118. Огдонова Ц.Ц. Социолингвистическая и лингвокультурологическая парадигмы интерпретации концепта «языковая ситуация» // Вестник ЧитГУ. 2009а. – № 3 (54). – С. 166–171.
119. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестник Томского государственного университета. 2012. – № 356. – С. 33–38.
120. Пиголкин А. С. Законодательство о языках Российской Федерации: опыт, проблемы развития // Языковая ситуация в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 18–28.
121. Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 594 с.
122. Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы: дис. ... д-ра филол. наук. – Архангельск, 2005. – 328 с.
123. Подлесных О.Н. Возможности использования переписных данных в целях имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в России // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 4. – С. 115–131.
124. Познякова Т.Ю. Русскоязычие и проблемы русскоязычной идентификации билингвов // Русский язык для детей за рубежом. – 2003. – Режим доступа: <http://abvgd.russian-russisch.info/articles/37.html>

125. Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки: сб. ст. / отв. ред.: Л. Б. Никольский. – М., 1970.
126. Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. – М., 1994.
127. Пунтусова Я.Н. Особенности языковой политики в отношении татарского языка на территории Красноярского края // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: мат-лы III Межд. науч. конф. – Абакан, 2010. – С. 111 – 115.
128. Пятакова Т.Л. Диалектика количественного и качественного подходов в исследовании этносоциальных проблем // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. 2. – 2011. – С. 73–77.
129. Разумова Л.В. Политика мультикультурализма и современные этнокультурные и этноязыковые процессы // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 3. – С.19–22.
130. Роббек В. А., Слепцов П. А. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера. – Якутск, 1999. – 39 с.
131. Рогова А.С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. 2010. – № 4. – С. 27–35.
132. Русский язык в национальных республиках Советского Союза: сб. ст. / АНС СССР. Институт русского языка. – М., 1980.
133. Савченко О.А. Русская диаспора в Азербайджане: Проблемы этнокультурного развития: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2002. – 150с.

134. Салимова Д.А., Тимерханов А.А. Проблемы би- и полилингвизма в аспекте современного языкового образования в Республике Татарстан // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 3. С. 92–96.
135. Салихова Э. А. «Человек говорящий» vs социум в контексте полилингвизма // Язык и социальная динамика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (24 мая 2012 г., г. Красноярск): в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. А. В. Михайлов, С. В. Волынкина. – Красноярск: СибГАУ, 2012. – 460 с.
136. Самойлова М.Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2009. – № 1(9). – С. 160–165.
137. Самсонов Н. Г. Развитие двуязычия в Республике Саха // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. – М., 1996.
138. Сарыкай М.Х. Сведения о речи усинских тувинцев // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1971. – С. 269 – 276.
139. Сафин Ф. Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. – М., 2000. – 283 с.
140. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – Москва: РАН, 2006. – 312 с.
141. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур (исследование сохранения и разрушения польского, валлийского и китайского языков в Австралии) // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия: отв. ред. Н. Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2012. – 588 с.
142. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2013. – 252с.
143. Соколовский С. В. Международный опыт и проблемы имплементации Хартии региональных языков или языков меньшинств в России //

- Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2010. – № 218. – С.30–41.
144. Солнцев В. М. Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. – М., 1991. – С. 5–21.
 145. Солнцев В. М., Михальченко В. Ю. Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации. – М., 1991. – С. 7–17.
 146. Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия \ отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 588 с.
 147. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976.
 148. Стороженко А. А. Переселение старообрядцев Енисейской губернии в Урянхайский край во второй половине XIX – начале XX вв. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы межд. конф.: в 2 т. Т. 1. – Красноярск: СФУ, 2009. – С. 157–160.
 149. Сулейменова Э. Д. Языковая ситуация в Казахстане // Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира. – М., 1997. – С.113–121.
 150. Сундужева Д.Б. Агинское Приононье как социоллингвистический феномен // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 5 (62). – С.50–57.
 151. Сюрюн А.А. Современная языковая ситуация в Тофаларии // Мат-лы межд. конф. «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» / отв. ред. Б.К. Салаев. – Элиста: КалмГУ, 2014. – С. 146–149.
 152. Теуникова М.Ч. Современные этноязыковые процессы в Кабардино-Балкарской Республике: факторы и тенденции их развития: дис. .. канд. филол. наук. – Нальчик, 2002. – 192 с.

153. Томилов Н. А. Лингвистическая классификация и этническая дифференциация тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины // Ареальные исследования в языкознании и этнографии / отв. ред. Н. И. Толстой. – Л.: Наука, 1983. – С. 139 – 147.
154. Торохова Е.А. О языковой политике в Удмуртской Республике // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 152–158.
155. Трушкова Ю. В. Проблемы описания современной социолингвистической терминологии (термин «государственный язык») // Проблемы языковой ситуации Российской Федерации и зарубежных стран. – М., 1994. – С. 113–120.
156. Тувинцы // Этноатлас Красноярского края. Режим доступа: http://www.krskstate.ru/society/nations/etnoatlas/0/etno_id/111
157. Туманян Э. Г. О национально-языковых проблемах в республиках Закавказья // Функционирование языков в многонациональном обществе. – М., 1991. – С. 279–290.
158. Туманян Э. Г. Языковые законы и межнациональные конфликты // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994. – С. 36–67.
159. Тухватуллина Д.Н. Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 190 с.
160. Усинский Пограничный Округ // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/105060/Усинский
161. Уталиева Ж. Т. Влияние языковой компетенции на формирование этнической идентичности // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 131–138.

162. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы от 20 мая 2015 г. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420275135>.
163. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <http://base.garant.ru/12140387>
164. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: http://base.garant.ru/70291362/2/#block_14
165. Федюнина С.М. Государственная языковая политика и языковое планирование в контексте развития многоэтнического российского общества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2. С.16–22.
166. Фельде О.В. Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Красноярском крае (по данным социолингвистического опроса участников Дней русской словесности) // Материалы публичных лекций «Бессмертие народа – в языке»: Материалы Дней русской словесности в г. Красноярске. 5–9 апреля 2010 г. / отв. ред. Г.А. Копнина. Красноярск, 2010. С. 306–319
167. Фельде О.В. Коммуникативное пространство Красноярского края // Приенисейская Сибирь как лингворегион: Материалы I научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти В.Н. Роговой. Красноярск, 2–10 ноября 2009 г. Красноярск, 2010а. С. 368–380.
168. Фельде О.В. Этноязыковая ситуация Красноярского края // Актуальные проблемы исторической и современной русистики: Сб. науч. статей по материалам международного лингвокультурологического форума «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» (15–18 сентября 2009 г.) / под ред. В.Т. Садченко. Хабаровск, 2010б. С. 135–141.

169. Фельде О.В. Русский язык в поликультурном и многоязычном Красноярском крае // Материалы публичных лекций «Бессмертие народа – в языке»: Материалы Дней русской словесности в г. Красноярске. 5–9 апреля 2010 г. / отв. ред. Г.А. Копнина. Красноярск, 2010в. С. 326–333.
170. Фельде О.В. Функциональная типология языков Красноярского края // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: Сборник научных статей /отв. ред. Б.Я. Шарифуллин. Красноярск: СФУ, 2010г. Вып. 10. С. 119–123.
171. Фельде О.В. Языки национальных меньшинств Красноярского края в социолингвистическом освещении // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: мат-лы III межд. науч. конф. – Абакан, 2010д. – С. 33 – 34.
172. Фельде О.В. Русский язык как язык межнационального общения народов Российской Федерации и государственный язык страны // Актуальные проблемы науки, практики и вероисповеданий на современном этапе: сборник материалов Седьмой заочной международной научно-практической конференции (21 марта 2011 года, г. Красноярск, Россия) / Под ред. А.Н. Попова. Вып. 1. Красноярск, 2011. С. 219–229.
173. Фролов Н.К. Введение в тюменскую региональную этнолингвистику: Учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2005. – 192 с.
174. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 42–95.
175. Харченко В. А., Хоперская Л. Л. Языковая ситуация и особенности языковой политики в условиях современного Северного Кавказа // Языки народов России: перспективы развития. – Элиста, 1999. – С. 183–186.

176. Хилханова Э.В. Культурно-антропологические факторы коллективного выбора языка (на примере языковой ситуации в этнической Бурятии) // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5 (12). – С.62–64.
177. Хилханова Э.В. Лингвистические факторы переключения кодов (на материале современной языковой ситуации в этнической Бурятии) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 4. – С.160–164.
178. Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). – Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. – 205 с.
179. Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2009а. – 356 с.
180. Хомяков В. А. Социолингвистический анализ северокавказской языковой ситуации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2000. – № 4. – С. 46–48.
181. Цыбденова Б.Ж. К вопросу о языковой ситуации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 219–222.
182. Цыбденова Б. Ж. Особенности языковой ситуации национального региона Российской Федерации: на примере Республики Бурятия: дис... канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2003. – 196 с.
183. Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 24 с.
184. Шабает Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н. Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. –2009. – № 2. – С. 92–105.

185. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184с.
186. Шамне Н. Разработка прогнозов развития русского языка в Нижневолжском регионе // Власть. – 2012. – № 7. – С. 165–168.
187. Шарыпова Н. Х. Использование языков в татарской семье в условиях города // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. – Казань, 1991.
188. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. – Л., 1971.
189. Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 31–41.
190. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. – М., 1977.
191. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. – М., 1978.
192. Шереметьева А. М. Современная языковая ситуация // Теоретические и научно-методические проблемы гуманитарных дисциплин. – Воронеж, 1997. – С. 70–73.
193. Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов / под ред. В.И. Козлова. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 2016 с. Режим доступа: [http:// voluntary.ru/dictionary/1019361](http://voluntary.ru/dictionary/1019361).
194. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / отв. ред. В. Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2000 – 277 с.
195. Эхала М. Измерение этнолингвистической витальности // Язык и общество в современной России и других странах / под ред. В. А. Виноградова, В. Ю. Михальченко. – Москва: ИЯ РАН, 2010. – С. 84–87.
196. Яковлева Н.Н. Об этноязыковой политике в Якутии в советский и постсоветский периоды // Власть. – 2010. – № 3. – С. 34–36.

197. Януш О.Б., Ефремова О.Д. Трансграничное языковое сообщество в международном правовом контексте на примере финно-угорских языков // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 73–80.
198. Ярцева В. Н. О судьбах языков в современном мире // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. - № 2. – С. 3–15.
199. Alexandre P. Langues et Langage en Afrique Noire. –Paris, 1967.
200. Bourhis R., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of a “Subjective Vitality Questionnaire” for ethnolinguistic groups // Journal of multilingual and multicultural development. 1981. Vol. 2. P. 144–155
201. Crystal. D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 229 p.
202. Dorian N. Language Loss and Maintenance in Language Contact Situations // The Loss of Language Skills / Ed. by R. D. Cambert, B. F. Freed. London, etc.: Rowely M. A.: Newbury House, 1982. P. 44–59.
203. Edwards J. Language, Society and Identity. NY: Basil Blackwell; Andre Deutsch, 1989.
204. Felde O.V. The Ethno-Linguistic Situation in the Krasnoyarsk Territory at the Beginning of the Third Millenium // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 7 (2011 4). P. 919–929.
205. Ferguson Ch. A. National Sociolinguistic Profile Formulas // Sociolinguistics/ ed. by Bright W. – 1966. – P. 309–324.
206. Ferguson Ch. A. Language Structure and Language use / Essays by Charles A. Ferguson // Selected and introd. By Anwar S. Dil. – Stanford: Stanford University Press, 1971. – 372 p.
207. Fishman J. A. The Sociology of Language // Advances in the Sociology of Language / ed. by J. A. Fishman. The Hague: Mouton. 1971. Vol. 1. P. 450–475.

208. Fishman J. A. Who speaks what language to whom and when? // *La Linguistic*. – 1965. – Vol. 2. – P. 67–68.
209. Haugen E. Language Contact // *Reports for the Eighth International Congress of Linguistics. Part II*. – Oslo, 1957. – P. 253–267.
210. Haugen E. Linguistics and Language Planning // *Sociolinguistics*. – Paris: The Hague, 1966.
211. Haugen E. Dialect, Language, Nation // *The Ecology of Language: Essays by Einar Haugen*. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1972. – P. 237–254.
212. Gal S. Lexical Innovation and Loss: The Use and Value of Restricted Hungarian // *Investigating Obsolence: Studies in Language Contraction and Death*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. – P. 313–331.
213. Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // *Language Ethnicity and Intergroup Relations*. London: Academic Press, 1977. P. 307–348.
214. Gumperz J. Types of Linguistic Communities // *Readings in the Sociology of Language*. – Paris: The Hague, 1968.
215. Heine B. Sprache, Gesellschaft und Kommunikation in Africa. – München, 1979.
216. Kloss H. Notes Concerning a Language-nation Typology // *Language Problems of Developing Nations*. – New York, 1968.
217. Kloss H. The American Bilingual Tradition. Washington. 1988.
218. Krauss M. The World's Languages in Crisis // *Language*. – 1992. – Vol. 68. - № 1. – P. 68–80.
219. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. – Washington DC: Center for Applied Linguistics, 1966.
220. Labov W. The Study of Language in its Social Context // *Studium Generale*. – 1970. – No 23. – P. 30–87.

221. Labov W. On the Mechanism of Linguistic Change // Georgetown University Monograph. No 18. Languages and Linguistics. – Georgetown, 1970.
222. Stewart W. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language / ed. by J. Fishman. – Paris: The Hague, 1968. P. 31–45.
223. Stewart W. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism // Study of the Role of Second Languages in Asia Africa and Latin America / ed. by F. Rice. – Washington: Center for Applied Linguistics, 1962. – P. 15–25.
224. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Карта Ермаковского района Красноярского края

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Примеры анкет социолингвистического обследования населения Усинской долины

Пример № 1. Русская анкета

1. Сколько лет Вы проживаете в данном населенном пункте? С рождения
2. Национальность Вашего отца. русский Язык русский
3. Национальность матери. хакаска Язык хакасский
4. Национальность бабушек и дедушек? Какими языками владеют (владели)?

	Национальность	Язык владения
4.1. Бабушка (по матери)	Хакаска	Хакасский
4.2. Дедушка (по матери)	Хакас	Хакасский
4.3. Бабушка (по отцу)	Руская	Русский
4.4. Дедушка (по отцу)	Русский	Русский

5. Ваш первый язык? русский, хакасский
6. Кем Вы считаете себя по национальности? русский
7. Какой язык Вы считаете родным? русский
8. Почему данный язык Вы считаете родным? Лучше знаю
9. Второй язык тувинский
10. Где Вы овладели следующими языками?

	Тувинским	Русским	Другим (каким?)
10.1. В семье родителей.		+	Хакасский
10.2. В детском саду.	+		
10.3. В школе.			
10.4. В средне-специальном или высшем учебном заведении.			
10.5. Общаясь с друзьями.			
10.6. Общаясь с супругом.			

11. На каком языке Вы обычно говорите?

	На тувинском	На русском	В равной мере на обоих	На другом (каком?)
11.1. На работе.		+		
11.2. С родителями.		+		
11.3. С женой (мужем).		+		
11.4. С родственниками.		+		
11.5. С детьми.		+		
11.6. С друзьями.		+		

12. В какой мере Вы владеете языками?

	Тувинским	Русским	Другим (каким?)
12.1. Совершенно свободно владею, думаю на языке.		+	
12.2. С некоторыми затруднениями	+		Хакасским
12.3. Со значительными затруднениями			
12.4. Понимаю, но не говорю.			
12.5. Знаю только отдельные слова.			
12.6. Не владею.			

13. В какой степени Вы можете читать и писать на этих языках?

	На тувинском	На русском	Одинаково хорошо на обоих	На другом (каком?)
13.1. Так же, как и говорю.		+		
13.2. Заметно лучше, чем говорю.				

[Введите текст]

13.3. Заметно хуже, чем говорю.	+			
---------------------------------	---	--	--	--

14. Язык книг и журналов в Вашей домашней библиотеке русский
 15. На каком языке Вы обычно пишете письма и смс? русский
 16. На каком языке Вы предпочитаете слушать и петь песни? русский

Укажите сведения о себе:

18. Пол М ± Ж _____
 19. Возраст 2-12 12-22 22-32 32-42 42-52 52-62 62-72 72-82 старше 82
 20. Место рождения Усинск
 21. Национальность супруга(и) русская
 22. Образование среднее
 23. Род занятий в настоящий момент (занимаемая должность) пенсионер

Пример 2. Тувинская анкета

1. Сколько лет Вы проживаете в данном населенном пункте? С рождения
 2. Национальность Вашего отца. тувинец Язык тувинский
 3. Национальность матери. тувинка Язык тувинский
 4. Национальность бабушек и дедушек? Какими языками владеют (владели)?

	Национальность	Язык владения
4.1. Бабушка (по матери)	тувинка	Тувинский
4.2. Дедушка (по матери)	тувинец	Тувинский
4.3. Бабушка (по отцу)	тувинка	Тувинский
4.4. Дедушка (по отцу)	тувинец	Тувинский

5. Ваш первый язык? тувинский
 6. Кем Вы считаете себя по национальности? тувинка
 7. Какой язык Вы считаете родным? тувинский
 8. Почему данный язык Вы считаете родным? Знаю с рождения
 9. Второй язык русский
 10. Где Вы овладели следующими языками?

	Тувинским	Русским	Другим
10.1. В семье родителей.	+		
10.2. В детском саду.			
10.3. В школе.		+	Немецким
10.4. В средне-специальном или высшем учебном заведении.			
10.5. Общась с друзьями.			
10.6. Общась с супругом.			

11. На каком языке Вы обычно говорите?

	На тувинском	На русском	В равной мере на обоих	На другом
11.1. На работе.		+		
11.2. С родителями.				
11.3. С женой (мужем).		+		
11.4. С родственниками.	+			
11.5. С детьми.		+		
11.6. С друзьями.	+			

12. В какой мере Вы владеете языками?

	Тувинским	Русским	Другим
12.1. Совершенно свободно владею, думаю на языке.	+	+	
12.2. С некоторыми затруднениями			
12.3. Со значительными затруднениями			
12.4. Понимаю, но не говорю.			Немецким
12.5. Знаю только отдельные слова.			
12.6. Не владею.			

[Введите текст]

13. В какой степени Вы можете читать и писать на этих языках?

	На тувинском	На русском	Одинаково хорошо на обоих	На другом
13.1. Так же, как и говорю.			+	
13.2. Заметно лучше, чем говорю.				немецком
13.3. Заметно хуже, чем говорю.	+			

14. Язык книг и журналов в Вашей домашней библиотеке русский

15. На каком языке Вы обычно пишете письма и смс? русский

16. На каком языке Вы предпочитаете слушать и петь песни? тувинский

Для тувинцев:

17. Чем для Вас является русский язык?

17.1. Это язык моего государства.		17.4. Это иностранный язык.	
17.2. Это язык моей родины.		17.5 Другое <i>почти родной</i>	+
17.3. Это язык общения с другими национальностями			

18. Для чего Вам нужен русский язык?

18.1. Для общения с русскими.	+	18.4. Другое	
18.2. Для получения образования.		18.5 Мне не нужен русский язык.	
18.3. Чтобы смотреть ТВ, фильмы, слушать радио, читать газеты, книги.			

Для тувинцев, не знающих тувинского языка:

19. Хотели бы Вы выучить тувинский язык и в какой мере?

19.1. Знать небольшое количество слов, чтобы общаться в быту		19.3. В полной мере владеть языком (и в письменной, и в устной форме).	
19.2. Владеть языком в устной форме		19.4. Не считаю нужным	

Укажите сведения о себе:

20. Пол М __ Ж ±

21. Возраст 2-12 12-22 22-32 32-42 42-52 52-62 62-72 72-82 старше 82

22. Место рождения Усинск

23. Национальность супруга(и) тувинец

24. Образование высшее

25. Род занятий в настоящий момент (занимаемая должность) учитель

[Введите текст]